

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the corresponding branches of science are to be published:

- 5.8.1. General pedagogy, History of pedagogy and education (Education sciences)
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (area and level related)
(Education sciences)
- 5.3.1. General psychology, Personality psychology, History of psychology
(Psychological sciences)
- 5.3.5. Social psychology, Political and economic psychology (Psychological sciences)
- 5.3.7. Age psychology (Psychological sciences)

The aims and areas of research: the interdisciplinary academic journal is aimed at promoting the study of psychology, pedagogics and education by maintaining high standards of publishing, and by facilitating Russian scholars of the areas to further integrate into the international academic and scholarly community. It is with this purpose in view that the journal launches a certain number of thematically-bound issues of articles, which focus on tackling certain problems from diverse points of view and via the lens of different approaches. Young scholars' pieces of research appear next to the international and local celebrities' investigation. The journal welcomes the studies, methodological, as well as empirical and experimental, in innovative research methods. The full-length articles, together with the 200-word abstracts, are published in Russian and in English with free access.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. The registration certificate is PI No. FS77-61884 of May 25, 2015. The latest changes were made in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of August 3, 2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047

Tel.: +7 499 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки)

Цели и области исследования: междисциплинарный научный журнал публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии, педагогики и образования. Цель журнала – объединить ученых, работающих в этих областях. Для этого в журнале создаются тематические выпуски, в которых размещаются статьи, анализирующие определенную проблему с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых в журнале публикуются и работы молодых начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий. С целью распространения материалов, полученных отечественными учеными, статьи, публикуемые в журнале, имеют как русскоязычную, так и англоязычную версию. При этом публикуются как полнотекстовые англоязычные статьи, так и расширенные английские аннотации объемом не менее 200 слов. Доступ к статьям журнала бесплатный.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.K. Schabelnikov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.P. Skripkina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.D. Schevelenkova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.K. Akimova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmlov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.T. Kudryavtsev, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Kataeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

G. Tihanov, Ph.D., professor, University of Queen Mary, London, UK

Executive editor

G.R. Khuzeeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь серии*)

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.К. Шабельников, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.П. Скрипкина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.Д. Шевеленкова, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.К. Акимова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

В.Т. Кудрявцев, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), Москва, Российская Федерация

Т.В. Рябова, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Катаева, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Дени, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Г. Тиханов, Ph.D., профессор, Университет королевы Марии, Лондон, Великобритания

Ответственный за выпуск

Г.Р. Хузеева, кандидат психологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

From the editor	10
-----------------------	----

Thematic messages

<i>Elena P. Belinskaya</i> Personal and socio-psychological resources of coping youth with difficult life situations in a modern digital society	16
<i>Marina S. Guseltseva</i> Judith Rich Harris and her concept of socialization. Critical aspects	32

Empirical research

<i>Zhuolin Zhou, Nataliya V. Grishina</i> Purposeful determinants as factors of the meaning-making among people of Russian and Chinese culture	56
<i>Svetlana E. Zolotareva</i> Features of women's subjective well-being in a situation of social transitivity. Age aspect	71
<i>Guzeliya R. Khuzeeva</i> Psychological chronotope and features of identity under the mixed reality conditions in adolescence	87
<i>Tat'yana P. Avdulova, Anastasiya I. Antonikova</i> Personality and time perspective features in adolescents with eating disorders	103
<i>Galina V. Molchanova</i> Features of the functioning of innovative teams in the preschool education system	122
<i>Ol'ga V. Grebennikova</i> Self-actualization of youth under transitory conditions	136
<i>Natal'ya A. Gerasimenko</i> Stylistic features as a subject of research into the professional activity of a teacher-educational psychologist	150

Works of young scientists

<i>Anastasiya A. Molchanova</i> Sports identity as condition for conservation of sustainable motivation for sports in children and adolescents	159
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	10
--------------------	----

Тематические сообщения

Елена П. Белинская

Личностные и социально-психологические ресурсы совладания юношества с трудными жизненными ситуациями в современном цифровом обществе	16
--	----

Марина С. Гусельцева

Джудит Рич Харрис и ее концепция социализации: критические аспекты	32
--	----

Эмпирические исследования

Чжолинь Чжоу, Наталия В. Гришина

Целевые детерминанты как факторы смыслообразования представителей русской и китайской культуры	56
--	----

Светлана Е. Золотарева

Особенности субъективного благополучия женщин в ситуации социальной транзитивности: возрастной аспект	71
---	----

Гузелия Р. Хузеева

Психологический хронотоп и особенности идентичности в условиях смешанной реальности в юношеском возрасте	87
--	----

Татьяна П. Авдулова, Анастасия И. Антониюкова

Особенности личности и временной перспективы у подростков с расстройствами пищевого поведения	103
---	-----

Галина В. Молчанова

Особенности функционирования инновационных команд в системе дошкольного образования	122
---	-----

Ольга В. Гребенникова

Самоактуализация молодежи в условиях транзитивности	136
---	-----

Наталья А. Герасименко

Стилевые особенности как предмет исследования профессиональной деятельности педагога-психолога образования	150
--	-----

Работы молодых ученых

Анастасия А. Молчанова

Спортивная идентичность как условие сохранения устойчивой мотивации занятий спортом у детей и подростков	159
--	-----

От редактора

Дорогие коллеги, предлагаю вашему вниманию четвертый, последний в этом 2023 году номер нашего журнала.

Открывает его важная теоретическая работа Е.П. Белинской «Личностные и социально-психологические ресурсы совладания юношества с трудными жизненными ситуациями в современном цифровом обществе». Анализ отечественной и зарубежной литературы дал возможность автору показать, что нормативные трудности развития в юности сегодня дополняются стрессорами, связанными с ситуацией онтологической неопределенности и глобальных рисков. Подчеркивая новый этап развития цифрового общества, Е.П. Белинская доказывает, что особенности социализации в настоящее время должны быть пересмотрены в контексте цифровой социализации, так же как и специфика копинга с возникающими в новой ситуации трудностями. Теоретический анализ проблемы дает возможность автору выделить современные тренды в понимании личностных и социально-психологических предикторов совладания.

Статья М.С. Гусельцевой «Джудит Рич Харрис и ее концепция социализации: критические аспекты» посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной психологии – концепции социализации. Актуализация данной проблемы связана с постоянной изменчивостью и неопределенностью современного мира, который становится вызовом для людей, пытающихся укорениться в меняющейся действительности. Д.Р. Харрис обсуждает вопрос в контексте традиционной психологии развития, доказывая, что в основе социальной адаптации человека лежит контекстуальная чувствительность. Хотя последние работы биологов, генетиков и психологов накопили много новых данных, тем не менее тезис Дж.Р. Харрис о том, что воспитание, которое дети приобретают в семье, не имеет для развития личности долговременных последствий, в отличие от поведения, формируемого детьми за пределами дома, требует дальнейших исследований и эмпирической верификации.

Открывает раздел эмпирических исследований совместная работа Н.В. Гришиной и Ч. Чжоу «Целевые детерминанты как факторы смыслообразования представителей русской и китайской культуры». В работе авторов раскрываются результаты сравнительного исследования влияния целевых детерминантов на уровень осмысленности жизни. Авторские модели, прогнозирующие

уровень осмысленности жизни, показали сходства и различия между российской и китайской выборками. Сходство проявляется во включенности в жизнь и готовности к изменениям, а различия – в роли целей в конкретных сферах жизни, оценке возможностей для их реализации и семейных ценностях, отражающих особенности культуры.

Сложные проблемы, встающие перед людьми в современном мире, рассматриваются в следующих статьях.

В статье С.Е. Золотаревой «Особенности субъективного благополучия женщин в ситуации социальной транзитивности: возрастной аспект» показано, что новые вызовы, требующие от людей способности к адаптации, сказываются на их психологическом благополучии. Эмпирическое исследование показало важность таких личностных ресурсов, как жизнестойкость и смысло-жизненные ориентации. Полученные автором данные доказывают, что структура жизнестойкости и смысло-жизненных ориентаций и их связь с компонентами субъективного благополучия отличаются в разных фазах зрелости.

Материалы, полученные в работе Г.Р. Хузеевой «Психологический хронотоп и особенности идентичности в условиях смешанной реальности в юношеском возрасте», показывают, что индивидуальные психологические хронотопы в цифровой повседневности связаны с характером субъективного отношения к различным аспектам реального и виртуального пространства. Выраженность субъектной позиции в виртуальном пространстве положительно связана с наличием виртуальных характеристик в структуре реальной идентичности. Такие аспекты психологического хронотопа, как эмоциональное отношение к разным параметрам пространства и времени, а также субъектная позиция в рамках данного пространства определяют содержание и структуру идентичности в юношеском возрасте.

В статье Т.П. Авдуловой и А.И. Антониковой «Особенности личности и временной перспективы у подростков с расстройствами пищевого поведения» представлены результаты исследования взаимосвязи типов пищевого поведения и временной перспективы личности, а также характерологических особенностей личности старших подростков. Авторами показано существование значимых двусторонних положительных связей между выраженной ориентацией подростков на негативное прошлое и ограничительным и эмоциогенным типами пищевого поведения. Была также выявлена значимая двусторонняя положительная корреляция между ограничительным пищевым поведением некоторыми акцентуациями.

В статье Г.В. Молчановой «Особенности функционирования инновационных команд в системе дошкольного образования» представлен новый и интересный взгляд на проблему формирования инновационных команд в образовательных организациях, которые вынуждены внедрять инновации в свою деятельность. Автором выявлена и описана специфика организации и функционирования инновационных команд в системе дошкольного образования и причины их низкой эффективности.

В статье О.В. Гребенниковой «Самоактуализация молодежи в условиях транзитивности» приведены результаты эмпирического исследования, которые показали высокую общность мотивации к самоактуализации молодых людей. Незначительные статистически значимые различия между девушками и молодыми людьми были выявлены только по шкалам: ориентация во времени, потребность в познании и в саморазвитии.

В работе Н.А. Герасименко «Стилевые особенности как предмет исследования профессиональной деятельности практического психолога образования» раскрываются психологические проблемы, анализируемые в рамках поднятого в статье вопроса. Представлена авторская схема наблюдения профессиональной деятельности практических психологов образования, показана ее практическая ценность, ее достоинства и недостатки.

В исследовании И.В. Байер и А.П. Яркаевой «Возрастная специфика психологического благополучия, самоактуализации и их связи у сотрудников коммерческой организации» представлены результаты связи психологического благополучия и самоактуализации в трех возрастных группах – ранней, средней и поздней взрослости. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что существует прямая связь психологического благополучия и самоактуализации во все возрастные периоды, хотя связи между отдельными параметрами варьируются с возрастом.

В работе А.А. Молчановой «Спортивная идентичность как условие сохранения устойчивой мотивации занятий спортом у детей и подростков» поднимается крайняя важная тема сохранения мотивации для занятий спортом у детей. Полученные автором эмпирические данные показали, что уровень спортивной идентичности прямо пропорционален продолжительности занятий спортом, то есть высокий уровень спортивной идентичности способствует поддержанию стабильной мотивации продолжения занятий спортом.

From the editor

Dear colleagues, here is the presentation of the fourth and last issue of our journal in 2023.

It opens with the important theoretical work of E.P. Belinskaya “Personal and socio-psychological resources of coping youth with difficult life situations in a modern digital society”. Analysis of Russian and foreign literature enabled the author to show that the normative difficulties of development in youth today are complemented by stressors associated with the situation of ontological uncertainty and global risks. Emphasizing the new stage in the development of the digital society, E.P. Belinskaya stresses that the features of socialization currently need to be reconsidered in the context of digital socialization, as well as the specifics of coping with the difficulties that arise in the new situation. Theoretical analysis of the issue allows the author to highlight current trends in understanding personal and socio-psychological predictors of coping.

Article by M.S. Guseltseva “Judith Rich Harris and her concept of socialization. Critical aspects” deals with one of the most pressing issues of modern psychology – the concept of socialization. The issue actualization is associated with the constant variability and uncertainty of the modern world, which becomes a challenge for people trying to take root in a changing reality. D.R. Harris discusses the issue in the context of traditional developmental psychology, arguing that contextual sensitivity underlies human social adaptation. Although recent work by biologists, geneticists and psychologists has accumulated a lot of new data, nevertheless, the thesis of J.R. Harris that the upbringing that children get in the family does not have long-term consequences for the personality development, unlike the behavior formed by children outside the home requires further research and empirical verification.

The section of empirical research opens with the joint work of N.V. Grishina and C. Zhou “Targeted determinants as factors of the meaning-making among people from the Russian and Chinese culture.” The authors’ work reveals the results of a comparative study in the targeted determinants impact on the level of meaningfulness in life. The author’s models predicting the level of meaningfulness in life showed similarities and differences between the Russian and Chinese samples. Similarities are manifested by the life involvement and willingness for change, and differences in the role of goals in specific areas of life, assessment of opportunities for their implementation and family values, reflecting cultural characteristics.

The complex issues facing people in the modern world are discussed in the following articles.

In the article by S.E. Zolotareva “Features of women’s subjective well-being in a situation of social transitivity. The age aspect” shows that new challenges that require an adaptability from the people affect their psychological well-being. Empirical research has shown the importance of such personal resources as resilience and life-meaning orientations. The data obtained by the author prove that the structure of resilience and life-meaning orientations and their connection with the components of subjective well-being vary in different phases of maturity.

Materials obtained in the work of G.R. Khuzeeva “Psychological chronotope and features of identity under the mixed reality conditions in adolescence” show that individual psychological chronotopes in digital everyday life are associated with the nature of the subjective attitude towards various aspects of the real and virtual space. The manifestation of the subject position in virtual space is positively related to the presence of virtual characteristics in the structure of real identity. Such aspects of the psychological chronotope as the emotional attitude to different parameters of space and time, as well as the subjective position within a particular space, determine the content and structure of identity in adolescence.

The article by T.P. Avdulova and A.I. Antonikova “Personality features and time perspective in adolescents with eating disorders” presents the results of a study in the relationship between types of eating behavior and the time perspective of personality, as well as characteral personality traits of elder adolescents. The authors showed the existence of significant two-way positive connections between adolescents’ pronounced orientation towards the negative past and restrictive and emotiogenic types of eating behavior. A significant two-way positive correlation was also revealed between restrictive eating behavior and some accentuations.

The article by G.V. Molchanova “Features of the functioning of innovative teams in the preschool education system” acquaints with a new and interesting look at the issue of forming innovative teams in educational organizations that are forced to introduce innovations into their activities. The author identifies and describes the specifics of the organization and functioning of innovative teams in the preschool education system and the reasons for their low efficiency.

O.V. Grebennikova in the article “Self-actualization of youth under transitory conditions” gives the results of an empirical study that showed a high commonality of motivation for self-actualization of young people. Minor statistically significant differences between girls

and guys were identified only on the scales: time orientation, need for the cognition and self-development.

The work of N.A. Gerasimenko “Style features as a subject of research into the professional activity of a practical educational psychologist” reveals psychological issues analyzed within the framework of the subject raised in the article. The author’s scheme for observing the professional activities of practical educational psychologists is presented, its practical value, its advantages and disadvantages are shown.

The study by I.V. Bayer and A.P. Yarkaeva “Age specifics of psychological well-being, self-actualization and their connection among employees of a commercial organization” deals with the results of the connection between psychological well-being and self-actualization in three age groups – the early, middle and late adulthood. The results obtained allow concluding that there is a direct connection between psychological well-being and self-actualization at all age periods, although the connections between separate parameters vary with age.

A.A. Molchanova in the work “Sports identity as a condition for maintaining sustainable motivation for sport in children and adolescents” raises the extremely important theme of maintaining the sports activities motivation in children. The empirical data obtained by the author showed that the level of sports identity is directly proportional to the duration of sports activities, that is, a high level of sports identity helps maintain stable motivation to continue going in for sports.

Тематические сообщения

УДК 159.922.8:004

DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-16-31

Личностные и социально-психологические ресурсы совладания юношества с трудными жизненными ситуациями в современном цифровом обществе

Елена П. Белинская

Психологический институт РАО

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

elena_belinskaya@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема детерминации выбора стратегий и ресурсов совладания с трудными жизненными ситуациями в юношеском возрасте. Отмечается, что нормативные трудности развития на этом возрастном этапе сегодня дополняются стрессорами, связанными с ситуацией онтологической неопределенности и глобальных рисков, что задает как новые вызовы процессам копинга, так и меняет исследовательские тренды в их изучении. Подчеркивается, что известные ранее особенности социализации юношества сегодня должны быть пересмотрены через призму цифровизации повседневности, которая заставляет мыслить успешность цифровой социализации как определяющую рамку психологического благополучия личности в целом и конструктивность ее совладания с трудностями в частности. На материале анализа зарубежных и отечественных исследований выделяются современные тренды в понимании личностных и социально-психологических предикторов совладания, которые объединяет общая содержательная интенция: выраженный переход к холистическому видению процесса взаимодействия человека и трудной ситуации. Это может конкретизироваться исследователями тройко: как более комплексное понимание личностных и когнитивных ресурсов совладания, как переосмысление проблемы эффективности копинга в сторону большей условности, как внимание к процессуальным составляющим совладания в виде взаимосвязи стратегий реактивного и проактивного копинга.

Ключевые слова: юношеский возраст, цифровая социализация, совладание с трудными жизненными ситуациями, ресурсы совладания, стратегии совладания, реактивный и проактивный копинг

© Белинская Е.П., 2023

Для цитирования: Белинская Е.П. Личностные и социально-психологические ресурсы совладания юности с трудными жизненными ситуациями в современном цифровом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 16–31. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-16-31

Personal and socio-psychological resources of coping youth with difficult life situations in a modern digital society

Elena P. Belinskaya

RAO Psychological Institute

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

elena_belinskaya@list.ru

Abstract. The article deals with the issue of determining the choice of strategies and resources for coping with difficult life situations in adolescence. It is noted that the normative difficulties of development at that age today are supplemented by stressors associated with the situation of ontological uncertainty and global risks, what sets both new challenges to coping processes and changes research trends in their study. It is emphasized that the previously known features of the socialization of youth today should be revised through the prism of the digitalization of everyday life, which leads to understanding the success of digital socialization as a defining framework for the psychological well-being of the individual in general and the constructiveness of the person's coping with difficulties in particular. Based on the analysis of foreign and Russian studies, the author lays emphasis upon modern trends in understanding the coping of personal and socio-psychological predictors, which are united by a common meaningful intention: a pronounced transition to a holistic vision of the process of human interaction and a difficult situation. It might be specified by researchers in three ways: as a more comprehensive understanding the personal and cognitive resources of coping, as a rethinking of the issue of the coping effectiveness towards greater conditionality and as an attention to the procedural components of coping in the form of interrelation of reactive and proactive coping strategies.

Keywords: adolescence, digital socialization, coping with difficult life situations, coping resources, coping strategies, reactive and proactive coping

For citation: Belinskaya, E.P. (2023), "Personal and socio-psychological resources of coping youth with difficult life situations in a modern digital society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 16–31, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-16-31

Введение

Изучение юношеского этапа социализации является одной из традиционных тем в психологии, насыщенной более чем вековой историей теоретических и эмпирических изысканий. Тому есть ряд причин, среди которых две, как минимум, не теряют своей актуальности. Во-первых, феноменологически этот возрастной этап максимально ярко соединяет в себе психологические новообразования, которые имеют определяющее значение для дальнейшего хода развития человека, в том числе – и для его системы копинг-процессов: возникновение целостного «Я», основанного на саморефлексии в процессе попыток преодоления кризиса идентичности; развитие системы личностных ценностей и смыслов в ходе динамики референтных кругов коммуникации; формирование способности к осозанным выборам в отношении разных сторон социальной реальности. Сегодня в силу кардинальных изменений социокультурного пространства эта феноменология претерпевает существенные изменения, провоцируя новый виток исследовательского интереса. Во-вторых, внимание психологии к юношескому возрасту определяется его известной методической доступностью – в силу легкости формирования выборок из-за институциональной привязанности респондентов к образовательным структурам и возможности полноценного применения всего спектра количественных и качественных методов. Сегодня эта возрастная группа, будучи рождена уже в эпоху цифровизации повседневности, становится привлекательной для исследователей еще и по причине высокой «откликаемости» на современные, цифровые, способы организации исследовательского процесса.

Очевидно, что накопленный опыт изучения различных проблем юношеского возраста в настоящее время подвергается пересмотру. Как справедливо отмечает М.С. Гусельцева, «изменяющаяся современность с ее новыми феноменами и реальностями влечет за собой трансформации нормативности, появление новых форм социализации, где наиболее восприимчивой к изменениям социальной группой оказывается молодежь» [Гусельцева 2023, с. 26]. Представляется, что в максимальной степени современная динамика юношеской социализации отражается в становлении и развитии процессов совладания с трудными жизненными ситуациями, ведь сегодня нормативные трудности развития неизбежно дополняются неожиданными и множественными стрессорами, угрожающими благополучию человека. Ответ на их воздействие посредством опоры на те или иные ресурсы и дальнейшего копинг-поведения создает новые конфигурации процесса психологической адаптации взрослеющего человека, позволяя не только приспособиться к из-

меняющимся обстоятельствам, но и формируя готовность противостоять трудным жизненным ситуациям с целью сохранения своей уникальности и целостности. Какова же общая социокультурная «рамка» взросления современного юношества и, соответственно, формирования особенностей совладания?

*Современность как ситуация
онтологической неопределенности
и глобальных рисков*

Время быстрых социальных изменений, предъявляющее человеку повышенные требования в ситуациях активного действия, сегодня теряет однозначность потенциальных векторов развития, квалифицируясь как ситуация неопределенности, сложности и разнообразия, и потому предполагающая новые «ответы» со стороны личности [Асмолов и др. 2021]. Среди последних большую распространенность и ценность с точки зрения социальной успешности приобретают рискованные (а потому и менее нормативные) варианты социального поведения, которые не отменяют и не конкурируют, а сосуществуют в одном пространстве с традиционными вариантами жизнедеятельности. Это позволяет предположить одновременное наличие в современном копинг-репертуаре взрослого человека противоречивых с точки зрения своей конструктивности стратегий совладания по отношению к одной и той же трудной жизненной ситуации.

Одним из возможных ракурсов рассмотрения ситуации онтологической неопределенности является оптика культуры, реинтерпретирующая динамику современного социального пространства через обращение к концепту транзитивности [Марцинковская 2019]. В этом случае общество понимается как, прежде всего, совокупность макро- и микро-мультикультурных пространств, что вызывает такие принципиальные изменения в ходе социализации, как неопределенность «границ» поколений, усиление латентных эффектов социальной адаптации, невозможность опоры в ходе онтогенетического развития на социальные нормы и ценности в силу неоднозначного к ним отношения. Неминуемо возникающие при этом негативные переживания (в силу, как минимум, утраты традиционных критериев для оценки собственной социальной успешности) очевидно влияют на эмоционально-ориентированные стратегии копинга на этапе юношеской социализации, когда эмоциональная переоценка трудностей становится для человека не только условием активного действия, но и основанием для формирования новых представлений о себе и мире.

Сегодня на смену категоризации социальной ситуации как неопределенной и/или транзитивной все чаще приходит более «сильное» ее определение – как ситуации глобальных рисков [Нестик, Журавлев 2021], в силу чего особенности самого бытия нашего современника мыслятся как постоянная и комплексная угроза его психологическому благополучию, а совладание трактуется в качестве повседневной жизненной необходимости. Подчеркнем, что в анализе ситуации глобальных рисков однозначно доминирует социально-психологический ракурс. Так, исследователями рассматриваются не сами глобальные угрозы, а особенности их восприятия, переживания и антиципации у различных социальных субъектов. Фокус исследовательского внимания сосредоточен на таких психологических следствиях глобальных рисков, как разрушение веры человека в свою способность влиять на будущее, амбивалентность и релятивизм его оценок социальной реальности, усиление приверженности конспирологическим теориям и подверженность манипулятивным воздействиям. Все это закономерно затрудняет для человека возможности совладания в силу необходимости постоянного распределения привычных и поиска новых ресурсов копинга, возникновения и распространения сильных аффективных реакций, а также снижения возможности планирования личной и профессиональной жизни, что влияет на характер уже не только реактивного, но и проактивного совладания [Агадуллина и др. 2020; Белинская 2022].

Цифровая социализация: психологические следствия в юношеском возрасте

При определении особенностей копинговых процессов в юношеском возрасте невозможно абстрагироваться от факта их протекания в условиях нарастающей цифровизации повседневности, что выражается в объективном возрастании роли информационных потоков в социализационных процессах. В этом смысле отношение взрослеющего человека к информации, будучи потенциально различным – от активного конструирования до пассивного потребления, является некой «исходной точкой», задающей дальнейшие особенности его социального поведения, в том числе – и совладающего [Марцинковская, Юрченко 2016]. Однако современные информационные потоки характеризует не только нарастание объема воздействия, но и объективно упрощенная система поиска информации, алгоритмизация ее выбора, возможность массового воспроизводства и ретрансляции, что предъявляет более конкретные вызовы к когнитивно-аффективной сфере человека. Остановимся

поэтому кратко на основных психологических следствиях цифровой социализации, которые, как представляется, имеют решающее значение для реализации стратегий совладания.

В качестве психологических рисков для развития когнитивной сферы субъекта в ситуации цифровизации выделяют: изменение содержания высших психических функций, прежде всего – произвольного внимания и смысловой памяти [Панов, Патраков 2020]; изменение образа мира в силу все большего смещения онлайн- и офлайн-существования [Солдатова, Рассказова 2020] и возникновение так называемой гиперподключенности [Солдатова, Войскунский 2021].

Выделение следствий цифровизации для аффективной сферы представлено более фрагментарно, опираясь на изучение особенностей коммуникативных процессов в сетевом взаимодействии, что вполне объяснимо трудностями методического характера: необходимостью фиксации текущих аффективных состояний в ситуации «смешанной» реальности. Внимание исследователей традиционно сосредоточено на том, как трансформации обратной связи и норм коммуникации, свойственные виртуальному общению, влияют на возможность полноценного выражения субъектом своих чувств и проявление эмпатии¹.

Необходимо выделить и те психологические следствия цифровизации, которые затрагивают личность человека цифрового мира. Данная тема, раскрываемая в основном через изучение динамики самосознания, является наиболее традиционным сюжетом психологических исследований, которые неслучайно реализуются преимущественно на юношеских и молодежных выборках. Эмпирические данные множественны (создание «виртуальной персоны» и, соответственно, «виртуальных двойников»; взаимосвязь характеристик реальной и виртуальной идентичности – подробнее см., например: [Голубева 2020]), но в любом случае центрированы на проблемах процесса персональной и социальной идентификации, который является «стержнем» юношеского этапа социализации. Подчеркнем при этом наличие сегодня исследовательских позиций, которые пытаются рассмотреть означенные проблемы комплексно, а именно – с точки зрения неизбежных (и потому не подлежащих оценке) следствий. Так, например, в рамках социально-когнитивной концепции цифровой социализации [Войскунский, Солдатова, 2021] обозначенные личностные проблемы рассматриваются в рамках идеи «человека достроенного» в силу его цифрового «расширения»,

---

¹ См., например: Сложные чувства: Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / Под ред. П. Аронсон. М.: Индивидуум, 2022.

при котором существование в смешанной реальности уже просто не позволяет говорить о традиционных вариантах построения «Я» как центральной образующей личности на любых возрастных этапах.

Не претендуя на теоретико-методологическое осмысление множественной и разноуровневой эмпирики, посвященной следствиям цифровизации для развития взрослеющего человека, которая достаточно развернуто представлена в отечественной традиции [Марцинковская, Преображенская 2020; Гусельцева 2023], подчеркнем, что достаточно конструктивной представляется позиция «новой нормальности», для которой характерно утверждение в качестве стандарта настоящего момента [Weber 2003]. С этой точки зрения указанные особенности есть не столько ограничения и/или препятствия, требующие преодоления, сколько новые характеристики сознания человека цифровой эпохи [Иллуз 2022].

Очевидно, что все вышесказанное существенно влияет как на восприятие взрослеющим человеком возможных ресурсов для преодоления жизненных трудностей, так и на выбор стратегий совладания с ними. Практика эмпирического исследования особенностей социального развития юношества сегодня должна быть пересмотрена через призму цифровизации повседневности, которая заставляет мыслить успешность цифровой социализации как определяющую рамку психологического благополучия личности в целом и конструктивность ее совладания с трудностями в частности. А потому остановимся на той динамике, которая характеризует сегодня проблематику копинга.

Современные исследовательские тренды в изучении совладания

Изучение закономерностей копинга сегодня может быть охарактеризовано следующими тремя достаточно выраженными, на наш взгляд, трендами, которые объединяет общая содержательная интенция: выраженный переход к более холистическому видению процесса взаимодействия человека и ситуации.

Во-первых, это переосмысление проблематики ресурсов совладания, которые все более понимаются не как конкретные личностные характеристики (локус контроля, личностная тревожность и пр.), особенности когнитивной сферы субъекта (полезависимость/полнезависимость, гибкость/ригидность и пр.) или же средовые факторы, связанные с особенностями коммуникации, а как комплексные особенности.

Вторым актуальным трендом при изучении совладания с неопределенностью становится пересмотр проблемы эффектив-

ности копинга, прежде всего в силу накопления эмпирического материала, доказывающего неоднозначность взаимосвязей между различными копинг-стратегиями человека и уровнем его психологической адаптации к ситуации неопределенности и, соответственно, психологическим благополучием.

В-третьих, современный акцент на ситуации неопределенности как «общей рамке» трудностей обращает исследователей к анализу процессуальных особенностей совладания, что сегодня выражается во внимании к его антиципационным возможностям: интересе не к реактивному, а к проактивному, обращенному в будущее, совладанию [Белинская 2022].

Что касается первого, более комплексного понимания личностных и социально-психологических копинг-ресурсов, то становление подобного взгляда имело свои гносеологические основания, центральными из которых выступали два: общая логика развития исследований динамического контроля неопределенности и современные представления об индивидуальных стилях деятельности. Итогом стал переход от традиционного изучения отдельных диспозиционных факторов копинга к выявлению целостной картины психологической регуляции процессов восприятия, принятия и преодоления неопределенности [Корнилова 2016]. Очевидно, что для подобного анализа необходимы множественные показатели, что привело к включению в перечень ресурсов совладания новых переменных (например, бдительности и осознанности) и к более детальному рассмотрению старых (в частности, через призму кросс-культурных исследований). Однако это не сняло давно поставленного в исследованиях копинга вопроса, а именно – существует ли однозначная связь между выбором ресурса(ов) совладания и конструктивностью основанных на нем стратегий [Lazarus 1993; Bouchard et al. 2004; Крюкова 2008]? Представляется, что достаточно часто фиксируемые противоречия при попытках эмпирических ответов на этот вопрос косвенно свидетельствуют о фундаментальных нарушениях рациональности в оценке трудных ситуаций, и потому неудивительно, что, согласно более современным исследованиям, констатируется усиление в процессах совладания защитных механизмов и снижение количества рациональных стратегий [Орестова и др. 2021], ведь пережить онтологическую неопределенность современности помогают иррациональная вера в собственную неуязвимость, возможность контроля над ситуацией и справедливость мира.

Собственно, именно наличие противоречивых эмпирических данных о ресурсах совладания создало основу второго исследовательского тренда, а именно – пересмотра проблемы эффективности копинга. Подчеркнем также его онтологическую рамку: в ситуации

неопределенности и глобальных рисков не приходится говорить об однозначной адаптивности/неадаптивности копингов, – хотя бы в силу высокой непредсказуемости самой трудной ситуации. И потому весомое значение начинают приобретать конкретные средовые факторы – прежде всего характеристики близкого социального окружения субъекта, которые в случае эмпирического изучения юношеского копинга центрируются на особенностях школьного и/или семейного круга коммуникации взрослеющего человека.

Так, на примере динамики совладания с трудными ситуациями в рамках школьного обучения показано, что особенности современной образовательной среды не только могут оказывать влияние на репертуар копинг-стратегий подростка, но и определять его успешность. Например, в школах, где поддерживается такая традиционно считаемая деструктивной стратегия как конфронтация, она становится источником укрепления собственного мнения и усиления «Я», позволяя подростку развить на этой основе различные социальные навыки и компетенции [Хломов и др. 2020]. Более многочисленные эмпирические данные касаются особенностей влияния внутрисемейной коммуникации на успешность совладающего поведения в подростковом и юношеском возрасте [Frydenberg, Lewis 2000; Comras et al. 2001; Сапоровская 2016; Куфтяк 2018]. В этих исследованиях все более выраженным становится переход от попыток определения условий, способствующих успешной внутрисемейной передаче тех или иных «хороших» личностных ресурсов совладания (см., напр.: [Hoffman, Levy-Shiff 1994]) к констатации нарушений известных ранее закономерностей межпоколенной трансмиссии. Последние включают в себя многое: от противоречивой картины возможности трансляции социальных норм и ценностей до неспособности родительского поколения передать свой опыт в преодолении конкретных трудных жизненных ситуаций [Liga 2020]. Представляется очевидным, что столь фундаментальные изменения в семейных системах меняют и сами критерии успешности/неуспешности (адаптивности/дезадаптивности) совладания, которые могут быть более чем различны у разных поколений.

Обращаясь к современному пониманию проблемы эффективности совладания, нельзя не отметить также и тот факт, что стратегии копинга могут менять свой адаптивный потенциал в силу возможности модерировать влияние эмоций на эффективность деятельности [Корнилова, Красавцева 2023]. Например, копинг-стратегия самоконтроля может снижать негативные переживания и, соответственно, позитивно влиять на такую стратегию копинга как переоценка ситуации, но одновременно оказывать негативный эффект на результаты деятельности в силу снижения концентрации на пробле-

ме, требующей совладания; высокий уровень тревожности, обычно ведущий к деструктивным копингам, может не влиять на уровень толерантности/интолерантности к неопределенности в ситуациях, когда сама интолерантность к неопределенности выступает ресурсом, предупреждающим человека об опасности. Более того – было показано, что при тревоге, связанной с неизбежным риском, концентрация на негативных эмоциях может не быть дисфункциональным копингованием, так как не влияет на общее переживание психологического благополучия, во всяком случае, в подростково-юношеских когортах [Köhler-Dauner 2021]. Подобные эмпирические данные все более заставляют исследователей сегодня говорить об условности выделения конструктивных копинг-стратегий как таковых, переходя к их рассмотрению в общем контексте характеристик потребностно-мотивационной сферы субъекта, динамики его образа мира и самого себя, особенностей взаимовлияния эмоциональной и когнитивной сфер [Битюцкая 2022].

Обращаясь к третьему из выделяемых нами трендов современных исследований копинга (внимания к его процессуальным составляющим в виде проактивного совладания), отметим, что на его актуализацию в определенной степени оказали влияние первые два. Так, с одной стороны, все больший акцент на изучении закономерностей и следствий общей когнитивной оценки трудной ситуации как неопределенной привел к необходимости включения в анализ совладания процессов его динамики, в частности – вниманию к взаимопереходам копингов (от реактивных к проактивным и наоборот). С другой – возникший акцент на комплексном понимании ресурсов в случае проактивности заставил в определенной степени переосмыслить само их понимание, что усилило так называемые ресурсные модели копинга [Greenglass, Fiksenbaum 2009].

Изучение проактивности в совладании как возможности предвосхитить будущие трудности в ситуациях, которые представляются субъекту принципиально вариативными по своему исходу и непредсказуемыми, поставило перед исследователями вопрос о наличии некоторого ключевого ресурса совладания с трудностями, который может направлять и контролировать использование других ресурсов. При всем разнообразии полученных эмпирических данных в качестве такого ключевого ресурса чаще всего по-прежнему выделяют сочетание оптимизма, жизнестойкости и самоэффективности [Frydenberg 2014], т. е. диспозиции, тесно связанные с эмоциональной и мотивационной сферами, а также с целеполаганием. Очевидно, что представления о собственной самоэффективности не только определяют степень усилий, предпринимаемых человеком для решения своих актуальных проблем (т. е. реактивный копинг), но

и в силу связанности с процессом целеполагания влияют на проактивное совладание. Однако при этом неоднозначные эмпирические данные были получены при попытках установить связь проактивности в совладании с уровнем субъективного благополучия человека: отмечается, что далеко не все аспекты проактивного совладания положительно коррелируют с ним и удовлетворенностью жизнью: так, некоторые зарубежные исследования вообще не обнаруживают взаимосвязи между этими показателями [Bogdan et al. 2012]. Определенным решением для объяснения отмечаемых противоречий может стать включение в исследования такой опосредующей переменной, как текущее эмоциональное состояние субъекта копинга. Так, наше недавнее исследование предикторов успешного проактивного совладания показывает, что он опосредуется переживанием преимущественно положительных эмоций, которые уже в свою очередь являются весомым предиктором высокой удовлетворенности жизнью, что, однако, может иметь существенные кросс-культурные особенности [Агадуллина и др. 2020]. Но в любом случае представляется, на наш взгляд, очевидным, что перспективным является большее включение в изучение закономерностей копинг-процессов аффективных переменных и комплексное рассмотрение когнитивно-аффективных предикторов совладания, и тому уже есть определенные эмпирические доказательства [Корнилова, Красавцева 2023].

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, отметим возможные перспективы развития данной проблематики, которые могут быть определены через расширение ее предметной сферы и обогащение методического инструментария. Так, исследование юношеского копинга в условиях цифровой повседневности может быть в гораздо большей степени центрировано на виртуальных ресурсах совладания и тех копинг-стратегиях, реализация которых характерна исключительно для социально-сетевому взаимодействию; также очевидный интерес представляет вопрос о роли текущих эмоциональных состояний при оценке юношеством трудной жизненной ситуации и проактивном выборе способов совладания с ней; немаловажным является и изучение восприятия тех ситуаций, которые ретроспективно или проспективно категоризируются в этом возрасте как жизненные события, как некоторые «вехи» субъективной картины жизненного пути. С методической точки зрения представляется, что определенные перспективы связаны с более активным использованием в изучении копинга качественной методологии и кросс-культурного анализа.

Литература

- Агадуллина и др. 2020 – *Агадуллина Е.Р., Белинская Е.П., Джураева М.Р.* Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 30–38.
- Асмолов и др. 2021 – *Асмолов А.Г. Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе // Вопросы психологии. 2021. Т. 4. № 67. С. 1–18.
- Белинская 2022 – *Белинская Е.П.* Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 760–771.
- Битюцкая 2022 – *Битюцкая Е.В.* Проблема циклической динамики копинга: характеристики процесса и методические решения // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 1. С. 57–72.
- Войскунский, Солдатова 2021 – *Войскунский А.Е., Солдатова Г.У.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
- Голубева 2020 – *Голубева Н.А.* Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.
- Гусельцева 2023 – *Гусельцева М.С.* Методологические аспекты изучения образа мира молодежи в цифровом транзитивном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 2. С. 10–30.
- Иллуз 2022 – *Иллуз Е.* Почему любовь уходит? Социология негативных отношений. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. 384 с.
- Корнилова 2016 – *Корнилова Т.В.* Совладание с неопределенностью: связи с эмоциональным интеллектом, готовностью к риску и рациональностью // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Междунар. науч. конф. Кострома, 22–24 сентября 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 37–39.
- Корнилова, Красавцева 2023 – *Корнилова Т.В., Красавцева Ю.В.* Эмоциональная плавучесть: новый взгляд на эмоциональную регуляцию в условиях неопределенности // Человек. 2023. Вып. 34. № 4. С. 39–57.
- Крюкова 2008 – *Крюкова Т.Л.* Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. № 2. С. 88–95.
- Куфтяк 2018 – *Куфтяк Е.В.* Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрасте: динамика и детерминанты // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 126–134.
- Марцинковская 2019 – *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3 (105). С. 77–96.

- Марцинковская, Юрченко 2016 – *Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И.* Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. Электронный журнал. URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2016v9n49/1332-martsinkovskaya49.html> (дата обращения 25 августа 2023).
- Марцинковская, Преображенская 2020 – *Марцинковская Т.Д., Преображенская С.В.* Информационная социализация студентов в транзитивном мире // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 3. С. 45–55.
- Нестик, Журавлев 2021 – *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ и перспективы исследований // Разработка понятий современной психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2021. С. 503–537.
- Орестова и др. 2021 – *Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Манчхашвили М.А.* Иррациональность мышления как способ совладания с неопределенностью современного мира // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 50–64.
- Панов, Патраков 2020 – *Панов В.И., Патраков Э.В.* Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: Психологический институт РАО, 2020.
- Сапоровская 2016 – *Сапоровская М.* Межпоколенный копинг в семье: социально-психологические механизмы и групповые эффекты // Психологические исследования. 2016. Т. 9 (49). URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i49.433>
- Солдатова, Рассказова 2020 – *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. № 1 (4). С. 87–97.
- Хломов и др. 2020 – *Хломов К.Д., Бочавер А.А., Корнеев А.А.* Копинг-стратегии и образовательная среда подростков // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 180–199.
- Bogdan et al. – *Bogdan C., Rioux L., Negovan V.* Place attachment, proactive coping and well-being in university environment. Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2012. № 33. P. 865–869.
- Bouchard et al. 2004 – *Bouchard G., Guillemette A., Landry-Leger N.* Situational and dispositional coping: an examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress // European Journal of Personality. 2004. Vol. 18. P. 221–238.
- Compas et al. 2001 – *Compas B.E., Connor-Smith J., Saltzman S., Thomsen A., Wadsworth S.* Coping with stress during childhood and adolescence: problems, progress, and potential in theory and research // Psychological Bulletin. 2001. Vol. 127. № 1. P. 87–127.
- Frydenberg, Lewis 2000 – *Frydenberg E., Lewis R.* Teaching Coping to adolescents: when and to whom? // American Educational Research Journal. 2000. Vol. 37. № 3. P. 727–745.
- Frydenberg 2014 – *Frydenberg E.* Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes // Australian Journal of Psychology. 2014. Vol. 66. № 2. P. 82–92.

- Greenglass, Fiksenbaum 2009 – *Greenglass E., Fiksenbaum L.* Proactive Coping, Positive Affect, and Well-Being // *European Psychologist*. 2009. Vol. 14. № 1. P. 29–39.
- Hoffman, Levy-Shiff 1994 – *Hoffman M.A., Levy-Shiff R.* Coping and locus of control: Cross-generational transmission between mothers and adolescents // *The Journal of Early Adolescence*. 1994. V. 14. № 3. P. 391–405.
- Köhler-Dauner 2021 – *Köhler-Dauner F.* The interplay between maternal childhood maltreatment, parental coping strategies as well as endangered parenting behavior during the current SARS-CoV-2 pandemic // *Developmental child welfare*. 2021. V. 3. № 2. P. 71–84.
- Lazarus 1993 – *Lazarus R.S.* Coping theory and research: past, present and future // *Psychosomatik Medicine*, 1993. № 55. P. 237–247.
- Liga 2020 – *Liga F.* The socialization of coping strategies in adolescence: The modeling role of parents // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. 2020. Vol. 33. № 1. P. 47–58.
- Weber 2003 – *Weber H.* Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. 2003. Vol. 16. № 2. P. 133–153.

References

- Agadullina, E.R., Belinskaya, E.P. and Dzhuraeva, M.R. (2020), “Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences”, *National Psychological Journal*, no. 3 (39), pp. 30–38.
- Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M. (2021), “The paradox of coexistence of adaptation and pre-adaptation in the historical-evolutionary process”, *Voprosy psikhologii*, vol. 4, no. 67, pp. 1–18.
- Belinskaya, E.P. (2022), “Coping in times of uncertainty and global risks: The main research trends”, *Vestnik Kemerovskogo universiteta*, vol. 24, no. 6, pp. 760–771.
- Bityutskaya, E.V. (2022), “The problem of cyclic coping dynamics: process characteristics and methodological solutions”, *Voprosy psikhologii*, vol. 68, no. 1, pp. 57–72.
- Bogdan, C., Rioux, L. and Negovan, V. (2012), “Place attachment, proactive coping and well-being in university environment. Procedia”, *Social and Behavioral Sciences*, no. 33, pp. 865–869.
- Bouchard, G., Guillemette, A. and Landry-Leger, N. (2004), “Situational and dispositional coping: an examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress”, *European Journal of Personality*, vol. 18, no. 2, pp. 221–238.
- Compas, B.E., Connor-Smith, J., Saltzman, S., Thomsen, A. and Wadsworth, S. (2001), “Coping with stress during childhood and adolescence: problems, progress, and potential in theory and research”, *Psychological Bulletin*, vol. 127, no. 1, pp. 87–127.
- Frydenberg, E. (2014), “Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes”, *Australian Journal of Psychology*, vol. 66, no. 2, pp. 82–92.

- Frydenberg, E. and Lewis, R. (2000), "Teaching Coping to adolescents: when and to whom?", *American Educational Research Journal*, vol. 37, no. 3, pp. 727–745.
- Golubeva, N.A. (2020), "Digital identity features of teenagers and youth in modern technological society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 130–150.
- Guseltseva, M.S. (2023), "Methodological aspects of studying the worldview of youth in a digital transitive society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 10–30.
- Greenglass, E. and Fiksenbaum, L. (2009), "Proactive coping, positive affect, and well-being", *European Psychologist*, vol. 14, no. 1, pp. 29–39.
- Hoffman, M.A. and Levy-Shiff, R. (1994), "Coping and locus of control: Cross-generational transmission between mothers and adolescents", *The Journal of Early Adolescence*, vol. 14, no. 3, pp. 391–405.
- Illouz, E. (2022), *Pochemu lyubov' ukhodit? Sotsiologiya negativnykh otnoshenii*, Direktmedia Publishing, Moscow, Russia.
- Khlomov, K.D., Bochaver, A.A. and Korneev, A.A. (2020), "Coping strategies of adolescents and educational environment", *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, vol. 11, no. 2, pp. 180–199.
- Kornilova, T.V. (2016), "Coping with uncertainty. Links to emotional intelligence, risk willingness, and rationality", *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie*. Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 22–24 sentyabrya 2016 g. [Psychology of stress and coping behavior. resources, health, development. Proceedings of the IV International scientific conference, Kostroma, September 22–24, 2016], KGU, Kostroma, Russia, pp. 37–39.
- Kornilova, T.V. and Krasavtseva, Yu.V. (2023), "Vulnerable buoyancy: A new view on emotional regulation under uncertainty", *Chelovek*, vol. 34, no. 4, pp. 39–57.
- Köhler-Dauner, F. (2021), "The interplay between maternal childhood maltreatment, parental coping strategies as well as endangered parenting behavior during the current SARS-CoV-2 pandemic", *Developmental child welfare*, vol. 3, no. 2, pp. 71–84.
- Kryukova, T.L. (2008) "A man as a subject of coping behavior", *Psychological Journal*, no. 2, pp. 88–95.
- Kuftyak, E.V. (2018), "Vitality in teenagers and adolescents: Dynamics and determinants", *Russian Foundation for Basic Research Journal, Humanities and social sciences*, no. 3, pp. 126–134.
- Lazarus, R.S. (1993), "Coping theory and research: past, present and future", *Psychosomatik Medicine*, no. 55, pp. 237–247.
- Liga, F. (2020), "The socialization of coping strategies in adolescence: The modeling role of parents", *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*, vol. 33, no. 1, pp. 47–58.
- Martsinkovskaya, T.D. and Yurchenko, N.I. (2016), "Copping strategies in transitive society", *Psychological Studies* vol. 9, no. 49, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n49/1332-martsinkovskaya49.html> (Accessed 23 August 2023).
- Martsinkovskaya, T.D. and Preobrazhenskaya, S.V. (2020), "Information socialization of students in the tranzitive world", *Voprosy psikhologii*, vol. 66, no. 3, pp. 45–55.

- Martsinkovskaya, T.D. (2019), "Information space of a transitive society: Challenges and prospects", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 27, no. 3 (105), pp. 77–96.
- Nestik, T.A. and Zhuravlev, A.L. (2021), "Global risk attitude. Socio-psychological analysis and research perspectives", *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii* [Developing the concepts of modern psychology], IP RAN, Moscow, Russia, pp. 503–537.
- Orestova, V.R., Tkachenko, D.P. and Manchkhavili, M.A. (2021), "Irrationality of thinking as a way to cope with the uncertainty of the modern world", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 50–64.
- Panov, V.I. and Patrakov, E.V. (2020), *Tsifrovizatsiya informatsionnoi sredy: riski, predstavleniya, vzaimodeistviya* [Digitalization of the information environment. Risks, perceptions, interactions], Psikhologicheskii institut RAO, Moscow, Russia.
- Saporovskaya, M.P. (2016), "Intergenerational coping in family: social and psychological mechanisms and group effects", *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 9 (49), <https://doi.org/10.54359/ps.v9i49.433>
- Soldatova, G.U. and Rasskazova, E.I. (2020), "Digital transition outcomes: From online reality to mixed reality", *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, vol. 16, no. 4, pp. 87–97.
- Soldatova, G.U. and Voiskunskii, A.E. (2021), "Socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the mind", *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 3, pp. 431–450.
- Weber, H. (2003) "Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations", *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 133–153.

Информация об авторе

Елена П. Белинская, доктор психологических наук, профессор, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4;

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; elena_belinskaya@list.ru

Information about the author

Elena P. Belinskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Education Psychological Institute, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 9; Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 9, bld. 11, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; elena_belinskaya@list.ru

Джудит Рич Харрис и ее концепция социализации: критические аспекты

Марина С. Гусельцева

*Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований,
Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru*

Аннотация. Обсуждается концепция социализации и развития личности ребенка Джудит Рич Харрис, специалиста в области психологии развития. Ее новаторские работы на рубеже XX–XXI вв. способствовали ревизии представлений о роли среды и наследственности в развитии человека. Дж.Р. Харрис обрела известность в качестве автора дискуссионных книг – “The Nurture Assumption: Why Children Turn Out the Way They Do” (1998) и “No Two Alike: Human Nature and Human Individuality” (2006). Она подвергла критике распространенный взгляд, что родители и стили воспитания в семье служат определяющими факторами в развитии детской личности. Основная идея работ Дж.Р. Харрис заключается в том, что личность ребенка в большей степени формируется его непосредственным социальным окружением и наследственностью, нежели целенаправленными усилиями родителей и учителей. Она доказывает, что в основе социальной адаптации человека лежит контекстуальная чувствительность. Поведение ребенка специфично для той ситуации, в которой оно сформировано, и это поведение спонтанно перестраивается при попадании в иную социальную окружающую среду с учетом требований новой ситуации. Дж.Р. Харрис доказывает, что воспитание, которое дети приобретают в семье, не имеет для развития личности долговременных последствий, в отличие от поведения, формируемого детьми за пределами дома. Дети социализируются преимущественно в общении со сверстниками, а их личности развиваются посредством опыта взросления, получаемого за пределами семейного круга. Благодаря успехам биологических наук, поведенческой генетики и расшифровки человеческого генома психология развития в целом и исследования социализации в частности получили на рубеже XX–XXI вв. дополнительные стимулы для ревизии сложившихся представлений. Наблюдения лингвистов, этнографов, биологов, антропологов также побуждают современных психологов пересматривать свои привычные концепции.

© Гусельцева М.С., 2023

Ключевые слова: детское развитие, социализация, психология развития, поведенческая психология, личность, история науки

Для цитирования: Гусельцева М.С. Джудит Рич Харрис и ее концепция социализации: критические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 32–55, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-32-55

Judith Rich Harris and her concept of socialization. Critical aspects

Marina S. Guseltseva

*Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mguseltseva@mail.ru*

Abstract. The concept of socialization and the child's personality development by Judith Rich Harris, a specialist in the field of developmental psychology, is discussed. Her innovative work at the turn of the 20th and 21st centuries contributed to the revision of ideas about the role of the environment and heredity in human development. J.R. Harris is best known as the author of the controversial books *The Nurture Assumption: Why Children Turn Out the Way They Do* (1998) and *No Two Alike: Human Nature and Human Individuality* (2006). She criticized the common view that parents and parenting styles in the family serve as determining factors in the development of children's personality. The main idea of Judith Harris's work is that a child's personality is shaped more by his immediate social environment and heredity than by the deliberate efforts of parents and teachers. She argues that contextual sensitivity underlies human social adaptation. The child's behavior is specific to the situation in which it was formed, and such behavior is spontaneously restructured when entering a different social environment, taking into account the requirements of the new situation. J.R. Harris argues that the upbringing that children receive in the family has no lasting effects on the personality development, unlike the behaviors that are formed by children outside the home. Children are socialized primarily through interactions with peers, and their personalities are developed through experiences growing up outside the family circle. Developmental psychology in general and socialization research in particular at the turn of the 20th and 21st centuries received incentives to revise established perceptions thanks to the successes of biological sciences, behavioral genetics and deciphering the human genome. Observations by linguists, ethnographers, biologists, and anthropologists also encourage modern psychologists to reconsider conventional concepts.

Keywords: child development, socialization, developmental psychology, behavioral psychology, personality, history of science

For citation: Guseltseva, M.S. (2023), “Judith Rich Harris and her concept of socialization. Critical aspects”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 32–55, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-32-55

...Нам, возможно, придется освободить в своем мировоззрении место для донаучной концепции человеческой природы – но не для свободы воли... а для судьбы. Свобода воли не подходит, потому что среди всех черт, которыми могут отличаться выросшие вместе идентичные близнецы, есть такие, которые упрямо не поддаются сознательному контролю. Никто не решает стать шизофреником, гомосексуалом, музыкально одаренным или, если уж на то пошло, тревожным, самоуверенным или открытым новому. Но старую идею судьбы – в смысле неконтролируемой фортуны, а не строгого предназначения – можно примирить с современной биологией, если мы вспомним, как много у случая шансов вмешаться в развитие. [Джудит Рич] Харрис, отмечая, насколько недавно и неповсеместно возникло представление, что мы можем формировать наших детей, процитировала женщину, жившую в 1950-х в отдаленной индийской деревушке. Когда ее спросили, каким человеком она надеется увидеть своего взрослого ребенка, она пожала плечами и ответила: «Это его судьба, какая разница, чего хочу я».

С. Пинкер¹

Введение (интрига)

Джудит Рич Харрис (Judith Rich Harris, 1938–2018) известна сегодня как исследовательница в области психологии развития, создательница оригинальной концепции социализации. Она родилась в Бруклине, перебравшись с родителями в штат Аризона, училась в местной школе и университете, в 1959 г. с отличием окончила Брандейский университет, а в 1960 г. была отчислена из докторской программы по психологии Гарвардского университета.

---

¹ [Пинкер 2018, с. 490].

Несколько десятилетий спустя, уже после вручения ей премии Джорджа Миллера от Американской психологической ассоциации, Дж. Харрис отметила, что этот факт ее биографии «является доказательством того, что у богов есть чувство юмора», ведь именно за подписью Дж. Миллера ей вручили «то самое письмо», исключаящее из аспирантуры. «Мы сильно сомневаемся, что Вы сможете разделить наш профессиональный стереотип о том, каким должен быть психолог-экспериментатор», – приводит фрагмент письма в мемориальной заметке С. Пинкер, иронично комментируя, что вряд ли в 1960 г. руководство факультета могло предположить, насколько правдивыми окажутся эти слова, ибо Дж. Харрис своей научной биографией действительно обрушила сложившийся профессиональный стереотип о том, каким следует быть психологу-экспериментатору [Pinker 2020, p. 1024].

А вот как описывает эту пикантную ситуацию в книге «Природа через воспитание: гены, опыт и то, что делает нас людьми» (“Nature Via Nurture: Genes, Experience, and What Makes us Human”) британский биолог и популяризатор науки Мэтт Ридли (Matt Ridley, p. 1958):

В 1960 г. аспирантка Гарварда получила от заведующего кафедрой психологии Джорджа А. Миллера письмо о своем увольнении из докторантуры, поскольку оказалась не на высоте. Запомните это имя. Намного позже, вынужденная оставаться дома из-за хронических проблем со здоровьем, Джудит Рич Харрис взялась за написание учебников по психологии – тех книг, в которых она скрупулезно излагала господствующую психологическую парадигму: личность и многое другое в человеке получено им из окружающей среды. Спустя 35 лет после ухода из Гарварда, будучи безработной бабушкой, счастливо избежав академической идеологической обработки, она села и написала статью, которую отправила в престижный журнал *Psychological Review*. Статья была опубликована и имела сенсационный успех. Редакцию засыпали вопросами, кто такая Джудит Рич Харрис? В 1997 г. лишь за эту статью она была удостоена одной из высших наград в области психологии: премии Джорджа А. Миллера [Ridley 2003, p. 251].

В истории идей присутствует некая ритмичность, согласно которой чаша интеллектуальных весов склоняется, например, от классицизма к романтизму, а затем происходит возвратное движение. Так, позитивизм сменяется его жесткой критикой, но время спустя в научном сообществе вновь возникает потребность в доказательном знании. Подобной ритмичностью обладают и дискуссии о роли наследственности и среды в развитии человека. Сменяются

научные эпохи, и уклон в сторону социогенетизма и конструкционизма, в своей радикальной версии гласящий, что *воспитанию подвластно всё*: приведите к психологу-экспериментатору детей одного возраста, и на выходе вы получите «абсолютно одинаковых людей с одинаковыми вкусами и поведением»², корректируется данными поведенческой генетики. В контексте поведенческой генетики формулируются сегодня новые идеи, возникшие на основе экспериментов, поставленных самой природой. Помимо этого, информацию к размышлению доставляют наблюдения за социализацией мигрантов в эпоху глобализации, а также сравнительный анализ развития близнецов и усыновленных детей [Cogg, Matthews, 2020]. Иными словами, то, что представляется хорошо известным в науке сегодня, при свете завтрашнего дня может быть поставлено под вопрос.

Бесконечные дискуссии: среда vs наследственность, воспитание vs генетические факторы?

Опубликованная в 1995 г. статья Дж.Р. Харрис начиналась с вопроса: «Оказывают ли родители на развитие личности своего ребенка какое-либо важное долгосрочное влияние?» [Harris 1995, p. 458]. Таким образом, она подвергла сомнению, казалось бы, самоочевидный тезис о том, что родители в жизни и развитии ребенка играют первостепенную роль. До этой публикации и среди психологов, и среди педагогов само собой разумеющимся считалось, что личность человека значительно обусловлена тем, каким образом с ребенком обращались родители или заменяющие родителей взрослые. Между тем в смежных с психологией областях знания накапливались исследования, доказывающие, что *никакое воспитание не может полностью отменить генетические факторы*. Если у агрессивных родителей вырастают агрессивные дети, можно ли доказать, что за этим стоит присвоение ребенком родительских образцов поведения, или же агрессивность передалась ему по наследству? Убедительных доказательств, что агрессивное или гуманное поведение родителей вызывает у детей схожие поведенческие паттерны, на сегодняшний день не существует. Более

---

² Григорович Л.А., Марцинковская Т.Д. Педагогика и психология: Учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 2003. С. 280; Основатель бихевиоризма Дж. Уотсон писал: «Дайте мне сто детей одного возраста, и я сформирую из них абсолютно одинаковых людей с одинаковыми вкусами и поведением» (цит. по: [Там же. с. 279–280]).

того, не исключено, что «у тех родителей, которые все еще часто наказывают детей, вырастают агрессивные дети потому, что агрессивность отчасти передается генетически», справедливо умозаключила Дж.Р. Харрис [Harris 2000b].

С подобными выводами солидарен и Стивен Пинкер (Steven Pinker, р. 1954), специалист в области когнитивных наук, психолингвистики и экспериментальной психологии, известный ученый и популяризатор науки:

Если робкий ребенок вырастает робким взрослым, мы не знаем, было ли это результатом гиперопеки родителей или следствием того, что ребенок уже родился таким.

<...>

Конкретный метод воспитания неизбежно влияет на одних детей так, а на других иначе...

...одних детей отсутствие наказаний портит (делает их более агрессивными), а других учит, что насилие – это не решение (сделав их менее агрессивными). Демонстрация привязанности делает некоторых детей более любвеобильными (потому что они идентифицируют себя с родителями), а других – менее (потому что они настроены против родителей) [Пинкер 2018, с. 478, 479].

В этой связи С. Пинкер обращает внимание на *три закона современной поведенческой генетики*: 1) психические черты наследуются; 2) в повседневном развитии человека отсутствует такая реальность, как общая (универсальная) среда; 3) значимое влияние на развитие личности оказывает индивидуальная среда социализации [Пинкер 2018, с. 470].

В свою очередь, Дж.Р. Харрис отмечает, что «самый большой толчок» психологические исследования социализации получили не из наук о развитии, а из биологических наук.

Расшифровка генома человека послужила огромным стимулом к генетическим исследованиям, что привело сначала к анализу, а затем и к пониманию того, как крошечные различия в генах способны вызывать значительные различия в характерах и когнитивных способностях [Харрис 2008, с. 218].

В 2018 г. вышла в свет книга одного из наиболее цитируемых психологов XX в. – Роберта Дж. Пломин (Robert J. Plomin, р. 1948), исследователя в области поведенческой генетики и психологии близнецов, – «Прообраз: Как ДНК делает нас теми, кем мы являемся» (“Blueprint: How DNA Makes Us Who We Are”) [Plomin 2018]. В этой книге с опорой на близнецовые исследования Р. Пломин доказывает,

что именно генетические отличия составляют основу изрядной доли психологических особенностей человека, касающихся когнитивных способностей и индивидуальности личности, тогда как стили родительского воспитания и учебные программы практически не оказывают на эти особенности существенного влияния. Хорошая память, скорость переработки информации, пессимизм или оптимизм, агрессивность или склонность к эмпатии во многом предрасположены генетически. Даже наши политические предпочтения, приверженность либерализму или консерватизму определяются генами. В итоге Р. Пломин приходит к выводу, что *на развитие личности в большей степени влияют еще недостаточно понятые случайные факторы, нежели социокультурные обстоятельства и стратегии родительского воспитания* [Plomin 2018].

В свою очередь, выступая против социогенетизма, С. Пинкер замечает:

Как знает любой родитель, у которого как минимум двое детей, это не одно и то же сырье, которому остается только придать форму. Это маленькие люди, и они уже родились личностями. А люди всегда реагируют на личность друг друга, даже если один из них – родитель, а другой – ребенок. Родитель привязчивого ребенка может отвечать ему взаимностью и будет вести себя не так, как ведут себя родители ребенка, который морщится и вытирает щеку после поцелуя. Родители молчаливого, витающего в облаках ребенка порой чувствуют, будто разговаривают со стенкой, и потому сами беседуют с ним меньше. Родителям послушного малыша может сойти с рук требование соблюдения твердых, но разумных границ, а родители хулигана однажды почувствуют, что у них лопнуло терпение, и либо установят в доме сверхжесткий порядок, либо сдадутся. Другими словами, корреляция – это еще не причинно-следственная связь. Наличие корреляции между родителями и детьми не означает, что родители влияют на детей; это может говорить о том, что дети влияют на родителей, что одни и те же гены влияют на родителей и детей или и то и другое вместе [Пинкер 2018, с. 474].

Вернемся к биографии Дж.Р. Харрис. Нам важно отрефлексировать случившийся с ней мировоззренческий поворот в свете ревизии идей, касающихся роли среды и наследственности в развитии личности. Итак, расставшись с Гарвардом, Дж. Харрис некоторое время зарабатывала на жизнь написанием учебников по детской психологии, пока не перестала верить в то, что сама писала. Прозрение случилось в тот момент, когда, повторяя расхожее мнение

о том, что подростки пытаются достичь статуса зрелых взрослых, она вдруг подумала:

Если бы подростки хотели быть как взрослые, они не совершали бы разные чудачества. Если бы они действительно стремились к «статусу зрелости», они бы занимались скучными взрослыми делами, такими как сортировка белья и расчет подоходного налога [Pinker 2020, p. 1025].

Иными словами, «подростки не пытаются быть похожими на взрослых: они пытаются отличаться от взрослых!» [Pinker 2020, p. 1025]³.

³ В интервью издателю и редактору серии научно-популярных книг Джону Брокману (John Brockman, p. 1941) Дж. Харрис развивает эти мысли несколько под иным углом:

В развитых обществах существует особая возрастная группа для людей, которые уже не дети, но еще не взрослые, и эта группа становится источником социальных изменений. В обществах, где есть только две возрастные группы, дети и взрослые, культура может практически не меняться из поколения в поколение, но как только появляется особая возрастная группа для подростков, что-то начинает происходить. Подростки ищут способы продемонстрировать приверженность своей возрастной группе – способы показать, что они отличаются от взрослых. Они используют странные формы украшений, которые взрослые считают неприемлемыми, и изобретают новые слова или используют старые слова по-новому [Brockman, Harris 1999].

На наш взгляд, знакомство с подобного рода рассуждениями и фактами истории науки полезно для критического осмысления конструктивизма и социогенетизма, присущих российской интеллектуальной традиции [Гусельцева 2014]. Этим обусловлен сегодня наш интерес к концепции детского развития Дж.Р. Харрис, полагавшей, что пренебрежение генетикой и использование устаревших методик психологического исследования послужило препятствием к научным прорывам в области психологии развития [Харрис 2008].

Дж. Харрис замечает, что хотя отдельные вариации человеческой личности обусловлены чем-то иным, нежели гены, современная наука еще не разобралась, что это такое и как оно работает. Самые тщательные и добросовестные психологические исследования так и не смогли выявить те факторы социального окружения ребенка, которые наиболее значимы для его развития. Если одни аспекты

могут быть общими для всех растущих в семье детей (например, отсутствие или наличие заботливого отца), то другие аспекты социального окружения, напротив, способны увеличивать индивидуальные различия (например, конкуренция между братьями и сестрами или родительский фаворитизм). Однако ни те, ни другие не являются причиной *негенетической изменчивости личности*. Общее представление о взаимодействии между генами и окружающей средой, подчеркивает Дж. Харрис, также не спасает положение.

Опираясь на данные антропологических исследований, она приходит к мысли, что в человеческой эволюции имели место не два, а три процесса отбора. Первые два – это хорошо известные естественный и половой отборы, настроенные соответственно на приспособленность и сексуальную привлекательность субъекта. Третий же вид отбора Дж. Харрис называет *родительским отбором*. Последний позволяет объяснить, например, каким образом у европейцев, которые произошли от африканцев, за довольно короткий период времени появилась белая кожа. Наряду с этим более привлекательными для родителей оказались менее волосатые младенцы, что, согласно предположению Дж. Харрис, объясняет стремительный по эволюционным меркам переход к безволосости, – переход, затронувший лишь вид *Homo sapiens* и его непосредственных предшественников.

Современные исследования, позволяющие контролировать влияние генов на близнецов, сиблингов или усыновленных детей, доказывают, что домашняя обстановка практически не влияет на интеллект или характер человека. Сходство, наблюдаемое между родителями и их биологическими детьми или между родными братьями и сестрами, растущими в одном доме, практически полностью является функцией общих генов. Дети рождаются с предрасположенностью к определенному развитию, убеждена Дж. Харрис, и эта предрасположенность имеет генетическую основу. По этой причине в вопросах психологии воспитания сходство между родителями и детьми скорее объясняется тем обстоятельством, что дети получают гены от родителей, чем педагогическими стратегиями.

Концепция детского развития Дж.Р. Харрис

Дж.Р. Харрис приобрела известность как автор двух вызвавших широкое обсуждение книг – «Предположение о воспитании: почему дети становятся такими, какими они есть» (“The Nurture Assumption: Why Children Turn Out the Way They Do”) и «Нет двух одинаковых: человеческая природа и человеческая индивиду-

альность» (“No Two Alike: Human Nature and Human Individuality”) [Harris 1998; Harris 2006].

В книге «Предположение о воспитании...» последовательно изложена ее концепция детского развития и групповой социализации. Дж.Р. Харрис критикует распространенный взгляд, что родители и стили воспитания в семье служат определяющими факторами развития личности ребенка. Также она анализирует доказательства и научные факты, взятые из смежных психологии наук, показывающие сомнительность корреляций между родительскими стратегиями воспитания и развитием личности.

Между тем следует отметить, что в своих работах Дж.Р. Харрис отнодь не утверждает, что воспитание в родительском доме не имеет значения. Но она подчеркивает, что значимость родителей определяется не их способностью сформировать личность ребенка, а тем, насколько с качественными социальными отношениями дети познакомятся в контексте своей семьи и насколько культура этих отношений позволит им достичь качества жизни вне семейного очага. Она отмечает, что счастливая детская жизнь в семье является самоценной для социализации человека, но ее не следует рассматривать как гарантию счастливой взрослой жизни.

Также Дж.Р. Харрис обращает внимание на роль контекста, на тонкие настройки социализации применительно к меняющимся контекстам, на контекстуальность человеческого поведения, что, на ее взгляд, недостаточно учитывается в психологии развития. Так, она подвергает сомнению идею о том, что если ребенок научился определенным вещам или отношениям в одном контексте, то он автоматически переносит эти навыки в другой контекст.

Убежденность в том, что детям легче повторно использовать то, что они узнали в прошлом, нежели учиться чему-то новому, чему-то специально адаптированному к их нынешней ситуации, уже давно является препятствием для научного прогресса [Harris 2000с, р. 700].

Дети по отдельности учатся тому, как вести себя во всякой из своих окружающих сред, и выстраивают разные отношения с каждым из важных людей в их жизни. Конкретное человеческое поведение обусловлено множеством (не всегда учтенных) факторов, а его адаптивность зависит именно от чувствительности субъекта к изменившемуся контексту. Поскольку дети зачастую выстраивают свою взрослую жизнь в контекстах, существенно отличающихся от их семейной среды, для них было бы контрпродуктивно развивать поведенческие стратегии, ориентированные исключительно на эту среду.

Механизм обучения, которым оснащены люди, не работает таким образом, что то, что сработало в одном контексте, станет одинаково хорошо работать и в другом. Ребенок, знающий, что мать возьмет его на руки и покормит, когда он плачет, не может предположить, что плач вызовет такой же эффект на его отца, его сестру или детей в детском саду. С его стороны было бы неразумно делать такое предположение, и он этого не делает. Человеческий разум очень хорошо различает такие вещи и хранит их в отдельных ячейках [Brockman, Harris 1999].

Одной из важных идей первой книги является предположение о том, что *выученное поведение специфично для той ситуации, в которой оно выучивается* [Harris 1998]. Так, ребенок, позволяющий себе капризничать в общении с мамой и бабушкой, не станет этого делать в присутствии строгого отца или учителя. Идея контекстуально обусловленного обучения позволяет объяснить, почему люди придают такое серьезное значение родительскому влиянию. Ведь встречая родителя и ребенка вместе, легко заметить, как родитель воздействует на ребенка, а ребенок реагирует на родительскую похвалу или критику, методы дисциплины или ее отсутствие. Однако психологу не так просто пронаблюдать, что ребенок ведет себя по-разному в различных, не связанных с родителем социальных окружающих средах.

Во второй книге «Нет двух одинаковых...» (2006) Дж.Р. Харрис критикует идеи о влиянии на личность ребенка порядка его рождения в семье и современную ей психологию развития. Она проводит мысль, что личность формируется во взаимодействии трех систем: 1) *системы отношений*, которая учит ребенка отличать членов своей семьи от незнакомцев, а в дальнейшем разных людей друг от друга; 2) *системы социализации*, помогающей человеку стать членом той или иной социальной группы и присвоить ее культуру; 3) *системы статусов*, позволяющей развивать самопознание, постоянно сравнивая себя с другими людьми [Harris 2006].

Методологической предпосылкой концепции детского развития Дж.Р. Харрис послужила *нулевая гипотеза*⁴, согласно которой направленные родительские стратегии и стили воспитания ребенка не оказывают долгосрочного воздействия на его личность, интеллект или психическое здоровье [Harris 1998; Harris 2006]. Большинство людей убеждены в том, что раннее семейное воспитание и обучение создают задел для будущего развития ребенка,

---

⁴ Нулевая гипотеза – это принимаемое по умолчанию предположение об отсутствии связи между двумя наблюдаемыми событиями или феноменами.

а ранние отношения закладывают культурные образцы, которым дети следуют всю свою жизнь. Она отмечает, что предложенный ею альтернативный взгляд на социализацию и детское развитие, возможно, не согласуется со сложившимися устойчивыми убеждениями людей, однако в истории науки такие убеждения нередко препятствовали прорывам в научных исследованиях [Harris 1998].

Свои оригинальные идеи, касающиеся детского развития и социализации, Дж.Р. Харрис впервые изложила в статье 1995 г., где были сформулированы ключевые тезисы ее подхода: во-первых, чувствительность процессов социализации к меняющимся контекстам повседневности; во-вторых, тот факт, что развитие личности гораздо в большей степени обусловлено непосредственным общением детей и подростков со сверстниками, чем сознательными воспитательными стратегиями родителей и учителей. Дж.Р. Харрис доказывала, что за трансляцию культурного опыта и формирование личности ребенка ответственны скорее внутри- и межгрупповые процессы социализации, чем диадические отношения ребенка со взрослыми. Более того, она была убеждена, что *групповая социализация способна сглаживать психологические различия, вызванные разнообразием родительского поведения*, и тем самым осуществлять функции успешной социальной адаптации ребенка в среде его повседневного общения. Таким образом, основная мысль статьи Дж.Р. Харрис заключалась в том, *личность ребенка в большей степени формируется его непосредственным социальным окружением и наследственностью, нежели целенаправленными родительскими усилиями воспитания* [Harris 1995].

В других работах Дж.Р. Харрис неоднократно отмечала тот факт, что бытовые предрассудки, касающиеся развития детей, способны разделять как родители, так и ученые [Harris 2000a; Harris 2000b; Harris 2000c]. Однако самоочевидное и общепризнанное не является тождественным подлинному и истинному. Какие же процессы и явления чаще всего остаются незамеченными в нашей повседневной жизни? Во-первых, это те изменения, которые осуществляются столь постепенно, что не осознаются как таковые. Во-вторых, привычные и рутинные события, происходящие настолько часто, что они утрачивают эффект новизны. В-третьих, вещи, имеющие политически некорректный подтекст, который люди попросту не хотят замечать. Все три названные обстоятельства привели к тому, что как эксперты, так и обыватели оставили вне своего поля внимания «постепенные и всеобъемлющие изменения в стилях воспитания», происходившие в западной культуре начиная с 1940-х гг., а также «последствия (или отсутствие последствий) этих изменений» [Harris 2000b].

Дж.Р. Харрис отмечает, что в начале XX в. родители особенно не беспокоились о необходимости развивать у своих детей чувство собственного достоинства или чувство автономии. Они также не чувствовали себя обязанными дать своим детям «безусловную любовь». Напротив, считалось, что слишком много внимания и привязанности вредны для детей, родители опасались, что их дети могут вырасти избалованными, эгоцентричными или непослушными. Шлепки и подзатыльники в те дни были вполне обыденным явлением, осуществляющимся с помощью таких инструментов, как ремень или линейки. «Поцелуями обменивались раз в день – перед сном. Признания в родительской любви происходили лишь раз в жизни – на смертном одре» [Harris 2000b].

Бум озабоченности воспитанием детей случился во второй половине XX в. В области детской психологии и педагогики появлялось все больше экспертов, к которым прислушивались родители. Однако мнения этих экспертов разнились и постепенно эволюционировали. С позиции же гуманистических идеалов сегодняшнего дня считается, что «порка сделает детей более агрессивными», «критика разрушит их самооценку», а те «дети, которые чувствуют себя любимыми, будут добрее и любвеобильнее по отношению к другим» [Harris 2000b]. Таким образом, большинству современных детей достается значительно больше любви и похвалы, нежели шлепков и выволочек, с которыми были хорошо знакомы их бабушки и дедушки. Но можно ли на одном этом основании утверждать, что современные дети являются «менее агрессивными, более добрыми, более уверенными в себе или более счастливыми, чем дети двух предшествующих поколений?», ставит вопрос Дж.Р. Харрис. Обращение к статистике показало, что «уровень детской депрессии и самоубийств» скорее увеличился, чем снизился, не наблюдалось в 2000-е гг. и существенного снижения агрессивности⁵. На этом основании Дж.Р. Харрис приходит к выводу, что стили воспитания не столь значимы, как это принято считать, а «человеческая природа более сильна, чем думает большинство людей» [Harris 2000b]. Последнее проявляется, например, в способности детей сопротивляться тому, что делают с ними родители.

Еще одним примером изменения, которое не дало ожидаемого эффекта, является переход к андрогинному воспитанию детей. Родители

---

⁵ По данным норвежского социального психолога О. Мадсена, радикальные изменения в поведении детей и подростков наблюдались в 2015 г. и были обусловлены как раз изменением социокультурного контекста социализации (подробнее см.: [Гусельцева 2023]).

из среднего класса дают своим детям унисекс-имена и одевают их в унисекс-одежду. Сыновьям дарят кукол, а дочкам – конструкторы. Но дети, как всегда, сексисты. Младшие школьники по-прежнему предпочитают играть с представителями своего пола. Они по-прежнему получают удовольствие от того, чтобы задирать представителей противоположного пола. Мальчики остаются мальчиками, а девочки – девочками, особенно в местах массового скопления детей, например, на школьных площадках. <...> Но... поведенческие различия между девочками и мальчиками являются результатом групповой социализации [Brockman, Harris 1999].

Дж.Р. Харрис полагает, что, для того чтобы верно оценить воздействие факторов окружающей среды, необходимо детально проанализировать влияние генов, при том что технологии XXI в. позволяют это делать с высокой точностью. «Самым важным достижением двадцать первого века стало понимание того, почему разные люди столь несхожи между собой, и умение использовать эти знания» [Харрис 2008, с. 216]. Прожив довольно долгую жизнь, Дж.Р. Харрис успела понаблюдать, как менялись стили воспитания – *от строгости к вседозволенности и обратно*, но ключевым фактором для прорывов в области психологии развития, по ее мнению, является понимание генетического разнообразия.

Даже дети с идентичным набором генов (идентичные близнецы, или клоны) при рождении не являются одинаковыми, их папиллярные линии, а также головной мозг слабо, но разнятся. Сейчас исследователи приступили к изучению молекулярных процессов, ответственных за эти едва заметные различия [Харрис 2008, с. 222].

Между тем все еще остается загадкой, как влияют на поведение человека генетические факторы и окружающая среда. Родители, проводящие все свое время за чтением книг, отличаются по характеру от тех, кто предпочитает азартные игры в казино, и дети этих родителей вырастают другими людьми. Однако невозможно доказать, связано ли это с той окружающей средой, которую создают детям родители, или с генами, которые они унаследовали. Дж.Р. Харрис полагает, что это те вопросы, которые придется решать в XXI в. Доказательная наука начинается здесь с признания того факта, что мы знаем о механизмах развития личности гораздо меньше, чем сами себе представляем.

Концепция групповой социализации

Ключевыми предпосылками развития личности в концепции Дж.Р. Харрис выступают генетические факторы и трудно уловимые индивидуализированные влияния социальной среды. Социализация в ее формулировке есть *усвоение норм, правил и практик, помогающих детям адаптироваться в обществе, а, главное, быть включенными в жизнь местных сообществ*. Социализация происходит не столько благодаря формирующим воздействиям родителей и педагогов, направленным усилиям системы образования, сколько в непосредственных коммуникациях со сверстниками и случайных встречах со значимыми другими. Дж.Р. Харрис подчеркивает, что в подростковом возрасте дети не стараются быть похожими на взрослых, а стремятся стать самими собой. В своих работах она четко разводит такие факторы социализации, как *воздействие среды и воспитание*, показывая гораздо более важную долю непреднамеренности и случайности во влиянии на развитие ребенка социальной среды.

Для того чтобы выяснить, как окружение ребенка влияет на формирование его личности, нужно оценивать то, что происходит с ребенком вне дома. При этом имеет значение почти всё – учеба в школе, общение с соседями, отношения с учителями и сверстниками. Мы уже знаем, что культура играет в воспитании важную роль, но оказывается, длительный эффект она оказывает, только если прививается не родителями, а кем-то другим. Если культурная традиция передается родителями, то ребенок воспринимает ее как нечто, относящееся исключительно к семье и не имеющее значения за пределами родного дома. Таким образом, если вы хотите вырастить культурного человека, подыщите ему соответствующую среду [Харрис 2008, с. 221].

Наиболее заметным влияние сверстников в процессе социализации детей и подростков предстает в традиционном обществе. Дело в том, что в дошкольном возрасте дети здесь в большей степени предоставлены сами себе. Даже язык они осваивают в общении со сверстниками.

Разумеется, родители важны для развития ребенка. Они играют приоритетную роль в выборе его жизненной среды, обеспечивают заботу и безопасность, способствуют привитию тех или иных навыков. Однако воспитательные стратегии родителей практически не оказывают влияния ни на интеллект ребенка, ни на развитие его личности в долгосрочной перспективе.

Детей привлекают другие дети, даже в том возрасте, когда они настроенно относятся к незнакомым взрослым. Когда у них есть выбор, большинство маленьких девочек предпочитают играть с девочками, большинство маленьких мальчиков предпочитают мальчиков. Если у них нет выбора, они предпочтут взрослому ребенку другого пола, ибо возрастная категория обычно имеет приоритет над категорией гендерной [Brockman, Harris 1999].

Обосновывая свою концепцию, Дж.Р. Харрис обратила внимание на факты, известные в антропологии и этнографии: если в том или ином социальном пространстве люди распределяются на группы, то в этих группах формируется различное поведение и отношение. Подгонка собственного поведения под поведение других членов референтной группы происходит для людей всех возрастов автоматически, обычно они даже не осознают, что делают это. Здесь Дж.Р. Харрис опирается на данные эволюционного биолога и профессора антропологии Роберта Триверса (Robert Trivers, р. 1943), который полагает, что именно необходимость сделаться ценным членом для своей группы долгое время обеспечивала благополучие человека в эволюционной истории. По этой причине у детей имеются собственные интересы развития, не совпадающие с воспитательными намерениями родителей, а родительское воздействие в долгосрочной перспективе не обязательно вело бы к успеху внутри собственной возрастной группы [Trivers 1974].

В свою очередь, наблюдения за аккультурацией мигрантов показывают, что именно *общение со сверстниками позволяет детям легче вписаться в новую культуру, тогда как опыт родителей скорее мешает их социальной адаптации*. Анализируя поведение детей в детском саду, Дж.Р. Харрис замечает, насколько быстро дети мигрантов начинают избавляться от акцента, который они приобрели дома, перенимая акцент своих сверстников. Показательно, что все это происходит в том возрасте, когда со своими родителями дети проводят гораздо больше времени, чем в общении со сверстниками. Дошкольники не просто легко приспосабливаются к двум разным языковым средам, но с самого начала стихийно предпочитают одну языковую среду другой.

...Если родители ребенка – иммигранты, которые плохо говорят по-английски или вообще не говорят по-английски, то ребенок, выросший в районе, где все говорят по-английски, станет англоговорящим, даже если английский не был первым языком, который он выучил, и даже если он говорит дома на языке родителей. Он выучит английский язык у своих сверстников и будет говорить на нем так

же, как и они – без иностранного акцента его родителей. Более того, довольно скоро английский язык вытеснит язык его родителей. Он станет его основным языком – языком, на котором он будет думать во взрослой жизни [Brockman, Harris 1999].

Дети отождествляют себя с группой, наблюдая, что она состоит из таких же людей, как они сами. Но как только они отождествляются с этой группой, происходят три вещи. В чем-то они становятся гораздо более похожими на своих одноклассников, в чем-то – менее, но различия между образованными группами только ширятся.

Первый эффект такого рода групповой социализации Дж.Р. Харрис назвала вслед за Ж. Пиаже *ассимиляцией*. Это один из основных механизмов социализации: таким способом дети усваивают поведение и установки родной культуры. Благодаря этому же процессу дети иммигрантов в новой социокультурной среде перенимают язык и акцент своих сверстников, а не остаются с языком или акцентом родителей.

Второй эффект – *дифференциация внутри группы*. Дж.Р. Харрис полагает, что именно здесь происходит большая часть негенетических вариаций развития личности. Внутри группы ее участники взаимодействуют не только как группа, но и как отдельные личности. Они соревнуются друг с другом за влияние и выбирают друг друга для исполнения разных ролей, например, «группового клоуна» или «козла отпущения». Все эти процессы внутригрупповой социализации оказывают постоянное воздействие на личность.

Третий эффект Дж.Р. Харрис называет *эффектом группового контраста*. Если дети самопроизвольно подразделяются на две группы: девочки против мальчиков, спортсмены против ботаников, лирики против физиков и т. п., то различия между такими группами становятся преувеличенными. Девочки становятся более женственными. Тихони – более тихими. Спортсмены – более брутальными. Дети, отличающиеся вызывающим поведением, оказываются более вызывающими. Между группами также может наблюдаться враждебность, особенно в периоды отчетливого формирования групповой идентификации.

Таким образом, согласно концепции Дж.Р. Харрис, дети социализируются преимущественно в общении со сверстниками, а их личности в большей степени формируются посредством опыта взросления, получаемого вне родительского дома. Дж.Р. Харрис доказывает, что воспитание, которое дети приобретают в семье, не имеет для развития личности долговременных последствий, в отличие от поведения, которое они формируют за ее пределами.

В интервью Дж. Брокману Дж.Р. Харрис пересказывает историю, которую поведал изучавший происхождение креольского языка профессор лингвистики в Гавайском университете Дерек Бикертон (Derek Bickerton, 1926–2018). В книге «Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей» (Бикертон, 2009) он обращается к потомкам тех людей, которые иммигрировали на Гавайи в XIX в. Их родители приехали для работы на сахарных плантациях со всего мира – с Филиппин, из Пуэрто-Рико, Китая и т. д. У этих людей не было общего языка, и поэтому в их среде развился *пиджин* – «своего рода скелетный язык», позволяющий общаться на самом примитивном уровне, но не подходящий для того, чтобы выражать сложные идеи⁶. Между тем дети этих иммигрантов, собранные вместе в одном социальном пространстве и обнаружившие отсутствие общего языка, не стали довольствоваться пиджином для продуктивной коммуникации. Вместо этого *они изобрели более сложный язык*.

Из уст младенцев вышел полноценный язык под названием креольский! Это был язык, который они не могли получить ни от кого из взрослых, которых они знали, потому что никто из взрослых не мог на нем говорить. И он стал их «родным языком», языком, который они принесли с собой во взрослую жизнь [Brockman, Harris 1999].

Изучая этих детей уже достигшими зрелого возраста, Д. Бикертон обнаружил, что дети иммигрантов используют именно те версии креольского языка, которым они научились в детских группах своих сверстников. Хотя креольский язык со временем развивался, люди, выучившие в детстве определенную его версию, продолжали всю свою жизнь использовать именно ее. Помимо этого, из их речи исчезло влияния родительского языка – «язык родителей был забыт» [Brockman, Harris 1999].

---

⁶ «Мое открытие, что креольские языки создавались детьми из неструктурированного инпута в одном поколении, привело меня к вопросу, откуда язык первоначально появился и как развился до теперешней сложности. Это привело к ученичеству... потребовавшему усиленной борьбы с целым рядом незнакомых наук. Но я преданный делу автодидакт, и я всегда считал границы гнетущими, вне зависимости от того, границы ли это государства, учреждения или академических дисциплин. Пересечение их давало мне наиболее яркие переживания в моей жизни» (интервью Бикертон по поводу выхода книги “Linguaex Machina”)» [Ахутина 2012, с. X].

Разумеется, концепция групповой социализации Дж.Р. Харрис не обошлась без критических дискуссий⁷. Так, С. Пинкер, вполне соглашаясь с тем, что свои ценности и культурные навыки дети обретают не столько в семьях, сколько в группах сверстников, находит недостаточно убедительными приводимые Дж.Р. Харрис доказательства, что именно таким способом дети формируют свою личность, становясь «застенчивыми или смелыми, тревожными или уверенными, открытыми новому или консервативными» [Пинкер 2018, с. 487–488]. Он справедливо подчеркивает, что *не следует отождествлять социализацию с развитием личности*: «Это не одно и то же, и референтная группа может объяснить первое, но необязательно второе» [Пинкер 2018, с. 488]. На сегодняшний день «ни гены, ни семьи, ни референтные группы не могут объяснить, что делает идентичных близнецов разными» [Пинкер 2018, с. 488].

Тем не менее характеризуя исследования Дж.Р. Харрис в целом, С. Пинкер заключает:

Хотя на первый взгляд основная идея книги парадоксальна, в ней есть доля истины, в ней есть живые дети, а не податливые маленькие конструкторы, которых в реальной жизни никто не встречал. Харрис подкрепляет свою гипотезу многочисленными данными из различных областей, которые она исследует острым аналитическим взглядом, и, что редкость для социальных наук, она выдвигает идеи новых эмпирических тестов, способных опровергнуть ее гипотезу. Книга предлагает оригинальные стратегии для решения сложных проблем, для которых нам крайне необходимы новые идеи: проблемы в школе, подростковое курение и юношеская преступность. Даже если основная мысль книги окажется ошибочной, она заставляет нас посмотреть на детство свежим, пронизательным взглядом и задуматься, что делает нас такими, какие мы есть [Пинкер 2018, с. 484; Бикертон 2012].

Таким образом, наблюдения лингвистов, этнографов, биологов, антропологов заставляют психологов пересматривать свои концепции. С позиции современной психологии дети обладают гораздо большей способностью к саморазвитию и субъектностью, нежели это считалось в психологии XX в. Если социогенетические

---

⁷ Наиболее ярким критиком концепции Дж.Р. Харрис выступил профессор психологии в Гарварде Джером Каган (Jerome Kagan, 1929–2021). Он обратил внимание на зависимость вербального развития детей от семейной культуры общения, а также на тот факт, что уровень образования родителей нередко позволяет предсказать, каким образом сложится судьба их детей [Kagan 1998].

доктрины позволяли «думать о детях как о пластилине, из которого можно лепить, а не как о товарищах по человеческим отношениям» [Пинкер 2018, с. 492], то сегодня важно не забывать, что дети – это прежде всего люди, с которыми мы выстраиваем и налаживаем отношения.

Заключение

В своих работах Дж.Р. Харрис доказывает, что основными агентами социализации детей и подростков становятся воздействия, которые они получают вне домашнего воспитания, а особенно важную роль в развитии личности играют коммуникации детей и подростков со сверстниками. Социализуясь, дети в большей степени склонны идентифицироваться с одноклассниками и товарищами по играм, нежели со своими родителями и учителями. Личность детей и подростков, согласно Дж.Р. Харрис, формируется прежде всего в процессе групповой динамики: в попытках ребенка вписаться в ту или иную социальную группу, в конкуренции внутри этой группы с другими детьми и т. п.

Также с позиции своих теоретических взглядов Дж.Р. Харрис критикует идеи укрупнения школ, обосновывая, что чем меньше группы обучающихся в классе детей, тем благотворнее это для их социального и психологического развития.

В заключение хотелось бы привести слова С. Пинкера о том, что Дж.Р. Харрис бросила вызов стереотипу экспериментального психолога и привычным методам психологии ее времени. «Пораженная аутоиммунным заболеванием, она оказалась физически замкнутой, но [интеллектуально] плодотворной корреспонденткой» [Pinker 2020, p. 1025]. Научная область психологии развития была перевернута так называемой бабушкой из Нью-Джерси. С. Пинкер характеризует Дж.Р. Харрис как «ясного и несентиментального наблюдателя за человеческим поведением, непочтительного противника альфа-самцов и других хвастунов, обладательницу вольтерровского остроумия» [Pinker 2020, p. 1025].

Ее научные достижения заключаются в том, что Дж.Р. Харрис совершила радикальную ревизию в психологической теории социализации. Она вывела на передний план представления о том, что в формировании личности ребенка приоритетную роль играют факторы генетического разнообразия и общение со сверстниками, а не семейное воспитание и целенаправленное воздействие учителей. Ее мировоззренческий поворот начался с открытия, которое было общим местом для генетиков-бихевиористов, но не являлось

известным большинству психологов и широкой публике. Сходство между родителями и их биологическими детьми гораздо легче объяснялось их общими генами: воспитанные в отдельности друг от друга братья и сестры вырастали не более разными, чем братья и сестры, воспитанные вместе, тогда как усыновленные братья и сестры были совсем не похожими друг на друга. Эти исходные предположения Дж.Р. Харрис подкрепила изучением очередности порядка рождения детей в семье, особенностями социализации при гетеросексуальных и гомосексуальных родителях, а также наблюдениями за аккультурацией детей иммигрантов, перенимающих языковые привычки у своих сверстников. Она доказывала, что не существует общей тенденции, позволяющей установить, что единственный ребенок в семье вырастет более эгоистичным, невротичным или замкнутым, чем ребенок, окруженный братьями и сестрами.

Обращение не только к концепции детского развития и групповой социализации Дж.Р. Харрис, но и к ее интеллектуальной биографии служит хорошим напоминанием о том, насколько важно подвергать ревизии собственные профессиональные знания и навыки; выходить за пределы сложившейся научной парадигмы, не страшась плыть против течения; задавать современникам неудобные вопросы и относиться к социальному знанию и психологическим теориям не как к застывшим идеям, а к идеям, изменяющимся под натиском новых фактов. Иными словами, здоровая жизнь в науке, как и здоровая социальная жизнь, и продуктивное развитие личности протекают в открытых дискуссиях, столкновениях с непохожими людьми, принятии, игнорировании или отвержении критики, ревизии собственных представлений и неизбежности изменений.

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания, FNRE-2021-0001.

Acknowledgments

The article was prepared within a state assignment, FNRE-2021-0001.

Литература

Ахутина 2012 – Ахутина Т.А. Вступительная статья // Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. С. VII–XXV.

- Бикертон 2012 – *Бикертон Д.* Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. 336 с.
- Гусельцева 2014 – *Гусельцева М.С.* Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход): Монография. М.: Акрополь, 2014. 424 с.
- Гусельцева 2023 – *Гусельцева М.С.* Рецензия на книгу: Madsen O.J. Deconstructing Scandinavia’s “Achievement Generation”. A Youth Mental Health Crisis? London: Palgrave Macmillan, 2021 // Новые психологические исследования. 2023. № 2. С. 63–81. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_02_04.
- Пинкер 2018 – *Пинкер С.* Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина Паблишер, 2018. 608 с.
- Харрис 2008 – *Харрис Дж.Р.* Что делает нас такими, какие мы есть: взгляд из 2050 года // Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / Под ред. Дж. Брокмана. М.: АСТ, 2008. С. 215–224.
- Brockman, Harris 1999 – *Brockman J., Harris J.R.* Children don’t do things half way; children don’t compromise // A Talk with Judith Rich Harris. [June 28, 1999]. URL: https://web.archive.org/web/20190804084042/https://www.edge.org/conversation/judith_rich_harris-judith-rich-harris-1938-2018#Talk (дата обращения 6 июня 2022).
- Corr, Matthews 2020 – The Cambridge Handbook of Personality Psychology / Ed. by P. Corr, G. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 545 p. <https://doi.org/10.1017/9781108264822>.
- Harris 2000a – *Harris J.R.* Context-specific learning, personality, and birth order // Current Directions in Psychological Science. 2000. Vol. 9. P. 174–177.
- Harris 2000b – *Harris J.R.* Parenting styles have changed but children have not // What is today’s most important unreported story? Ed. by J. Brockman (ed.). Edge.org. 2000. URL: <https://www.edge.org/response-detail/11859> (дата обращения 1 сентября 2023).
- Harris 2000c – *Harris J.R.* Socialization, personality development, and the child’s environments // Developmental Psychology. 2000. Vol. 36. P. 699–710.
- Harris 1995 – *Harris J.R.* Where is the child’s environment? A group socialization theory of development // Psychological Review. 1995. Vol. 102 (3). P. 458–489. Doi:10.1037/0033-295x.102.3.458.
- Harris 2006 – *Harris J.R.* No two alike: human nature and human individuality. New York: W.W. Norton, 2006.
- Harris 1998 – *Harris J.R.* The nurture assumption: Why children turn out the way they do. New York: Free Press, 1998.
- Kagan 1998 – *Kagan J.* A Parent’s Influence is Peerless // Harvard Education Letter. Vol. 14 (6).
- Pinker 2020 – *Pinker S.* Judith Rich Harris (1938–2019) // American Psychologist. 2020. Vol. 75. No. 7. P. 1024–1025. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000658>.
- Plomin 2018 – *Plomin R.* Blueprint: How DNA Makes Us Who We Are. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 296 p.

- Ridley 2003 – *Ridley M.* Nature Via Nurture: Genes, Experience, and What Makes us Human. New York: Harper Collins, 2003. 326 p.
- Trivers 1974 – *Trivers R.L.* Parent-Offspring Conflict // *American Zoologist*. 1974. Vol. 14 (1). P. 249–264. Doi:10.1093/icb/14.1.249.

References

- Akhutina, T.A. (2012), “Introductory article”, Bikerton D. *Yazyk Adama: Kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudei* [Adam’s tongue. How humans created language, how language created humans], *Yazyki slavyanskikh kul’tur*, Moscow, Russia, pp. VII–XXV.
- Bikerton, D. (2012), *Yazyk Adama: Kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudei* [Adam’s tongue. How humans created language, how language created humans], *Yazyki slavyanskikh kul’tur*, Moscow, Russia.
- Gusel’tseva, M.S. (2014), *Intellektual’nye traditsii rossiiskoi psikhologii (kul’turno-analiticheskii podkhod): monografiya* [Intellectual traditions of Russian psychology (cultural-analytical approach), Monograph], Akropol’, Moscow, Russia.
- Guseltseva, M.S. (2023), Book review: Ole Jacob Madsen. Deconstructing Scandinavia’s “Achievement Generation”. A Youth Mental Health Crisis? London: Palgrave Macmillan, 2021. *New Psychological Research*, no. 2, pp. 63–81. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_02_04.
- Pinker, S. (2018), *Chisty list. Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat’ ee segodnya* [The blank slate. The human nature. Who and why refuses to recognize it today], Al’pina Publisher, Moscow, Russia.
- Harris, J.R. (2008), “What makes us who we are. A view from 2050”, Brokman, J. (ed.) *Budushchee nauki v XXI veke. Sleduyushchie pyat’desyat let* [The future of science in the 21st century. The next fifty years], AST, Moscow, Russia, pp. 215–224.
- Brockman, J. and Harris, J.R. (1999), “Children don’t do things half way; children don’t compromise”, *A Talk with Judith Rich Harris*. [June 28, 1999], available at: https://web.archive.org/web/20190804084042/https://www.edge.org/conversation/judith_rich_harris-judith-rich-harris-1938-2018#Talk (Accessed 6 June, 2023).
- Corr, P. and Matthews, G. (eds.) (2020). *The Cambridge Handbook of Personality Psychology*. Cambridge University Press, Cambridge, UK, DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108264822>.
- Harris, J.R. (1995), “Where is the child’s environment? A group socialization theory of development”, *Psychological Review*, vol. 102 (3), pp. 458–489. DOI:10.1037/0033-295x.102.3.458.
- Harris, J.R. (1998), *The nurture assumption: Why children turn out the way they do*, Free Press, New York, USA.
- Harris, J.R. (2000a), “Context-specific learning, personality, and birth order”, *Current Directions in Psychological Science*, vol. 9, pp. 174–177.

- Harris, J.R. (2000b), "Parenting styles have changed but children have not", Brockman J. (ed.), *What is today's most important unreported story?* Available at: <https://www.edge.org/response-detail/11859> (Accessed 1 Sept. 2023).
- Harris, J.R. (2000c), "Socialization, personality development, and the child's environments", *Developmental Psychology*, vol. 36, pp. 699–710.
- Harris, J.R. (2006). *No two alike: human nature and human individuality*, W.W. Norton, New York, USA.
- Kagan, J. (1998), A Parent's Influence is Peerless, *Harvard Education Letter*, vol. 14, no. 6.
- Pinker, S. (2020), "Judith Rich Harris (1938–2019)", *American Psychologist*, vol. 75, no. 7, pp. 1024–1025, <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000658>.
- Plomin, R. (2018), *Blueprint: How DNA Makes Us Who We Are*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Ridley, M. (2003), *Nature Via Nurture: Genes, Experience, and What Makes us Human*, Harper Collins, New York, USA.
- Trivers, R.L. (1974), "Parent-Offspring Conflict", *American Zoologist*, vol. 14, no. 1, pp. 249–264. DOI:10.1093/icb/14.1.249.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4;

Институт психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mguseltseva@mail.ru

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian Academy of Education Psychological Institute, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; mguseltseva@mail.ru

Эмпирические исследования

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-56-70

Целевые детерминанты как факторы смыслообразования представителей русской и китайской культуры

Чжолинь Чжоу

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, Zoja971204303@yandex.ru*

Наталия В. Гришина

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, n.v.grishina@spbu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению связи целей человека в основных жизненных сферах и его ощущения осмысленности собственной жизни. Проведено сравнительное исследование влияния целевых детерминантов на уровень осмысленности жизни с помощью метода опроса на выборке, состоящей из 143 носителей русского языка и 150 носителей китайского, средний возраст $27,41 \pm 7,40$ лет. Разработаны статически значимые модели, прогнозирующие уровень осмысленности жизни (коэффициент правильного предсказания в русской выборке – 82,3%, в китайской – 66%). Выявлено в двух выборках сходство (во включенности в жизнь, готовности к изменениям и др.), связанные с характеристиками взаимодействия личности с его окружающим миром, и различия (в роли целей в конкретных сферах жизни и оценки возможностей для их реализации, в семейных ценностях), отражающие особенности культуры.

Ключевые слова: жизненные модели, жизненные цели, осмысленность жизни, культура, жизненная ситуация

Для цитирования: Чжолинь Чжоу, Гришина Н.В. Целевые детерминанты как факторы смыслообразования представителей русской и китайской культуры // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 56–70. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-56-70

Purposeful determinants as factors of the meaning-making among people of Russian and Chinese culture

Zhuolin Zhou

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
zoja971204303@yandex.ru*

Nataliya V. Grishina

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
n.v.grishina@spbu.ru*

Abstract. The article is about studying the relationship between persons' goals in the key life spheres and their sense of meaningfulness in the life. A comparative study of the influence of targeted determinants on the level of meaningfulness of life was conducted using a survey method on a sample of 143 native Russian speakers and 150 native Chinese speakers, with an average age of 27.41 ± 7.40 years. The authors developed statistically significant models predicting the level of life meaningfulness (correct prediction coefficient in the Russian sample – 82.3%, in the Chinese sample – 66%). The study revealed similarities, such as life involvement and readiness for change, which are related to how individuals interact with their environment. Additionally, differences were found, such as the role of goals in specific life spheres and the assessment of opportunities for their realization, as well as family values, which reflect cultural particularities in the two samples.

Keywords: life models, life goals, meaningfulness of life, culture, life situation

For citation: Zhuolin Zhou and Grishina, N.V. (2023), "Purposeful determinants as factors of the meaning-making among people of Russian and Chinese culture", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 56–70, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-56-70

Введение

Изменчивость и неопределенность мира жизни современного человека, ослабление влияния традиций и опыта старших поколений, внешних социальных детерминант, направляющих жизненный путь и определяющих жизненные планы человека, делают его подлинным субъектом собственной жизни, ставя перед необходимостью поиска собственных жизненных ориентиров, жизненного и профессионального самоопределения.

Важнейшим регулятором жизненной активности человека являются его жизненные планы и жизненные задачи, которые по

своей психологической феноменологии относятся к категории жизненных целей.

Цели в психологической науке традиционно связываются с потребностно-мотивационной системой человека как основного регулятора его активности и определяются как желательный результат деятельности и внутренние репрезентации желаемых состояний [Austin, Vancouver 1996]. Первоначально в психологических исследованиях ученые не дифференцировали характеристики целей, к которым личность стремится, рассматривая их как неизменяемые факторы [Гордеева 2006], а большинство исследований в этой области было сосредоточено на выявлении предикторов эффективности достижения поставленных человеком целей, процессе целеполагания, стратегиях достижения поставленных целей, конечных результатах и состояниях, вызванных их достижением ([Wilensky 1983; Bandura 1997; Houser-Marko, Sheldon 2008] и др.).

Жизненные цели и их регулирующая роль в активности человека становятся объектом исследовательского интереса в психологии по мере расширения представлений о человеке как субъекте собственной жизни. Цели начинают рассматриваться в контексте различных сфер жизнедеятельности человека, а успешность в их достижении – как один из факторов психологического благополучия человека.

Один из ведущих ученых в области мотивации и устремлений человека Р. Эммонс, опираясь на результаты проводимых исследований, отмечает, что человек стремится к достижению положительных результатов в таких сферах, как профессиональные достижения, межличностные отношения, духовные устремления, саморазвитие и самоактуализация личности ([Ebersole 1998; Wong 1998; Emmons 2005] и др.).

Область межличностных отношений практически неизменно фигурирует среди основных сфер жизненных целей человека ([Baum, Stewart 1990; Debats 1999] и др.). Помимо сферы межличностных отношений, человек стремится к достижениям положительных результатов в таких областях, как личностный рост [Prager 1996], работа и профессия [Debats 1999], творческая деятельность [O'Connor, Chamberlain 1996].

Результаты эмпирических исследований показывают связь целей человека с разнообразной психологической феноменологией. Так, выявлено, что наличие целей играет важнейшую роль в осмысленности жизни ([Costin, Vignoles 2022] и др.); способность человека к перестройке системы целей и их адаптации к меняющимся условиям коррелирует с показателями качества жизни [Barlow 2020]; жизненные цели способствуют развитию соответствующих черт личности [Buchinger et al. 2022] и т. д.

С конца двадцатого века в психологических исследованиях проявляется интерес к изучению влияния целей на субъективное благополучие. Р. Эммонс, обсуждая тему «хорошей жизни», поднимает вопрос об отношениях между целями и субъективным благополучием [Эммонс 2004]. Он считает, что жить хорошо – это нечто большее, чем просто быть счастливым, выделяя две сферы субъективного опыта, одна из которых основана на гедонистических целях, другая – на смысле жизни. При этом подчеркивается, что цели жизни не гарантируют высокий уровень позитивного эмоционального благополучия. Ориентация на счастье и удовлетворенность не являются высшими устремлениями и первичными мотивациями поведения, ради которых человек ставит свои цели, а наоборот, они вытекают из тех целей, которые человек ставит и которым он привержен. Чувство осмысленности жизни является результатом реализации личных целей [Cantor, Sanderson 2003]. Более того, как подтверждается исследованиями, не только результат достижения целей, но и чувство человека, что он идет в правильном пути к поставленным им целям, порождает у него чувство самореализации и исполненности. [Wiese 2007], как и общее ощущение человеком собственного авторства в процессе достижения своих целей [Ryan et al. 1999].

Важным уточнением в понимании влияния целей на субъективное благополучие является разделение целей на внешние и внутренние [Kasser, Ryan 1996]. Внешние цели имеют инструментальный характер, способствуя достижению материального и социального благополучия, они оказывают косвенное влияние на удовлетворение первичных психологических потребностей. Внутренние цели, включающие глубокие и близкие отношения с другими, личностное развитие, вклад в общественные дела, более глубоки и напрямую связаны с удовлетворением базовых потребностей. Доминирование внутренних целей потенциально способствует росту субъективного благополучия, ориентация на внешние цели – его снижению.

Одним из популярных направлений исследований является изучение влияния индивидуальных особенностей человека, в том числе возрастных и гендерных факторов, на жизненные ориентации человека и его цели. Прагер [Prager 1996; Prager 1998] утверждает, что молодые люди в качестве своих целей чаще фокусируются на личностном росте, достижениях и удовольствиях, в то время как респонденты более старшего возраста уделяют больше внимания таким областям, как финансовая стабильность, передача ценностей и т. п. Женщины, по сравнению с мужчинами, считают более важными отношения с другими людьми [Debats 1999], религию и

духовность [Wong 1998]; мужчины обращают больше внимания на самоактуализацию и свои увлечения, чем женщины. Независимо от гендера, профессия и семья являются актуальными жизненными темами для всех [Baum, Stewart 1990; Schnell 2009].

В межпоколенном исследовании [Костромина и др. 2021], посвященном разработке конструкта «жизненных моделях», подчеркивается опосредующее влияние контекста на возрастные и гендерные особенности – старшее поколение передает не только консервативные установки и ценности, но и активно усваивает новые взгляды современности, связанные с характеристиками изменяющегося мира и сложностью жить в нем по устоявшимся эталонам. В свою очередь молодые люди в своем жизненном пространстве сохраняют традиционные ценности и представления о мире и о жизни.

Результаты проведенных исследований подтверждают, что изменения современной реальности трансформируют механизмы взаимодействия человека с окружающим миром, в том числе оказывая влияние на содержание его ценностной направленности и жизненные цели. Современный подход к их пониманию состоит в признании контекстуального характера целей человека, которые соотносятся с оценкой им возможностей своей актуальной ситуации [Гришина и др. 2023], а потому требует учета жизненного контекста, в частности выстраиваемого человеком жизненного сценария и особенностей его жизненных моделей. Конструкт «жизненная модель» рассматривается как фрагмент жизненного сценария, актуализируемого человеком в конкретных жизненных сферах, что позволяет использовать его для понимания и изучения жизненных целей и планов человека в будущей временной перспективе [Костромина и др. 2018; Костромина и др. 2021]. В свою очередь, жизненные сценарии человека выстраиваются им в контексте, отражающем представления конкретной культуры о «хорошей жизни», которые индивидуализируются человеком в зависимости от степени его авторства по отношению к собственной жизни.

В целом жизненные цели, которые ставит перед собой человек, соединяют в себе его индивидуальные особенности и возможности его жизненной ситуации, являются конкретизацией сложного сочетания культурных и индивидуальных жизненных сценариев современных людей, способом сбалансировать устойчивость и изменчивость жизни в современном мире.

В основе нашего исследования лежит предположение о том, что процесс достижения жизненных целей человека в рамках его жизненных моделей порождает у человека чувство осмысленности собственной жизни.

Процедура и методы исследования

Основная гипотеза нашего исследования о влиянии реализации человеком своих жизненных целей на его осмысленность жизни в данной работе конкретизирована до выявления сходства и различий в факторах осмысленности жизни представителей разных культур (на примере русской и китайской культур). Предполагается, что проведение исследования в разных культурных контекстах позволит выявить как общие универсальные закономерности, так и различия в жизненных целях и осмысленности жизни у представителей разных культур.

Выборку составили 293 человека из представителей русской и китайской культуры, среди них 143 носителя русского языка, 150 носителей китайского, средний возраст $27,41 \pm 7,40$ лет, участники женского пола – 67,6%, мужского – 32,4%. 53,9% респондентов проживают в развитых мегаполисах (Санкт-Петербург, Москва, Пекин, Шанхай, Гонконг и др.), 46,1% – проживают в других регионах России и Китая. 49,8% опрошенных имеют постоянную работу, 24,6 – почти не работают, 25,6 – работают время от времени.

Основным методом исследования выступил метод опроса. В опрос был включен блок вопросов о целях, касающихся основных сфер жизни (в нашем случае – профессиональная, материальная, межличностная, персональная и благотворительная), а также ряд психодиагностических методик. Для описания жизненных моделей была использована методика «Жизненная модель», разработанная кафедрой психологии личности СПбГУ (С.Н. Костромина и др.), в данную методику включаются тридцать утверждений и пять субшкал – «Традиционные семейные ценности», «Активная жизненная позиция», «Ориентация на достаток и личное благополучие», «Близость с родительской семьей» и «Готовность к изменениям». Выраженность осмысленности определена с помощью теста «Смысложизненные ориентации» (русскоязычная версия адаптирована Д.А. Леонтьевым, китайскоязычная – Инь Мэйци в 1988 г.). Для обработки данных были использованы факторный и дискриминантный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

Факторный анализ был проведен отдельно в двух выборках на основе вопросов о целях, в результате чего были выделены пять факторов в русскоязычной выборке ($KMO = 0,724$, $p < 0,01$), объясняющие 52,6% совокупной дисперсии; пять в китайской ($KMO = 0,826$, $p < 0,01$), объясняющие 60,8% дисперсии (см. табл. 1).

Таблица 1

Выделенные факторы на основе вопросов о целях в основных жизненных сферах

№	В русскоязычной выборке	В китайскоязычной выборке
1	Наличие целей и оценки возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения	Цели будущего, оценка возможностей жизненной ситуации и готовность к изменениям для их достижения
2	Удовлетворенность основными сферами жизни	Удовлетворенность основными сферами жизни
3	Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сфере	Цели в благотворительной сфере
4	Оценка возможностей осуществления целей в межличностной и благотворительной сферах	Нынешняя жизненная ситуация
5	Семья и жилье	Цели в межличностной сфере

По результатам проведенного анализа обнаружилось, что выделенные факторы в основном направлены на следующие четыре аспекта – наличие целей в конкретной сфере, возможности их реализации в данной жизненной ситуации, готовность к изменениям для их актуализации и удовлетворенность актуальной жизненной ситуацией.

Выделенные факторы позволили обнаружить следующий интересный факт. В обеих выборках цели личности, оценка возможностей их осуществления в актуальной жизненной ситуации и удовлетворенность человека актуальной жизненной ситуацией могут объяснить более 30% дисперсии из всех наблюдений, что демонстрирует валидность и надежность разработанных вопросов о целях в разных сферах жизнедеятельности человека. Однако выяснилось, что в китайскоязычной выборке цели, оценка возможностей их реализации и готовность к изменениям для их достижения объединились в одном наиболее сильном объясняющим факторе, а в русской выборке готовность к изменениям для достижения целей в разных сферах отделяется от наличия целей и оценки возможностей ситуации. Это означает, если у представителей китайской культуры есть цели, связанные с конкретной сферой жизнедеятельности, видятся возможности их достижения, то их готовность предпринимать действия по изменению ситуации выше, чем у русских респондентов. Иными словами, по результатам нашего исследования, если представитель китайской выборки ставит себе цель, ситуация позволяет ему достичь этой цели, то он готов ее

осуществить на практике. Это, возможно, связывается с прагматической ориентацией, содержащейся в понятии конфуцианства. А для представителей русскоязычной выборки постановка целей и наличие возможностей их реализации не однозначно приводят к практическим действиям и изменениям ситуации.

Далее, на основе результатов факторизации был проведен дискриминантный анализ отдельно в русской и китайской выборке. В обеих выборках были выявлены статистически значимые модели, в русскоязычной ($F = 1,197, p < 0,05$) с помощью разработанной математической модели были правильно предсказаны 83,2% сгруппированных наблюдений; в китайскоязычной выборке ($F = 1,209, p < 0,05$) – 66%, т. е. жизненные модели и вопросы о целях в основных сферах жизни способны прогнозировать 83,2% распределения показателей осмысленности жизни в русской выборке, 66% распределения в китайской. Модель, разработанная для китайских опрошенных, дает более высокий уровень ошибки (коэффициент правильного определения 58,5%) для респондентов среднего уровня осмысленности жизни.

В результате анализа в русскоязычной выборке были обнаружены значимые различия между группами опрошенных с разными уровнями осмысленности жизни в таких показателях (см. табл. 2), как активная жизненная позиция, готовность к изменениям, цели и оценки возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения, удовлетворенность основными сферами жизни, оценка возможности осуществления целей в межличностной и благотворительной сферах. Это значит, что вышеупомянутые факторы в большой степени сказываются на осмысленности жизни носителей русского языка. В китайской выборке с ощущением исполненности тесно связаны следующие показатели (см. табл. 2): традиционные семейные ценности, активная жизненная позиция, близость с родительской семьей, готовность к изменениям и удовлетворенность основными сферами жизни.

Результаты дискриминантного анализа позволяют сделать следующий вывод: в обеих выборках в факторах, влияющих на осмысленность жизни человека, существует сходство, связанное с такими характеристиками взаимодействия человека с его жизненной ситуацией, как активная жизненная позиция, удовлетворенность основными сферами жизни и готовность к изменениям (см. рис. 1). Иными словами, независимо от культурной принадлежности человека, чем активнее он включается в собственную жизнь, чем больше он доволен актуальной ситуацией своей жизни, чем больше он готов к изменениям, тем более осмысленной он ощущает свою жизнь. Данные результаты подтверждают то, что характеристики взаимодействия личности с ее жизненной ситуацией играют значительную роль в процессе смыслообразования.

Таблица 2

Факторы, влияющие на осмысленность жизни представителей русской и китайской культур

№	В русскоязычной выборке	λ-Уилкса	Значение	В китайскоязычной выборке	λ-Уилкса	Значение
1	Активная жизненная позиция	0,777	$p < 0,01$	Традиционные семейные ценности	0,876	$p < 0,01$
2	Готовность к изменениям	0,954	$p < 0,05$	Активная жизненная позиция	0,706	$p < 0,01$
3	Цели и оценки возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения	0,630	$p < 0,01$	Близость с родительской семьей	0,874	$p < 0,01$
4	Удовлетворенность основными сферами жизни	0,854	$p < 0,01$	Готовность к изменениям	0,910	$p < 0,01$
5	Оценка возможности осуществления целей в межличностной и благотворительной сферах	0,887	$p < 0,01$	Удовлетворенность основными сферами жизни	0,895	$p < 0,01$

В то же время были выявлены различия между двумя выборками (см. рис. 1): для носителей русского языка наличие целей в конкретных жизненных сферах и более высокая оценка возможностей их осуществления в своей жизненной ситуации делают его жизнь более осмысленной, а среди носителей китайского языка в ощущении осмысленности жизни играют бóльшую роль традиционные семейные ценности и близость с родительской семьей, что показывают особенности национальной культуры – для китайцев ценности семьи сегодня продолжают в значительной мере приносить ощущение исполненности, а для русских на первый план выходят поставленные цели и оценка возможностей ситуации.

Рис. 1. Сходство и различия в факторах, влияющих на уровень осмысленности жизни в русской и китайской выборке

Выводы

Полученные в проведенном эмпирическом исследовании результаты подтвердили его исходную гипотезу о возможной связи чувства осмысленности собственной жизни с целевой направленностью активности человека, постановкой и реализацией им своих жизненных целей. В процессе целеполагания особую роль – наряду с самой постановкой и наличием целей – играют оценка возможностей жизненной ситуации для их осуществления, готовность

к изменениям для достижения своих целей и удовлетворенность человека текущей жизненной ситуацией. Было обнаружено, что среди носителей китайского языка цели и возможности их реализации тесно связаны с готовностью к изменениям для их достижения, а для представителей русскоязычной выборки эта связь не столь однозначна: цели и оценка возможностей их осуществить еще не означают готовность к изменениям.

На основе разработанных моделей соотношения целевых детерминантов человека и его осмысленности жизни можно прийти к выводу, что, независимо от культурной идентичности, чем в большей степени человек видит в своей жизненной ситуации возможностей осуществления своих жизненных целей, чем он активнее включен в свою жизнь и более готов к изменениям для их достижения, тем более осмысленной он ощущает собственную жизнь.

Важное различие между представителями разных культур связано с тем, что для носителей русской культуры жизненные цели и оценка возможностей в основных сферах актуальной жизненной ситуации оказывают наиболее важное влияние на его чувство осмысленности жизни, а для современных китайцев в числе жизненных приоритетов остаются семейные ценности.

Мы в данном исследовании в определенной степени рассмотрели проблему «что» по отношению к цели, а вопрос «как» – каким образом человек выбирает свой жизненный путь, как он становится автором собственной жизни, какие у него взаимоотношения со своим жизненным пространством – требует дальнейшего исследования.

Литература

- Гордеева 2006 – *Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения. М.: Смысл, 2006. 336 с.
- Гришина и др. 2023 – *Гришина Н.В., Аванесян М.О., Макарова М.В., Мамаева-Найлз В.Д.* Контекстуальный характер жизненных целей: индивидуально-психологические детерминанты целеполагания // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 3. С. 6–28.
- Костромина и др. 2018 – *Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л.* Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 4. С. 341–357.
- Костромина и др. 2021 – *Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В.* Жизненные модели молодежи: изменения и традиции //

- Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 79–97.
- Эммонс 2004 – *Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. 416 с.
- Austin, Vancouver 1996 – *Austin J.T., Vancouver J.B.* Goal constructs in psychology: Structure, process, and content // *Psychological Bulletin*. 1996. Vol. 120. № 3. P. 338–372.
- Bandura 1997 – *Bandura A.* Self-efficacy: The exercise of control. New York, NY: Freeman and Co., 1997. 604 p.
- Barlow 2020 – *Barlow M.A., Wrosch C., McGrath J.* Goal adjustment capacities and quality of life: A meta-analytic review // *Journal of Personality*. 2020. № 88. P. 307–323.
- Baum, Stewart 1990 – *Baum S.K., Stewart R.B.* Sources of meaning through the lifespan // *Psychological Reports*. 1990. Vol. 67. № 1. P. 3–14.
- Buchinger et al. 2022 – *Buchinger L., Entringer Th., Richter D., Wehner C., Gerstorf D., Bleidorn W.* A Longitudinal Study on the Link Between Life Goals and Personality // 2022: ECP20 European Association of Personality Psychology. 12–15 July. Book of Abstracts. P. 206.
- Cantor, Sanderson 2003 – *Cantor N., Sanderson C.A.* Life task participation and well-being: The importance of taking part in daily life // *Well-being: The foundation of hedonic psychology* / Ed. by D. Kahnemann, E. Diener, N. Schwarz. New York, NY: Russel Sage Foundation, 2003. P. 230–243.
- Costin, Vignoles 2022 – *Costin V., & Vignoles V.L.* What do people find most meaningful? How representations of the self and the world provide meaning in life // *Journal of Personality*. 2022. № 90. P. 541–558.
- Debats 1999 – *Debats D.L.* Sources of meaning: An investigation of significant commitments in life // *Journal of Humanistic Psychology*. 1999. Vol. 39. № 4. P. 30–57.
- Ebersole 1998 – *Ebersole P.* Types and depth of written life meanings. The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1998. P. 179–191.
- Emmons 2005 – *Emmons R.A.* Striving for the sacred: Personal goals, life meaning, and religion // *Journal of social issues*. 2005. Vol. 61. № 4. P. 731–745.
- Houser-Marko, Sheldon 2008 – *Houser-Marko L., Sheldon K.M.* Eyes on the prize or nose to the grindstone? The effects of level of evaluation on mood and motivation // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34. № 11. P. 1556–1569.
- Kasser, Ryan 1996 – *Kasser T., Ryan R.M.* Further examining the American dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. № 3. P. 80–87.
- O'Connor, Chamberlain 1996 – *O'Connor K., Chamberlain K.* Dimensions of life meaning: A qualitative investigation at mid-life. *British Journal of Psychology*. 1996. Vol. 87. № 3. P. 461–477.
- Prager 1996 – *Prager E.* Exploring personal meaning in an age-differentiated Australian sample: Another look at the Sources of Meaning Profile (SOMP) // *Journal of Aging Studies*. 1996. Vol. 10. № 2. P. 117–136.

- Prager 1998 – *Prager, E.* Observations of personal meaning sources for Israeli age cohorts // *Aging and Mental Health*. 1998. Vol. 2. № 2. P. 128–136.
- Ryan и др. 1999 – *Ryan R.M., Chirkov V.I., Little T.D., Sheldon K.M., Timoshina E., Deci E.L.* The American Dream in Russia: Extrinsic aspirations and well-being in two cultures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. № 12. P. 1509–1524.
- Schnell 2009 – *Schnell T.* The Sources of Meaning and Meaning in Life Questionnaire (SoMe): Relations to demographics and well-being // *The Journal of Positive Psychology*. 2009. Vol. 4. № 6. P. 483–499.
- Wiese 2007 – *Wiese B.S.* Successful pursuit of personal goals and subjective well-being // (Eds.), *Personal project pursuit: Goals, action, and human flourishing* / Ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fry, B.R. Little, K. Salmela-Aro, S.D. Phillips. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007. P. 301–328.
- Wilensky 1983 – *Wilensky R.* Planning and understanding: A computational approach to human reasoning. Reading, MA: Addison-Wesley, 1983. 168 p.
- Wong 1998 – *Wong P.T.P.* Implicit theories of meaningful life and the development of the Personal Meaning Profile // *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications* / Ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fry. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 111–140.

References

- Austin, J.T. and Vancouver, J.B. (1996), “Goal constructs in psychology: Structure, process, and content”, *Psychological Bulletin*, vol. 120, no. 3, pp. 338–372.
- Bandura, A. (1997), *Self-efficacy: The exercise of control*. Freeman and Co, New York, USA.
- Barlow, M.A., Wrosch, C. and McGrath, J. (2020), “Goal adjustment capacities and quality of life: A meta-analytic review”, *Journal of Personality*, no. 88, pp. 307–323.
- Baum, S.K. and Stewart, R.B. (1990), “Sources of meaning through the lifespan”, *Psychological Reports*, vol. 67, no. 1, pp. 3–14.
- Buchinger, L., Entringer, Th., Richter, D., Wehner, C., Gerstorf, D. and Bleidorn, W. (2022) “A Longitudinal Study on the Link Between Life Goals and Personality”, *2022: ECP20 European Association of Personality Psychology*. July, p. 206.
- Cantor, N. and Sanderson, C.A. (2003), “Life task participation and well-being: The importance of taking part in daily life”, Kahnemann, D. Diener, E. and Schwarz, N. (eds.), *Well-being: The foundation of hedonic psychology*, Russel Sage Foundation, New York, NY., pp. 230–243.
- Costin, V. and Vignoles, V.L. (2022), “What do people find most meaningful? How representations of the self and the world provide meaning in life”, *Journal of Personality*, no. 90, pp. 541–558.
- Debats, D.L. (1999), “Sources of meaning: An investigation of significant commitments in life”, *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 39, no. 4, pp. 30–57.

- Ebersole, P. (1998), "Types and depth of written life meanings", Wong, P.T.P. and Fry, P.S. (eds.), *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications*, Lawrence Erlbaum, Mahwah, NJ, USA, pp. 179–191.
- Emmons, R. (2004), *Psikhologiya vysshikh ustremleniy: motivatsiya i dukhovnost lichnosti* [The psychology of ultimate higher aspirations. Motivation and spirituality in personality], Smysl, Moscow, Russia.
- Emmons, R.A. (2005), "Striving for the sacred: Personal goals, life meaning, and religion", *Journal of social issues*, vol. 61, no. 4, pp. 731–745.
- Gordeeva, T.O. (2006), *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [The psychology of achievement motivation], Smysl, Moscow, Russia.
- Grishina, N.V., Avanesyan, M.O., Makarova, M.V. and Mamaeva-Naylz, V.D. (2023), "Contextual nature of life goals. Individual-psychological determinants of goal setting", *Russian Psychological Journal*, vol. 20, no. 3, pp. 6–28.
- Houser-Marko, L. and Sheldon, K.M. (2008), "Eyes on the prize or nose to the grindstone? The effects of level of evaluation on mood and motivation", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 34, no. 11, pp. 1556–1569.
- Kasser, T. and Ryan, R.M. (1996), "Further examining the American dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 22, no. 3, pp. 80–87.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Moskvicheva, N.L. and Zinov'eva, E.V. (2021), "Youth life models. Shifts and traditions", *Russian foundation for basic research journal. Humanities and social sciences*, no. 1, pp. 79–97.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinov'eva, E.V. and Moskvicheva, N.L. (2018), "Life model as a construct for studying the life scenario of personality", *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 8, no. 4, pp. 341–357.
- O'Connor, K. and Chamberlain, K. (1996), "Dimensions of life meaning: A qualitative investigation at mid-life", *British Journal of Psychology*, vol. 87, no. 3, pp. 461–477.
- Prager, E. (1996), "Exploring personal meaning in an age-differentiated Australian sample: Another look at the Sources of Meaning Profile (SOMP)", *Journal of Aging Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 117–136.
- Prager, E. (1998), "Observations of personal meaning sources for Israeli age cohorts", *Aging and Mental Health*, vol. 2, no. 2, pp. 128–136.
- Ryan, R.M., Chirkov, V.I., Little, T.D., Sheldon, K.M., Timoshina, E. and Deci, E.L. (1999), "The American Dream in Russia. Extrinsic aspirations and well-being in two cultures", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 25, no. 12, pp. 1509–1524.
- Schnell, T. (2009), "The Sources of Meaning and Meaning in Life Questionnaire (SoMe): Relations to demographics and well-being", *The Journal of Positive Psychology*, vol. 4, no. 6, pp. 483–499.
- Wiese B.S. (2007), "Successful pursuit of personal goals and subjective well-being" (Eds.), *Personal project pursuit: Goals, action, and human flourishing*, Ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fry, B.R. Little, K. Salmela-Aro, S.D. Phillips Mahwah, NJ: Erlbaum, pp. 301–328.

- Wilensky, R. (1983), *Planning and understanding: A computational approach to human reasoning*. Reading, Boston, USA.
- Wong, P.T.P. (1998), "Implicit theories of meaningful life and the development of the Personal Meaning Profile", in Wong, P.T.P. and Fry, P.S. (eds.), *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications*, Lawrence Erlbaum, Mahwah, NJ, USA, pp. 111–140.

Информация об авторах

Чжолинь Чжоу, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; zoja971204303@yandex.ru

Наталья В. Гришина, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; n.v.grishina@spbu.ru

Information about the authors

Zhuolin Zhou, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; zoja971204303@yandex.ru

Nataliya V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; n.v.grishina@spbu.ru

Особенности субъективного благополучия женщин
в ситуации социальной транзитивности:
возрастной аспект

Светлана Е. Золотарева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, 9111158@gmail.com*

Аннотация. Актуальность исследования определяется происходящими друг за другом глобальными изменениями последних нескольких лет подряд, характеризующимися как ситуация социальной транзитивности. Появляются все новые и новые вызовы, требующие от человека способностей к адаптации, что не может не сказываться на психологическом благополучии. Предположение о том, что субъективное благополучие в текущей ситуации социальной транзитивности зависит от исходного состояния человека и его возраста, определило направление исследования. Цель работы – эмпирическое изучение возрастной специфики субъективного благополучия, жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, особенностей переживания и их связей у женщин в текущей ситуации социальной транзитивности. В исследовании приняли участие 426 женщин (N = 426), проживающих в разных городах России. Сбор данных осуществлялся в период с мая 2022 г. по июль 2023 г. Полученные результаты доказывают значимость принадлежности к возрастным группам зрелости для субъективного благополучия и выраженности таких личностных ресурсов, как жизнестойкость и смысложизненные ориентации. Кроме того, было установлено, что структура жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, а также их связь с компонентами субъективного благополучия отличаются в разных фазах зрелости, а именно уменьшаются до исчезновения за некоторым исключением.

Ключевые слова: субъективное благополучие, жизнестойкость, смысложизненные ориентации, социальная транзитивность

Для цитирования: Золотарева С.Е. Особенности субъективного благополучия женщин в ситуации социальной транзитивности: возрастной аспект // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 71–86. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-71-86

Features of women's subjective well-being in a situation of social transitivity. Age aspect

Svetlana E. Zolotareva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, 9111158@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the successive global changes of the last few years in a row, characterized as a situation of social transitivity. There are more and more new challenges that require a person's ability to adapt, which cannot but affect psychological well-being. The assumption that subjective well-being in the current situation of social transitivity depends on the initial state of a person and his age determined the direction of the study. The aim of the work is an empirical study of the age specifics of subjective well-being, resilience and life-meaning orientations, features of experience and their connections among women in the current situation of social transitivity. The study involved 426 women (N = 426) living in different cities of Russia. Data collection was carried out in the period from May 2022 to July 2023. The results obtained prove the importance of belonging to age groups of maturity for subjective well-being and the expression of such personal resources as resilience and life-meaning orientations. In addition, it was found that the structure of resilience and life-meaning orientations, as well as their relationship with the components of subjective well-being differ in different phases of maturity, namely, they decrease to extinction with some exceptions.

Keywords: subjective well-being, resilience, life-meaning orientations, social transitivity

For citation: Zolotareva, S.E. (2023), "Features of women's subjective well-being in a situation of social transitivity. Age aspect", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education". Series*, no. 4, pp. 71–86, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-71-86

Введение

В современном мире человек сталкивается с глобальными социальными кризисами и такими радикальными изменениями, как пандемия и последующие политические потрясения, вследствие чего жизнь человека меняется не от кризиса к стабильности, а от одного кризиса к другому [Марцинковская 2020; Марцинковская 2022]. Если рассматривать социальную транзитивность как основную особенность современного мира, можно сказать, что она стано-

вится фактическим жизненным пространством человека в современном обществе [Полева 2022].

Как человек справляется с постоянной необходимостью адаптироваться к такого рода изменениям? Насколько благополучно ощущают себя люди в происходящем здесь и сейчас? Какими личностными ресурсами для преодоления текущей ситуации социальной транзитивности и поддержания субъективного благополучия обладают люди и есть ли связь этих ресурсов с принадлежностью к той или иной возрастной группе? Эти вопросы стали отправной точкой нашего исследования.

Изучение особенностей субъективного благополучия в период пандемии [Леонтьев и др. 2022] показало, что его динамика определяется преимущественно исходным состоянием респондентов, к которому, по нашему мнению, можно отнести и такие личностные ресурсы, как жизнестойкость и смысложизненные ориентации. Кроме того, мы предположили, что исходное состояние респондентов может отличаться в зависимости от фазы взрослости [Ананьев 1996].

Проблему субъективного благополучия разрабатывало достаточно большое количество зарубежных и российских исследователей, среди которых Н. Бредберн, Э. Динер, В. Франкл, Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, А. Маслоу, Г.Л. Пучкова, К. Рифф, К. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Р.М. Шамионов, Д.Н. Узнадзе и др. В психологических исследованиях можно встретить разные подходы к изучению проблемы субъективного благополучия, среди которых социально-психологический, когнитивный, целевой, ценностный, личностный, субъектный, ситуативный и другие.

В рамках гедонистического подхода Р.М. Шамионов [Шамионов 2003] выделил пять структурных элементов субъективного благополучия: эмоциональное, экзистенциально-деятельностное эго, гедонистическое и социально-нормативное. Кроме того, он отмечал связь субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями.

Д.А. Леонтьев выделил три смысложизненные ориентации, отражающие их связь с прошлым, настоящим и будущим. Это результат, процесс и жизненные цели, которые могут наполнять жизнь человека и давать (или не давать) ощущение осмысленности, удовлетворенности от самореализации, что не может не сказываться на субъективном благополучии [Леонтьев 2000; Леонтьев, Шильманская 2019]. Кроме того, способность более эффективно переносить текущую ситуацию социальной транзитивности может быть связана с жизнестойкостью, которая означает в том числе

способность человека выдерживать тревогу, связанную с неопределенностью будущего [Maddi 2004]¹.

Цель исследования

Целью исследования является эмпирическое изучение возрастной специфики субъективного благополучия, жизнестойкости и смысловых ориентаций и их связей у женщин в текущей ситуации социальной транзитивности.

Гипотезы исследования

Нами были выдвинуты и рассмотрены следующие гипотезы:

- 1) существуют возрастные различия в переживании субъективного благополучия, жизнестойкости и смысловых ориентаций: уровень субъективного благополучия, выраженность показателей жизнестойкости и смысловых ориентаций будут выше у женщин, находящихся во второй фазе зрелости, чем находящихся в первой фазе зрелости;
- 2) структура жизнестойкости и смысловых ориентаций и их связь с субъективным благополучием имеют возрастную специфику: у женщин, находящихся во второй фазе зрелости, эти связи будут слабее, чем у женщин, находящихся в первой фазе зрелости.

Методы

Для достижения целей исследования были использованы следующие методики:

- 1) методика диагностики субъективного благополучия личности [Шамионов, Бескова 2018];
- 2) тест смысловых ориентаций (СЖО) [Леонтьев и др. 2000];
- 3) тест жизнестойкости Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой²;

---

¹ Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости: Метод. руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. М.: Смысл, 2006.

² Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Указ. соч.

- 4) авторская анкета, включающая вопросы «Что помогает переносить текущую ситуацию?», «Что осложняет текущую ситуацию?» и «Чего вы боитесь?»

Обработка статистических данных осуществлялась в программе SPSS Statistics 13. Поскольку данные не соответствовали нормальному распределению, для анализа были использованы соответствующие методы непараметрической статистики: различия между группами оценивались с помощью критерия Манна–Уитни, корреляционный анализ был проведен при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена с поправкой Бонферрони.

Описание выборки

В исследовании приняли участие 426 женщин, проживающих в разных городах России. Сбор данных осуществлялся в период с мая 2022 г. по июль 2023 г. Согласно возрастной периодизации Б.Г. Ананьева [Ананьев 1996] все респондентки были разделены на две возрастные группы. В первую группу (первая фаза зрелости) вошли 166 человек в возрасте от 21 до 35 лет, во вторую (вторая фаза зрелости) – 260 человек в возрасте от 36 до 55 лет (см. табл. 1). В первой группе 87,95% респонденток имеют высшее образование, 12,05% – среднее; 46,39% – замужем, 38,55 – не замужем, 15,06% проживают в сожительстве; дети и работа есть у 39,16 и 75,90% соответственно, дети и работа отсутствуют у 60,84 / 24,10%. Во второй группе с высшим образованием 88,85%, со средним – 11,15%; замужем 52,31%, не замужем 36,54%, сожительствуют 11,15%; дети есть у 58,85%, нет – у 41,15%; работают 84,23%, не имеют работу 15,77%.

Респондентками выступили пользовательницы социальных сетей «ВКонтакте» и Telegram, слушательницы программ дополнительного образования НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», ФГБОУ ВО «РГСУ» и ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; магистрантки Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ. Сбор данных проводился с помощью онлайн-сервиса serveumonkey.com. Согласие на обработку и публикацию данных в обобщенном виде получено.

Таблица 1

Выборка респондентов исследования,
разделенная по возрастам

Критерий	Количество		%	
	21–35 лет	36–55 лет	21–35 лет	36–55 лет
Образование				
Высшее	146	231	87,95	88,85
Среднее	20	29	12,05	11,15
Статус				
Замужем	77	136	46,39	52,31
Не замужем	64	95	38,55	36,54
Сожительство	25	29	15,06	11,15
Дети				
Есть	65	153	39,16	58,85
Нет	101	107	60,84	41,15
Работа				
Есть	126	219	75,90	84,23
Нет	40	41	24,10	15,77

Результаты исследования

Значимые различия были выявлены при ответе на три вопроса авторской анкеты (см. табл. 2).

1. «Что помогает переносить текущую ситуацию?»: «просмотр прогнозов на будущее» ($m = 1,58/1,85$; $p < 0,04$), «отслеживание новостей» ($m = 1,72/2,05$; $p < 0,02$), «просмотр интервью с интересующими меня общественными деятелями, экспертами и т. д.» ($m = 2,08/0,53$; $p < 0,001$), «физические нагрузки» ($m = 3,13/3,58$; $p < 0,03$).

«Что осложняет текущую ситуацию?»: «наличие детей и ответственность за них» ($m = 1,36/2,42$; $p < 0,0001$), «наличие престарелых родителей» ($m = 1,68/2,28$; $p < 0,0001$), «дети выражают противоположную вашей политической позицию» ($m = 0,13/0,55$; $p < 0,0001$).

«Чего вы боитесь?»: «потерять работу» ($m = 0,20/0,32$; $p < 0,01$), «бедности» ($m = 0,55/0,43$; $p < 0,02$), «лишиться всего» ($m = 0,40/0,29$; $p < 0,01$), «боюсь, что война придет в мой город» ($m = 0,62/0,45$; $p < 0,001$), «умереть» ($m = 0,23/0,13$; $p < 0,01$), «смерти близких» ($m = 0,69/0,58$; $p < 0,02$), «заболеть» ($m = 0,19/0,29$; $p < 0,02$).

Таблица 2

Значимые различия
в специфике переживания к текущей ситуации
у респонденток разных возрастных групп

Опросники / шкалы	Средние		p-value
	группа 1	группа 2	
Что помогает переносить текущую ситуацию?			
Просмотр прогнозов на будущее	1,58	1,85	0,0386
Отслеживание новостей	1,72	2,05	0,0164
Просмотр интервью с интересующими меня общественными деятелями, экспертами и т. д.	2,08	2,53	0,0098
Физические нагрузки	3,13	3,58	0,0272
Что осложняет текущую ситуацию?			
Наличие детей и ответственность за них	1,36	2,42	0,0000
Наличие престарелых родителей	1,68	2,28	0,0001
Дети выражают противоположную вашей политической позицию	0,13	0,55	0,0000
Чего вы боитесь?			
Потерять работу	0,20	0,32	0,0100
Бедности	0,55	0,43	0,0181
Лишиться всего	0,40	0,29	0,0141
Боюсь, что война придет в мой город	0,62	0,45	0,0005
Умереть	0,23	0,13	0,0078
Смерти близких	0,69	0,58	0,0163
Заболеть	0,19	0,29	0,0144

Кроме того, значимые различия были получены в части использованных в исследовании методик (см. табл. 3):

- 1) субъективное благополучие значимо отличается в части эго благополучия ($m = 3,14/3,32$; $p < 0,02$) и гедонистического благополучия ($m = 3,15/3,35$; $p < 0,002$). Значимые различия по шкалам «эмоциональное благополучие», «экзистенциально-деятельностное благополучие» и «социально-нормативное благополучие» не выявлены;
- 2) тест жизнестойкости: «вовлеченность» ($m = 29,96/32,77$; $p < 0,001$) и «жизнестойкость» ($m = 70,39/73,80$; $p < 0,05$). Значимые различия не выявлены по шкалам «контроль и принятие риска»;
- 3) тест смысложизненных ориентаций: «цели» ($m = 29,14/31,75$; $p < 0,002$), «процесс» ($m = 26,43/28,83$; $p < 0,002$), «результат» ($m = 24,29/25,84$; $p < 0,03$); «локус контроля» ($m = 19,02/19,86$; $p < 0,05$) и «общий показатель ОЖ» ($m = 127,96/135,48$; $p < 0,02$).

Таблица 3

Значимые различия в субъективном благополучии, жизнестойкости и смысложизненных ориентациях у респонденток разных возрастных групп

Опросники / шкалы	Средние		p-value
	группа 1	группа 2	
Методика диагностики субъективного благополучия			
Эго благополучие	3,14	3,32	0,0117
Гедонистическое благополучие	3,15	3,35	0,0015
Тест жизнестойкости Мадди			
Вовлеченность	29,96	32,77	0,0009
Жизнестойкость	70,39	73,80	0,0476
Тест смысложизненных ориентаций			
Цели	29,14	31,75	0,0017
Процесс	26,43	28,83	0,0017
Результат	24,29	25,84	0,0222
Локус контроля	19,02	19,86	0,0492
Общий показатель ОЖ	127,96	135,48	0,0137

Таблица 4

Значимые корреляции субъективного благополучия и особенностей переживания текущей ситуации у респондентов разных возрастных групп³

Опросники / шкалы	Группа 1			Группа 2			
	ЭмБл	ЭкзДБл	ЭгоБл	ЭмБл	ЭкзДБл	ЭгоБл	ГедБл
Что помогает переносить текущую ситуацию?							
Планирование будущего и следование намеченному плану		0,44		0,46	0,50	0,42	
Хобби	0,43	0,44					
Что осложняет текущую ситуацию?							
Невозможность планировать будущее	-0,41						
Отсутствие достаточного количества денег							-0,43
Растерянность – не знаю, что делать	-0,44		-0,45	-0,45	-0,46	-0,47	

³ ЭмБл – эмоциональное благополучие, ЭкзДБл – экзистенциально-деятельностное благополучие, ЭгоБл – это благополучие, ГедБл – гедонистическое благополучие. Значимость корреляций с поправкой Бонферрони – $p < 0,000337$.

Значимые корреляции субъективного благополучия

с жизнестойкостью и смысложизненными ориентациями у респондентов разных возрастных групп^{4,5}

Опросники / шкалы	Группа 1				Группа 2				
	ЭмБл	ЭкзДБл	ЭгоБл	ГедБл	СНБл	ЭкзДБл	ЭгоБл	ГедБл	СНБл
Тест жизнестойкости Мадди									
Вовлеченность	0,72	0,69	0,70	0,52	0,52	0,64	0,69		0,44
Контроль	0,60	0,72	0,70	0,54	0,48	0,68	0,69	0,42	0,43
Принятие риска	0,60	0,54	0,61	0,48	0,42	0,57	0,63		
Жизнестойкость	0,71	0,72	0,74	0,57	0,52	0,70	0,74	0,40	0,46
Тест смысложизненных ориентации									
Цели	0,56	0,69	0,54	0,42	0,49	0,65	0,55		0,41
Процесс	0,71	0,75	0,67	0,53	0,49	0,65	0,60		
Результат	0,72	0,67	0,64	0,51	0,55	0,68	0,64	0,42	0,49
Локус контроля	0,61	0,73	0,60	0,47	0,50	0,65	0,58		
Локус контроля – жизнь	0,66	0,67	0,62	0,50	0,47	0,59	0,56		0,40
Общий ОЖ	0,71	0,77	0,68	0,54	0,55	0,72	0,66		0,46

⁴ ЭмБл – эмоциональное благополучие, ЭкзДБл – экзистенциально-деятельностное благополучие, ЭгоБл – это благополучие, ГедБл – гедонистическое благополучие.

⁵ Значимость корреляций с поправкой Бонферрони – $p < 0,000337$.

С помощью корреляционного анализа были выявлены связи структурных элементов субъективного благополучия с жизнестойкостью, смысложизненными ориентациями и спецификой переживания текущей ситуации (см. табл. 4).

Эмоциональное благополучие в группе 1 положительно связано с хобби ($r = 0,43$), во второй группе с планированием будущего и следованием намеченному плану ($r = 0,46$); в обеих группах отрицательно связано с растерянностью (группа 1 $r = -0,44$; группа 2 – $r = -0,45$); в первой группе отрицательно связано с невозможностью планировать будущее ($r = -0,41$).

Экзистенциально-деятельностное благополучие в обеих группах положительно связано с планированием будущего и следованием намеченному (группа 1 $r = 0,44$; группа 2 – $r = 0,50$), с хобби в группе 1 ($r = 0,44$); отрицательно – с растерянностью в группе 2 ($r = -0,46$).

Эго благополучие в обеих группах отрицательно связано с растерянностью (группа 1 $r = -0,45$; группа 2 – $r = -0,47$) и положительно в группе 2 с планированием будущего и следованием намеченному плану ($r = 0,42$).

Гедонистическое благополучие в группе 2 отрицательно связано с отсутствием достаточного количества денег ($r = -0,43$).

Корреляционный анализ показал большое количество положительных связей субъективного благополучия со шкалами жизнестойкости и смысложизненных ориентаций за некоторым исключением (см. табл. 5). Были выявлены наиболее сильные положительные связи ($r > 0,7$):

- 1) эмоционального благополучия со шкалой «жизнестойкость» в обеих группах (группа 1 $r = 0,71$; группа 2 – $r = 0,72$), в первой группе со шкалой «вовлеченность» ($r = 0,72$) теста на жизнестойкость; в части теста смысложизненных ориентаций со шкалами «процесс» ($r = 0,71$), «результат» ($r = 0,72$) и «общий ОЖ» ($r = 0,71$);
- 2) экзистенциально-деятельностное благополучие в обеих группах связано со шкалами «жизнестойкость» (группа 1 $r = 0,72$; группа 2 – $r = 0,70$) и «общий ОЖ» (группа 1 $r = 0,77$; группа 2 – $r = 0,72$); в группе 1 со шкалами «контроль» теста на жизнестойкость ($r = 0,72$), шкалами «процесс» ($r = 0,75$) и «локус контроля» ($r = 0,73$) теста смысложизненных ориентаций;
- 3) эго благополучие в обеих группах связано со шкалой «жизнестойкость» (группа 1 $r = 0,74$; группа 2 – $r = 0,74$), в группе 1 со шкалами «вовлеченность» ($r = 0,70$) и «контроль» ($r = 0,70$) теста на жизнестойкость;

- 4) значимые корреляции гедонистического благополучия со шкалами «вовлеченность» и «принятие риска» теста на жизнестойкость, а также со шкалами «цели», «процесс», «локус контроля», «локус контроля – жизнь» и «общий ОЖ» теста смысложизненных ориентаций во второй группе не выявлены. Кроме того, также во второй группе не выявлены связи социально-нормативного благополучия со шкалой «принятие риска» теста на жизнестойкость, со шкалами «процесс» и «локус контроля» теста смысложизненных ориентаций.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают идею о том, что субъективное благополучие, жизнестойкость и выраженность смысложизненных ориентаций имеют свою специфику в зависимости от фазы зрелости.

Женщины, находящиеся во второй фазе зрелости, меньше боятся смерти и лишений, за исключением потери работы и болезней. Вместе с тем наличие престарелых родителей, детей и ответственность за них, а также несовпадение с последними во мнении относительно текущей политической ситуации затрудняет переживание ими происходящего больше, чем женщинам, находящимся в первой фазе зрелости. Это может быть связано с более молодым возрастом как находящихся в первой фазе зрелости, так и их детей и родителей. Кроме того, у большего количества женщин, находящихся в первой фазе зрелости, детей еще нет. Можно предположить, что страх за свое здоровье и наличие источника дохода у женщин второй фазы зрелости связан с большим пониманием важности этих ресурсов для качества жизни своей и близких. Переносить текущую ситуацию социальной транзитивности им чаще помогает просмотр прогнозов, интервью и новостей, чем находящимся в первой фазе зрелости.

Женщины, находящиеся во второй фазе зрелости, обладают большей экзистенциальной отвагой, которая позволяет им меньше зависеть от актуализирующихся ситуаций, быстрее преодолевать базовую тревогу, проявляющуюся в ситуациях неопределенности и необходимости делать выбор по сравнению с находящимися в первой фазе. Они чаще убеждены, что вовлеченность в происходящее здесь и сейчас максимизирует шансы для нахождения чего-то стоящего и интересного и получают удовольствие от своей деятельности, в то время как находящиеся в первой фазе зрелости чаще чувствуют отвергнутость вследствие более частого отсутствия такой уверенности.

Общая осмысленность жизни также чаще присуща женщинам, находящимся во второй фазе зрелости, они воспринимают процесс своей жизни как более интересный, продуктивный, наполненный целями и смыслом, верой в свои силы и свободу выбора, чем находящиеся в первой фазе зрелости. Первая гипотеза подтвердилась частично.

Интересно, что отдельные структурные элементы субъективного благополучия по-разному связаны с особенностями переживания текущей ситуации социальной транзитивности у женщин разных возрастных групп.

У женщин, находящихся во второй фазе зрелости, эмоциональное, экзистенциально-деятельностное и эго благополучие положительно связано с планированием будущего и следованием намеченному плану, а отрицательно – с растерянностью. Гедонистическое благополучие отрицательно связано с отсутствием достаточного количества денег.

У женщин, находящихся в первой фазе зрелости, хобби положительно связано с эмоциональным и экзистенциально-деятельностным благополучием, последнее также положительно связано с планированием будущего и следованием намеченному плану. Эмоциональное благополучие этой группы отрицательно связано с невозможностью планирования будущего и растерянностью. Кроме того, эго благополучие также отрицательно связано с растерянностью.

Также подтвердилась идея о том, что структура жизнестойкости и смысложизненных ориентаций и их связь с субъективным благополучием имеет специфику в зависимости от фазы зрелости. Анализ показал, что эти связи у женщин, находящихся во второй фазе зрелости, в целом ослабевают в некоторых случаях до исчезновения за рядом исключений.

Так, у женщин, находящихся во второй фазе зрелости, по отношению к женщинам, находящимся в первой, усилилась положительная связь эмоционального, экзистенциально-деятельностного и эго благополучия с принятием риска; кроме того, в части эмоционального благополучия усилилась положительная связь с контролем, представляющим собой убежденность в том, что борьба помогает влиять на результат происходящего и с общей жизнестойкостью. Связь эго благополучия с общей жизнестойкостью не изменилась.

В части смысложизненных ориентаций связи усилились только у эго благополучия с целеполаганием, придающим осмысленность жизни и с убежденностью в том, что человек способен управлять своей жизнью, принимая решения и воплощая их в жизнь. Вторая гипотеза подтвердилась частично.

Выводы

В статье были рассмотрены возрастные особенности переживания субъективного благополучия, жизнестойкости и смысложизненных ориентаций в текущей ситуации социальной транзитивности и их динамика у женщин, а именно:

- выявлена специфика субъективного благополучия, жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, а также их связей в зависимости от принадлежности к возрастным группам;
- установлено, что структура жизнестойкости и смысложизненных ориентаций, а также их связь с субъективным благополучием отличается у разных возрастных групп. Выявлена тенденция, что эти связи между группами у женщин разных возрастов уменьшаются до исчезновения за некоторым исключением.

Литература

- Ананьев 1996 – *Ананьев Б.Г.* Психология и проблема человекознания. Воронеж: Ин-т практической психологии, 1996.
- Леонтьев 2000 – *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
- Леонтьев, Шильманская 2019 – *Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е.* Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90–100.
- Леонтьев и др. 2020 – *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108.
- Леонтьев и др. 2022 – *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., Тараненко О.В., Кошелева Н.В.* Изменение субъективного благополучия в ситуации пандемии: роль копинг-стратегий и реакции на пандемию // Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности: Материалы VI Междунар. науч. конф. Кострома, 22–24 сентября 2022 г. / Науч. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 9–13.
- Марцинковская 2020 – *Марцинковская Т.Д.* Личностные границы пространства и времени в ситуации депривации по COVID-19 // Вопросы психологии. 2020. Т 6. № 4. С. 104–114.
- Марцинковская 2022 – *Марцинковская Т.Д.* Динамика психологического благополучия в ситуации транзитивности и пандемии // Новые психологические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 88–102.

- Полева 2022 – Полева Н.С. Психология транзитивности: виды пространства и психологический хронотоп // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 14–29.
- Шамионов 2003 – Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия. М.: Наука, 2003.
- Шамионов и др. 2018 – Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60.
- Maddi 2004 – Maddi S.R. Hardiness: An operationalization of existential courage // Journal of humanistic psychology. 2004. Vol. 44. № 3. P. 279–298.

References

- Ananiev, B.G. (1996), *Psikhologiya i problema chelovekoznaniya* [Psychology and the Issue of Understanding Human Nature], Institut prakticheskoi psikhologii, Voronezh, Russia.
- Leontiev, D.A. (2000), *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Test of Meaningful Life Orientations (MLO)], 2nd ed., Smysl, Moscow, Russia.
- Leontiev, D.A. and Shilmanskaya, A.E. (2019), “Life Position of Personality. From Theory to Operationalization”, *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 90–100.
- Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. and Lebedeva, A.A. (2020), “Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being. Anxiety and Coping”, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 28, no. 2, pp. 90–108.
- Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I., Taranenko, O.V. and Kosheleva, N.V. (2022), “Changes in subjective well-being during the pandemic: The role of coping strategies and pandemic response”, Kryukova, T.L., Saporovskaya, M.V. and Khazova, S.A. (eds.), *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustoichivost' i izmenchivost' otnoshenii, lichnosti, gruppy v epokhu neopredelennosti: Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 22–24 sentyabrya 2022 g.* [Psychology of stress and coping behavior. Stability and variability of relationships, individuals, groups in the age of uncertainty. Proceedings of the VI International scientific conference, Kostroma, September 22–24, 2022], Kostromskoi gos. un-t Kostroma, Russia, pp. 9–13.
- Maddi, S.R. (2004), “Hardiness: An Operationalization of Existential Courage”, *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 44, no. 3, pp. 279–298.
- Martsinkovskaya, T.D. (2020), “Personalized boundaries of space and time in the situation of deprivation due to Covid-19”, *Voprosy psikhologii*, vol. 66, no. 4, pp. 104–114.
- Martsinkovskaya, T.D. (2022), “Dynamics of psychological well-being in the situation of transitivity and pandemic”, *New Psychological Research*, vol. 2, no. 2, pp. 88–102.

- Poleva, N.S. (2022), "Psychology of transitivity: types of space and psychological chronotope", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 14–29.
- Shamionov, R.M. (2003), *Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya* [Psychology of subjective well-being], Nauka Moscow, Russia.
- Shamionov, R.M. and Beskova, T.V. (2018), "Methods of diagnostics of subjective well-being of the person", *Psychological Studies*, no. 11 (60).

Информация об авторе

Светлана Е. Золотарева, кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия: 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; 9111158@gmail.com

Information about the author

Svetlana E. Zolotareva, Cand. of Sci. (Economics), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia: bld. 82, p. 1, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571; 9111158@gmail.com

Психологический хронотоп и особенности идентичности в условиях смешанной реальности в юношеском возрасте

Гузелия Р. Хузеева

Московский педагогический государственный университет,

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, guzeliya.h@yandex.ru

Аннотация. В современной психологии особую актуальность приобретает изучение феномена виртуальной идентичности в условиях смешанной реальности. В свою очередь, виртуальная идентичность представляет лишь один из аспектов целостной идентичности человека и встраивается в ценностную сферу личности. Юношеский возраст является ключевым периодом формирования иерархии ценностной сферы и самоопределения. Исследование идентичности в рамках транзитивного общества требует системного подхода, включающего изучение различных аспектов пространственного и временного контекста формирования личности. Виртуальное пространство в структуре психологического хронотопа представляет собой совокупность различных гетеротопий, взаимодействующих друг с другом как в рамках виртуального пространства, так и в рамках реального контекста существования человека. Специфика психологического хронотопа каждого человека в условиях цифровой повседневности определяется характером субъективного отношения к различным аспектам реального и виртуального пространства. Субъективные переживания отражаются через структуру, содержание идентичности и ценностной сферы юношей и девушек. Было обнаружено, что выраженность субъектной позиции в виртуальном пространстве положительно связана с наличием виртуальных характеристик в структуре реальной идентичности. Такие аспекты психологического хронотопа, как переживание, эмоциональное отношение к разным параметрам пространства и времени, а также субъектная позиция в рамках данного пространства определяет содержание и структуру идентичности в юношеском возрасте.

Ключевые слова: Психологический хронотоп, ценностная сфера, реальная и виртуальная идентичность в юношеском возрасте

Для цитирования: Хузеева Г.Р. Психологический хронотоп и особенности идентичности в условиях смешанной реальности в юношеском возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 87–102. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-87-102

Psychological chronotope and features of identity in the conditions of mixed reality in adolescence

Guzeliya R. Khuzeeva

Moscow State Pedagogical University,

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

guzeliya.h@yandex.ru

Abstract. In modern psychology, the studying the virtual identity phenomenon attains a particular relevance in a mixed reality. In turn, virtual identity is only one of the aspects of a person's integral identity and is built into the value sphere of a person. Adolescence is a key period in the formation of the hierarchy of the value sphere and self-determination. The study of identity within a transitive society requires a systematic approach, including the study of various aspects of the spatial and temporal context of personality formation. Virtual space in the structure of the psychological chronotope is a collection of various heterotopias interacting with each other both within the virtual space and within the real context of human existence. The specifics of the psychological chronotope of each person in the conditions of digital everyday life is determined by the nature of the subjective attitude to various aspects of the real and virtual space. Subjective experiences are reflected through the structure, content of the identity and value sphere of boys and girls. It was found that the severity of the subject position in the virtual space is positively associated with the presence of virtual characteristics in the structure of real identity. Such aspects of the psychological chronotope as experience, emotional attitude to different parameters of space and time, as well as the subjective position within this space determine the content and structure of identity in adolescence.

Keywords: psychological chronotope, value sphere, real and virtual identity in adolescence

For citation: Khuzeeva, G.R. (2023), "Psychological chronotope and features of identity in the conditions of mixed reality in adolescence", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 87–102, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-87-102

Введение: постановка проблемы

В современном транзитивном обществе складываются уникальные пространственно-временные условия, определяющие формирование личности современного подрастающего поколения. С точки зрения М.С. Гусельцевой, Т.Д. Марцинковской, Н.С. Полевой, развитие Интернета и цифровых технологий дополняет

структуру хронотопа виртуальным пространством и временем [Гусельцева 2019; Марцинковская 2022; Полева 2022]. Психологический хронотоп, в современном понимании, предполагает единство пространственно-временных параметров реальности, а также переживание как эмоциональной составляющей субъективного пространства и времени [Полева 2022]. Объективные и субъективные составляющие хронотопа опосредуют процесс и результат формирования идентичности человека. Личность формируется в условиях смешанной реальности, предполагающей пересечение объективных и субъективных составляющих реального и виртуального измерения [Полева 2022]. С точки зрения Н.С. Полевой, понятие смешанной реальности соотносится с понятиями «цифровая повседневность» и «цифровой образ жизни» [Полева 2022].

В условиях смешанного пространства, где ключевым моментом является отношение и переживание человеком среды повседневности как смешанной реальности, в качестве отдельного аспекта и результата формирования личности выступает виртуальная идентичность. Виртуальное пространство включает в себя множество других пространств – гетеротопий таких, как пространства социальных сетей, различных интернет-платформ и сайтов, пространства виртуальных игр и т. д. [Полева 2022]. Пространство подростковых субкультур в виртуальном пространстве также можно рассматривать как гетеротопии.

Результатом субъективного процесса переживания пространства и времени выступает реальная и виртуальная идентичность. Идентичность представляет собой системное качество индивида, включающее осознание себя через интеграцию индивидуального опыта и способность сохранять тождество Я в изменяющихся социальных ситуациях. Виртуальная идентичность определяет образ себя в рамках виртуального пространства и времени, тогда как реальная идентичность определяет совокупность личностных качеств и свойств, которые присущи человеку в реальной жизни. У человека появляются новые «личностные феномены» погружения в информационно-коммуникативную среду, отражающие возможности конструирования не только виртуального мира, но и собственной личности [Марцинковская 2022].

Эмпирическое исследование

Целью данного исследования является изучение особенностей психологического хронотопа и особенностей идентичности в условиях смешанной реальности в юношеском возрасте.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 67 человек в возрасте от 15 до 17 лет. Методика проводилась в офлайн-формате на базе школы ГБОУ № 49 (г. Москва). Сбор фактических данных проводился с марта 2022 г. по март 2023 г.

Методики исследования

1. Авторский опросник, направленный на выявление особенностей цифровой повседневности.

2. Методика исследования личностной идентичности (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер [Шнейдер 2007].

3. Методики Куна МакПартленда «Кто я?» [Марцинковская 2015].

4. Методика «Кто я в Интернете?» (модификации методики Куна МакПартленда «Кто я?»).

5. Методика «Успешный человек» (лаборатория Т.Д. Марцинковской) [Идентичность 2015].

Для первичной обработки данных использовалась программа Microsoft Excel. Для вторичной обработки данных использовался пакет прикладных программ статистической обработки данных SPSS Statistics, в частности – коэффициент корреляции Пирсона и непараметрический метод сравнительного статистического анализа с использованием критерия Манна–Уитни.

В своем исследовании мы предположили, что содержание и характер идентичности определяется спецификой пространственно-временного контекста существования человека, а именно условиями смешанной реальности. В структуру целостной идентичности включаются субъективно значимые параметры виртуального пространства, а именно те гетеронимии, в рамках которых человек является не только потребителем определенного цифрового контекста, а прежде всего субъектом собственной активности, самовыражения, самопознания и самореализации.

Результаты исследования

Первый этап исследования был направлен на выявление особенностей пространственных и временных характеристик повседневной жизни юношей и девушек 15–17 лет, включая особенности цифровой повседневности. Целью опроса являлось выявление осо-

бенностей деятельности в свободное время, значимые пространства (гетерономии) в сети Интернет.

Совокупность ответов юношей и девушек на вопрос: «Чем вы занимаетесь в свободное время каждый день?» можно разделить на несколько категорий.

Таблица 1

Особенности активности
в практике повседневности юношей и девушек

Способ времяпрепровождения	Количество респондентов, %
Творческие и познавательные виды деятельности (рисование, походы в театр, кино, чтение и т. д.)	40
Оздоровительная деятельность (прогулки, спорт)	58
Общение с близкими (друзья, семья)	72
Интернет (социальные сети)	65
Интернет (компьютерные игры, досуг)	40
Интернет (познавательная информация, новостные ленты)	33

Как видно из табл. 1, в пространстве и времени повседневной жизни у всех юношей и девушек присутствует смешанная реальность. Ежедневно значительное время юноши и девушки проводят в сети Интернет. Общими видами деятельности, объединяющими два пространства, являются общение, познавательная деятельность, досуговая деятельность.

*Особенности цифровой повседневности
у юношей и девушек 15–17 лет*

Изучая особенности цифровой повседневности, 80% юношей и девушек обозначают, что, в основном, являются потребителями контента или используют Интернет в качестве информационного и учебного ресурса. Только 20% респондентов выделяют свою субъектную позицию и отмечают, что являются контентмейкерами или пытаются найти способ самовыражения в Интернете. 92% респон-

дентов пишут, что используют Интернет для общения, 72% юношей и девушек выделяют, что используют Интернет как источник разного рода информации, включая информацию, необходимую для учебы, 30% юношей и девушек играют в онлайн-игры, 15% респондентов отмечают, что ведут свой блог или являются контентмейкерами, 23% респондентов подчеркивают, что используют Интернет как способ самопрезентации и самовыражения. Таким образом, юноши и девушки отличаются характером и степенью проявления субъектности в сети Интернет.

По результатам опроса было выявлено, что более 70% респондентов отмечают, что используют мессенджеры ВКонтакте и Telegram, 62% пользуются YouTube, 53% – TikTok. Более редко юноши используют такие социальные сети, как Instagram (32%), WhatsApp (25%) и Twitter (7%).

На втором этапе исследования были изучены особенности идентичности юношей и девушек 15–17 лет в современном транзитивном обществе. Были изучены особенности реальной и виртуальной идентичности, включая ценностные аспекты идентичности.

Особенности идентичности юношей и девушек 15–17 лет

Результаты исследования особенностей личностной идентичности по методике Л.Б. Шнейдер МИЛИ [Шнейдер 2007] показали следующие результаты. Достигнутая идентичность выявлена у 15% выборки, диффузная идентичность, определяющая процесс становления идентичности, выявлена у 40% юношей и девушек, 27% демонстрируют статус моратория и у 17% выборки отмечается псевдоидентичность, определяющая низкий уровень рефлексии и искажение Я-концепции.

Низкие показатели достигнутой идентичности в юношеском возрасте могут определяться не только субъективными факторами развития личности, но и транзитивным, сложным контекстом формирования идентичности. Пространственные и временные характеристики смешанной реальности можно рассматривать как фактор, усложняющий процесс достижения целостной и непротиворечивой идентичности, характерной для статуса «достигнутая идентичность».

*Особенности виртуальной идентичности
в структуре целостной идентичности
и ценностной сферы у юношей и девушек 15–17 лет*

Для изучения содержания идентичности была использована методика Куна МакПартленда «Кто Я», для изучения особенностей виртуальной идентичности использовалась модификация данной методики «Кто Я в Интернете». Для изучения ценностных аспектов и содержания образа идеальной идентичности у юношей и девушек 15–17 лет использовалась методика «Успешный человек».

Таблица 2

Особенности содержания идентичности
у юношей и девушек 15–17 лет
(общее и различия)

Характеристики содержания идентичности	Количество определений личностных характеристик (личностная идентичность) в структуре самоописания, %	Количество характеристик групповой принадлежности (социальная идентичность) в структуре самоописания, %
Самоописание себя в реальной жизни	77	23
Самоописание себя в Интернете	32	68
Характеристики успешного человека	95	5

Как видно из табл. 2, в структуре самоописания реальной и виртуальной идентичности присутствуют как характеристики личности, так и социальная принадлежность. В ходе сравнительного анализа параметров реальной и виртуальной идентичности были обнаружены значимые различия (по критерию Манна–Уитни). В содержании виртуальной идентичности преобладают характеристики групповой принадлежности (игровые сообщества, субкультуры, профессиональная принадлежность), тогда как в структуре реальной идентичности преобладают личностные характеристики.

Контент-анализ определений личностной идентичности позволил выделить несколько тенденций.

В структуре самоописания реальной идентичности у юношей и девушек 15–17 лет личностные характеристики составляют 77%, включая характеристики внешности («красавица», «приятная внешность», «симпа»), способностей в сфере познания («умная», «математик»), деятельности («спортивный», «трудолюбивый») и коммуникации («общительная», «иногда обижаю других»), а также личные предпочтения. Интерес представляет тот факт, что существенное место занимают характеристики повседневности через предпочтения «люблю/не люблю», такие как «люблю путешествовать», «не люблю ходить в школу», «устала», «боюсь сдавать экзамены», «люблю поспать», «люблю смотреть в небо», «ненавижу шум», «не люблю обедать/ужинать с семьей», «не люблю ходить в школу» и т. д. Также существенное место в самоописании личностной идентичности уделяется амбивалентным качествам личности. Наряду с такими определениями, как «ответственный», «целеустремленный» часто встречаются «ленивый», «быстро устающий», «прокрастинатор», «не могу сосредоточиться», «слишком медленный». Амбивалентные определения составляют 21% от всех определений себя в методике «Кто Я». Отмечается важность таких качеств, как «честность», «помощь и понимание», «умение слушать», «адекватность».

Личностные характеристики в структуре виртуальной идентичности составили 32% от общей суммы определений. Юноши определяют себя в виртуальной среде через такие характеристики, как «успешный человек», «часто в Сети», «помогающая», «умею слушать», «шутник», «известный чел», «много пишу», «везунчик», «в курсе всех событий» и т. д. Также в структуре описания виртуальной идентичности встречаются сленговые понятия («краш», «токсик» и др.).

В содержании образа успешного человека преобладают личностные характеристики (95%). При этом индивидуалистские ценности составили 93% определений («быть не таким как все», «посвящать себя своему делу», «быть дисциплинированным», «самостоятельность», «рисковать», «иметь свое мнение», «лидерство»), коллективистские ценности составили всего 7% от всех определений образа успешности.

Контент-анализ определений в содержании самоописания позволил выделить противоречие между личностными характеристиками в структуре самоописания и характеристиками образа успешного человека. В содержании образа успешности 58% определений касаются саморегуляции, управления, осознанности и контроля. При описании идеального образа личности юноши и девушки

используют такие определения, как «самостоятельность», «решимость», «умение планировать», «последовательность», «трудолюбие», «упорство», «дисциплина» и т. д. При этом в структуре само-описания (методика «Кто Я») данная категория составила всего 3% определений. Данное расхождение может являться фактором, препятствующим формированию достигнутой идентичности у юношей и девушек 15–17 лет.

Контент-анализ определений социальной идентичности также позволил выделить несколько тенденций. Определение значимых социальных категорий, к которым относит себя человек, позволяет выявить, какие аспекты реального и виртуального пространства являются наиболее эмоционально значимыми для человека.

В структуре образа реальной идентичности социальные категории занимают 23% от всех характеристик. Юноши и девушки определяют себя через категории возраста («подросток», «несовершеннолетний»), категорию человека, принадлежность семье (сын, «хорошая дочь»), социальные роли («ячейка общества», «ученик», «отличница»), место проживания («москвич», «москвичка»), религиозная и национальная принадлежность («атеист», «русский»), идеологическая принадлежность («сторонник коммунизма»), будущая профессиональная принадлежность («будущий писатель», «филолог», «спортсмен»). Особое место занимают общие определения в содержании реальной и виртуальной идентичности. К ним относятся профессиональные роли («блогер», «программист», а также определения через субкультурные пространства («Дед инсайд», «Оверсинкер», «Бодишеймер»).

В структуре описания образа успешного человека социальные категории составили 5% от общего количества определений. Юноши и девушки определяют успешность через принадлежность человека к IT-профессиям и блогерству.

В структуре образа виртуальной идентичности социальные категории занимают 68% от всех характеристик. Виртуальное пространство можно рассматривать как пространство разных гетерономий [Полева 2022], которые можно характеризовать в рамках пространственно-временного континуума. Например, различные пространства социальных сетей, пространство подростковых субкультур, часто связанных с пространством онлайн-игр, имеющих свои правила регистрации, роли, архитектуру пространства и времени, пространства профессиональной деятельности и т. д. Те параметры виртуального пространства, которые человек выбирает как значимые, формируют пространство проявления субъектности человека не только через потребление контента, но и через возможность самореализации и самовыражения через разные формы активности.

Таблица 3

Особенности самоопределений
в содержании виртуальной идентичности
(«Кто я в Интернете?»)

Игровые роли	«дотер», «фермер», «ксер», «лучник», «фнафер», «стрелок», «лолер», «мошенник», «скамер», «геймер», «игрок»
Интернет-субкультуры	«1000-7», «Дед инсайд», «Сигмамэйл», «Гигапад», «Dungeon Master», «Фурри», «Анимешник»
Профессиональные роли в Интернете	Маркетолог, программист, блогер, контентмейкер, криптоман, владелец дискорт сервера, текстуровщик, художник тилия
Принадлежность к определенным социальным сетям	ВКонтакте, Telegram, YouTube, TikTok, Instagram, WhatsApp, Twitter, Дискорт

Как видно из табл. 3, юноши и девушки соотносят себя с такими категориями, как игровые роли, интернет-субкультуры, профессиональные роли в Интернете и выбор различных социальных сетей. Юноши и девушки 15–17 лет часто используют для определения себя сленговые слова, имеющие особое значение в современной интернет-культуре. Данные определения также показывают вовлеченность подростков в определенные социальные группы. У многих респондентов профессиональные навыки формируются и реализуются в интернет-пространстве, так как есть возможность работать анонимно и удаленно. У многих юношей и девушек (47%) в описании образа виртуальной идентичности указаны профессиональные навыки и умения (программист, маркетолог, блогер и т. д.).

Сопоставление результатов изучения реальной, виртуальной и образа идеальной идентичности позволило выделить некоторые тенденции. Так, некоторые определения в содержании идентичности встречаются только в описании себя в реальной жизни, некоторые определения встречаются исключительно в определении себя в виртуальном пространстве. При этом есть категории определений, которые встречаются в описаниях и реальной, и виртуальной идентичности, и в образе успешности. К данным категориям самописания относятся категории профессиональной принадлежности. Так, блогерство и IT-профессии встречаются в образе реальной, виртуальной и идеальной идентичности. Также у юношей в само-

описании реальной и виртуальной идентичности встречаются определения себя как игромана или обозначение через роль в онлайн-играх. Часто в структуре самоописания трех аспектов идентичности встречаются определения, связанные с подростковым сленгом. Например, определение «краш» встречается во всех трех аспектах идентичности. Определения «кринж», «дед инсайд», «оверсинкер», «бодишеймер», «симпа», «токсик» встречаются как в описании виртуальной, так и в описании реальной идентичности. Дефиниции «кринж», «краш», «токсик» стали популярными относительно недавно, но уже плотно вошли в языковую среду и вышли за рамки подросткового сленга. Рассмотрим некоторые определения, общие для всех аспектов идентичности. Например, «кринж» обозначает то, что вызывает чувство стыда из-за кого-либо или чего-либо и чувство стыда вообще. «Крашем» называют человека, в которого тайно и безответно влюблены, либо красивого, приятного внешне человека. «Дед инсайд» – описание, которое раскрывает сразу несколько подростковых субкультур. «Оверсинкер» – (от англ. “overthinker”, слишком много думающий), человек, который тяготеет мыслями о своей жизни. «Токсик» – (от англ. “toxic”, ядовитый), крайне неприятный человек, оперирующий пассивной агрессией при общении с людьми, провоцирующий на конфликт, высказывающийся о ком-либо или чем-либо в негативном ключе.

Данные определения собственной идентичности часто берутся из пространства интернет-субкультур (онлайн-игры, мемы) и переносятся на самоидентификацию в целом. Часто субкультуры рождаются из мемов (например, Гигачад, Сигма-самец). Мемы могут выступать в качестве инструмента целостного восприятия себя в реальном и виртуальном пространстве, характеризуя определенное качество (депрессивность, значимость, характеристики внешности и т. д.). Данный факт говорит о том, что виртуальное пространство является пространством самоидентификации для современной молодежи. Подростковая субкультура виртуального пространства переносится в восприятие себя в реальной жизни. Сленг можно рассматривать как средство самоидентификации в условиях смешанной реальности, так как данные определения имеют обобщенный характер и могут выполнять связующую роль в формировании целостного образа идентичности. Можно предположить, что общепринятые личностные черты (умный, добрый, честный, трудолюбивый) не всегда передают целостный образ личности в рамках смешанной реальности. Виртуальная реальность крайне многообразна и позволяет опробовать и примерить на себя разные роли. Виртуальное пространство как пространство гетерононий [Полева 2022] может раздвигать временные границы, выступая источником

познания, развития, самореализации, а может поглощать время, например, определяя компьютерную зависимость и отсутствие субъектности, отрыв от реальности, эскапизм.

По критерию Манна–Уитни юноши и девушки значимо различаются по параметрам самоидентификации в виртуальном пространстве. Юноши значимо чаще определяют свою принадлежность к онлайн-играм, интернет-субкультурам и профессиональным ролям, тогда как девушки чаще используют виртуальное пространство в целях самопрезентации и общения. У юношей отмечается более дифференцированная виртуальная идентичность, чем у девушек.

В результате проведения корреляционного анализа были обнаружены следующие взаимосвязи. Степень дифференцированности виртуальной идентичности связана с принадлежностью к интернет-субкультурам (0,331*). Также обнаружена связь между степенью дифференцированности виртуальной идентичности и представленностью виртуальной идентичности в структуре реальной идентичности (0,469*). Обнаружена связь между наличием профессиональных ролей в структуре виртуальной идентичности и наличием категорий виртуальной идентичности в структуре реальной идентичности (0,448*). Обнаружена связь между возрастом респондентов и приверженностью к интернет-субкультурам (0,320*). Чем младше респонденты, тем чаще встречается определение виртуальной идентичности через принадлежность к интернет-субкультурам или приверженность к онлайн-играм.

На основе полученных результатов можно предположить, что выраженность субъектной позиции юношей и девушек в виртуальном пространстве связана с переносом характеристик человека в виртуальном пространстве в структуру реальной идентичности. Если субъектная позиция в Интернете (контентмейкер, блогер, профессиональные роли) отражается в содержании целостной идентичности, то позиция потребителя интернет-контента (общение, просмотр интернет-ресурсов, новостные ленты) не отражается в содержании реальной идентичности.

Заключение

В повседневной жизни у всех юношей и девушек присутствует смешанная реальность. Значительное время юноши и девушки проводят в сети Интернет. Общими видами деятельности, объединяющими два пространства, являются общение, познавательная деятельность и досуговая деятельность.

Цифровая повседневность существенно различается среди юношества. Юноши и девушки отличаются характером и степенью выраженности субъектности в сети Интернет. Только 20–25% респондентов являются создателями контента или пытаются найти способ самовыражения в Интернете, тогда как 75–80% являются, в основном, потребителями контента или используют Интернет в качестве информационного и учебного ресурса.

В условиях смешанной реальности у молодых людей 15–17 лет преобладает диффузная идентичность (40%), достигнутая идентичность выявлена у 15% выборки, 27% демонстрируют статус моратория и у 17% респондентов отмечается статус псевдоидентичности. Пространственные и временные характеристики смешанной реальности можно рассматривать как фактор, усложняющий процесс достижения целостной и непротиворечивой идентичности.

В структуре реальной идентичности преобладают личностные характеристики (77% всех определений), тогда как в описании виртуальной идентичности преобладают характеристики социальной принадлежности к игровым сообществам, социальным сетям, профессиональным ролям, субкультурам (67%).

В структуре самоописания реальной идентичности каждое пятое определение носит амбивалентный характер. Существенное место в содержании идентичности занимает описание повседневности («не люблю ходить в школу», «устала», «боюсь сдавать экзамены», «люблю поспать», «люблю смотреть в небо», «не люблю обедать с семьей»).

Отмечается противоречие содержания личностной идентичности и образа идеальной личности. В описании успешного человека 58% определений касаются саморегуляции, управления, осознанности и контроля. При этом в структуре самоописания собственной идентичности данная категория составила всего 3% определений. Данное расхождение может являться фактором, препятствующим формированию достигнутой идентичности у юношей и девушек 15–17 лет.

В структуре социальной идентичности юношей и девушек присутствуют как традиционные категории групповой принадлежности (семья, национальность, гражданство и т. д.), так и категории виртуального пространства. В содержании образа успешности присутствуют ценности профессии IT, ведение блогов также рассматривается как условие успешности современного человека.

Виртуальное пространство является пространством самоидентификации для современной молодежи. Интернет-субкультура

включена в структуру самоидентификации. Профессиональные роли в Интернете, некоторые сленговые определения (например, «кринж», «дед инсайд», «оверсинкер», «симпа», «токсик») можно рассматривать в качестве средства самоидентификации. Данные определения имеют обобщенный характер и могут выполнять связующую роль в формировании целостного образа идентичности в условиях смешанной реальности.

Виртуальная реальность крайне многообразна и позволяет примерить на себя разные роли. При этом виртуальное пространство может раздвигать временные границы, выступая источником познания, развития и самопознания, а может поглощать время, например, определяя компьютерную зависимость, отсутствие субъектности и отрыв от реального Я.

Психологический хронотоп в рамках виртуального пространства значимо различается у юношей и девушек. Юноши чаще определяют свою принадлежность к онлайн-играм, интернет-субкультурам и профессиональным ролям, тогда как девушки чаще используют виртуальное пространство в целях самопрезентации и общения.

Полученные результаты позволяют предположить, что психологический хронотоп современного юношества определяется условиями смешанной реальности, характером переживания и эмоционального отношения к различным аспектам пространственно-временного континуума, а также выраженностью субъектной позиции в рамках различных геротопий. Было обнаружено, что субъектная позиция в Интернете (контентмейкер, блогер, профессиональные роли) отражается в содержании характеристик реальной идентичности, тогда как позиция потребителя интернет-контента (общение, просмотр интернет-ресурсов, новостные ленты) не получает своего отражения в содержании целостной идентичности.

Таким образом, такие аспекты психологического хронотопа, как переживание, эмоциональное отношение к разным параметрам пространства и времени, а также субъектная позиция в рамках данного пространства определяют содержание и структуру идентичности в юношеском возрасте. Структура и содержание идентичности имеют свою специфику в зависимости от пространства определения (реальная-виртуальная), в зависимости от пола и социального контекста. При этом основная задача развития личности в юношеском возрасте является инвариантной – это формирование целостной принимаемой позитивной идентичности.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ, проект 19-18-00516 П «Транзитивное и виртуальное пространство – общность и различия».

Acknowledgements

The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project 19-18-00516 P “Transitive and virtual space – commonality and differences”.

Литература

- Гусельцева 2019 – *Гусельцева М.С.* Основные принципы трансдисциплинарного подхода к изучению социального, личностного и когнитивного развития детей и подростков в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Педагогика. Психология. Образование». 2019. № 4. С. 33–53.
- Идентичность 2015 – Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015. 111 с.
- Марцинковская 2022 – *Марцинковская Т.Д.* Переживание кризиса транзитивности в реальном и виртуальном пространствах: личностный и социальный контекст // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 30–41.
- Полева 2022 – *Полева Н.С.* Психология транзитивности: виды пространства и психологический хронотоп // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 14–29.
- Шнейдер 2007 – *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 128 с.

References

- Gusel'tseva, M.S. (2019), “Basic principles of a transdisciplinary approach to the study of social, personal and cognitive development of children and adolescents in a modern technological society”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 33–53.
- Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2015), *Identichnost' i sotsializatsiya v sovremennom mire: sbornik metodik* [Identity and socialization in the modern world. Collection of methods], MPGU, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. (2022), “Experience of the crisis of transitivity in real and virtual spaces: personal and social context”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 30–41.

Poleva, N.S. (2022), "Psychology of transitivity: types of space and psychological chronotope", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 14–29.

Shneider, L.B. (2007), *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost'* [Personal, gender and professional identity. Theory and methods of diagnostics], MPSI, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Гузелия Р. Хузеева, кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Россия, Москва; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; guzeliya.h@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-1104-9489

Information about the author

Guzeliya R. Khuzeeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; guzeliya.h@yandex.ru

Особенности личности и временной перспективы у подростков с расстройствами пищевого поведения

Татьяна П. Авдулова

*Московский педагогический государственный университет,
Институт развития, здоровья и адаптации ребенка (ИРЗАР)
Москва, Россия, avdulova@bk.ru*

Анастасия И. Антоникова

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, anastasiaantonikova@icloud.com*

Аннотация. В работе представлены результаты исследования взаимосвязи типов пищевого поведения и временной перспективы личности, а также характерологических особенностей личности старших подростков. На основании Голландского опросника пищевого поведения DEBQ выделяются ограничительный, эмоциогенный и экстернальный типы пищевого поведения. Характерологические особенности подростков анализируются на основании модифицированного опросника А. Личко ПДО. Временная перспектива личности рассматривается в соответствии с моделью Ф. Зимбардо. Обнаружены значимые двусторонние положительные связи между выраженной ориентацией подростков на негативное прошлым и ограничительным и эмоциогенным типами пищевого поведения. В исследовании получена значимая двусторонняя положительная корреляция между ограничительным пищевым поведением и следующими акцентуациями: циклоидным типом, сензитивным типом, возбудимым типом; между эмоциогенным пищевым поведением и гипертимным, астеноневротическим, сензитивным типами. В результате исследования не было обнаружено значимых взаимосвязей между экстернальным типом пищевого поведения и акцентуациями характера.

Ключевые слова: подростковый возраст, пищевое поведение, временная перспектива личности, акцентуации характера

Для цитирования: Авдулова Т.П., Антоникова А.И. Особенности личности и временной перспективы у подростков с расстройствами пищевого поведения // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 103–121. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-103-121

Personality and time perspective features in adolescents with eating disorders

Tat'yana P. Avdulova

*Moscow Pedagogical State University,
Institute of Child Development, Health and Adaptation
Moscow, Russia, avdulova@bk.ru*

Anastasiya I. Antonikova

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, anastasiaantonikova@icloud.com*

Abstract. The work presents the results of a study in the relationship between eating behaviors and the temporal perspective of personality, as well as the personality characterological features among older adolescents. Using the Dutch Eating Questionnaire (DEBQ) the authors identify restrictive, emotive and external eating behaviors. The characteristics of adolescents are analyzed on the basis of the modified A. Lichko PDO questionnaire. The temporal perspective of personality is considered in accordance with the model of F. Zimbardo. Significant bilateral positive links were found between the orientation of adolescents to the negative past and restrictive and emotive types of eating behavior. The study obtained a significant positive correlation between restrictive eating behavior and the following accentuations: cycloid type, sensitive type, excitable type; between emotive eating behavior and hyperthymic, asthenoneurotic, sensitive types. As a result of the study, no significant relationships were found between external eating behavior and character accentuations.

Keywords: adolescence, eating behavior, temporal perspective of personality, character accentuation

For citation: Avdulova, T.P. and Antonikova, A.I. (2023), "Personality and time perspective features in adolescents with eating disorders", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 103–121, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-103-121

Постановка проблемы

Расстройства пищевого поведения (далее РПП) у подростков встречаются достаточно часто и отражают общие тенденции развития современных подростков, когда значимость самопрезентаций становится очень высокой, и телесность оказывается одной из форм самовыражения. Телесность в отрочестве снова организует ядро идентичности, и формирование самосознания преломляется

созреванием, социальными оценками и межличностным общением. Само определение пищевого поведения в психологии включает в себя не только ценностное отношение к пище и ее приему, характерные стереотипы питания, но и ориентацию на образ собственного тела, активность по формированию тела [Руководство 2007]. Это понимание пищевого поведения должно быть дополнено и эмоциональным отношением к еде, особенностями представленности эмоциональных процессов в физиологических реакциях человека.

Наряду с этим пищевое поведение в силу его биологического характера оказывается тесно связано с базовыми эмоциональными процессами, эмоциональными реакциями и компенсациями, психофизиологическим откликом на стрессы [Авдулова, Недашковская 2022]. РПП занимают первые места в списке причин нарушения здоровья в подростковом и юношеском возрасте, а нервная анорексия приводит к самому высокому показателю смертности среди всех расстройств психики [Striegel-Moore, Bulik 2007; Welch et al. 2009]. Очевидно, что подростковый период, часто обозначаемый в исследованиях как в целом кризисный [Авдулова 2011], порождает расстройства пищевого поведения, связанные с эмоциональными переживаниями в связи со взрослением, психофизиологической и личностной перестройкой, балансом социализации и индивидуализации¹.

Помимо этого, уязвимость подростков по отношению к внешним воздействиям, в том числе и массмедиа, является очень высокой, а фактор социального влияния в структуре пищевых нарушений является одним из ведущих. РПП не только реакция на социокультурные стереотипы внешности и самопрезентации, но во многом базовый психосоматический отклик на трудно аккомодируемые внешние воздействия и внутренние переживания. В отрочестве критически увеличивается количество стрессов, сложных жизненных задач и возрастных задач развития в связи с автономизацией, социализацией и индивидуализацией развития [Авдулова 2018].

Расстройства пищевого поведения понимаются нами в соответствии с МКБ-11, которая рассматривает их как аномальное поведение, в связи с приемом пищи, которому не могут быть даны объяснения в контексте других нарушений здоровья. Подчеркивается несоответствие РПП особенностям возрастного развития и оценка их как культурально неприемлемых. Характеристика РПП включает и озабоченность своим весом и фигурой, что однозначно ложится

---

¹ Авдулова Т.Л. Психология подросткового возраста: Учеб. и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2022.

на специфику переживания пубертатных изменений в отрочестве². Основными и часто встречающимися расстройствами пищевого поведения, по мнению специалистов, являются: нервная анорексия (Anorexia Nervosa); нервная булимия (Bulimia Nervosa); патологическое (компульсивное) переедание (Binge eating disorder).

В подростковом возрасте меняются в едином процессе и физиологические компоненты развития, и психологические, в первую очередь личность, что определяет сложные взаимосвязи между пищевым поведением, характерологическими и личностными особенностями. Одним из наиболее важных и по сути впервые системно формирующимся структурным компонентом личности в подростковом возрасте становится временная перспектива. Временная перспектива начинает включаться в структуру личности, а затем и определять дальнейшее развитие таких принципиальных сфер жизни подростка, как ценностно-смысловая, профессиональная, социальная. В исследованиях подросткового кризиса К.Н. Поливановой было показано, что временная перспектива личности становится своеобразным «зеркалом» динамики прохождения кризиса подростком, отражением изменения соотношения идеальной и реальной форм развития [Поливанова 1996]. Временная перспектива структурирует, организует и упорядочивает жизнь подростка, а образ будущего становится принципиальной основой целеполагания, мотивации и смыслообразования.

Субъективное ощущение возраста и рефлексивная и относительно долгосрочная перспектива будущего появляется только в старшем подростковом возрасте и становится одним из критериев наступления взрослости. Нацеленность на будущее отражает внутреннее самоощущение взрослости, которое определяет решение текущих задач исходя из перспективы будущего и проявляется для подростков чувством «я старше своего возраста» [Головаха, Кролик 1984]. Планирование жизненной перспективы оказывается для подростков тесно связанным с самоопределением и построением целостной идентичности, а отсутствие представлений о будущем вызывает эмоциональную потерянность, острое переживание кризиса и формирование негативной идентичности. Л.С. Выготский писал о «доминанте дали» как одном из четырех принципиальных векторов развития в отрочестве, который направлен на формирование образа себя в будущем и представлений о будущем для себя [Выготский 2021].

---

² Расстройства питания и пищевого поведения // Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11). URL: <https://mkb11.online/105667> (дата обращения 15 августа 2023).

В этой связи применительно к подростковому возрасту заявляют о себе закономерные взаимосвязи девиантного, зависимого поведения с искаженной временной перспективой как отсутствием ориентации на будущее и фиксацией в гедонистическом настоящем [Зимбардо, Бойд 2010; Липунова 2016; Keough et al. 1999]. Нормативная для детства преимущественная жизнь в настоящем для подростков может отражать импульсивность и ситуативность поведения, отсутствие ответственности перед будущим и рефлексивного осознания жизненного пути. Моделирование перспективы будущего, согласно исследованиям Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, меняет защищенное и предсказуемое существование в настоящем, но позволяет моделировать будущий успех, открывать для себя удовольствие в труде, результат которого отсрочен, и прогнозировать (а фактически программировать) свои достижения [Зимбардо, Бойд 2010]. Вопросу о том, каким образом связаны между собой временная перспектива личности и типы пищевого поведения, которые потенциально могут перерасти в серьезные нарушения, и отвечает наше исследование.

Цель исследования

Изучались особенности временной перспективы личности и характерологические особенности у подростков с расстройствами пищевого поведения. Особенности личности анализировались на основании характерологических особенностей с опорой на традиционную дифференциацию акцентуаций личности по А. Личко [Личко 2020]. Временная перспектива личности изучалась на основании концепции Ф. Зимбардо [Зимбардо, Бойд 2010]. В отношении пищевого поведения в нашем исследовании изучались следующие типы: ограничительное, эмоциогенное и экстернальное питание в соответствии с основными группами расстройств пищевого поведения.

В качестве исследовательских гипотез были выдвинуты два предположения. Первое: о взаимосвязях между показателями временной перспективы личности и нарушениями пищевого поведения в подростковом возрасте, в частности, между показателем негативного прошлого и расстройствами пищевого поведения ограничительного и эмоциогенного характера. Второе предположение касается взаимосвязей типов пищевого поведения в подростковом возрасте и характерологических особенностей (акцентуаций).

Методы исследования

Расстройства пищевого поведения анализировались на основании Голландского опросника пищевого поведения DEBQ (The Dutch Eating Behaviour Questionnaire), позволяющего определить ограничительный, эмоциогенный и экстернальный типы пищевого поведения, которые являются предикторами РПП [Van Strien, Oosterveld 2008]. Опросник ориентирован на анализ пищевого поведения у детей и подростков от 6 до 18 лет.

Временная перспектива личности изучалась с помощью опросника ZTPI (Zimbardo Time Perspective Inventory) [Зимбардо, Бойд 2010]. Изучались фактор восприятия подростками негативного прошлого, позитивного прошлого, гедонистического настоящего, фаталистического настоящего и степень ориентации на будущее.

Особенности личности определялись на основании модифицированного опросника А. Личко ПДО (Патохарактерологический диагностический опросник) [Личко 2020]. Рассматривался следующий перечень акцентуаций личности: гипертимный, циклоидный, лабильный, астено-невротический, сенситивный, тревожно-педантический, интровертированный, возбудимый, демонстративный и неустойчивый типы.

Выборка

В исследовании приняли участие 62 подростка в возрасте от 15 до 17 лет, из них 44% юношей и 56% – девушки. Эмпирическое исследование проводилась на базе школы № 49 г. Москвы в очном формате, а также на базе школы № 1531 в онлайн-формате при помощи сервиса Google-формы. Статистический анализ оценки значимых различий между двумя подвыборками (онлайн и офлайн) не показал различий, что позволило нам далее анализировать совокупную выборку.

Результаты исследования

На основании опросника DEBQ были выявлены повышенные значения по типам пищевого поведения, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Результаты оценки нарушений пищевого поведения

Тип пищевого поведения	Количество респондентов с повышенными значениями, %
Ограничительное	32,2
Эмоциогенное	33,8
Экстернальное	58

Наибольшее количество отклонений от нормативных показателей мы наблюдаем по экстернальному типу пищевого поведения, где повышенные значения показали 58% подростков нашей выборки. Экстернальное поведение является реакцией на внешние стимулы, связанные с едой, провоцирующие чрезмерное употребление пищи. Для подростков одним из наиболее распространенных стимулов является общение в компании сверстников. В отношении ограничительного и эмоциогенного типов пищевого поведения наблюдается повышение значений у трети подростков по каждому из типов.

Интересными для нашего исследования оказались результаты гендерного распределения по типам пищевого поведения, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Гендерное распределение по типам пищевого поведения, %

Тип пищевого поведения	Юноши	Девушки
Ограничительное	15	85
Эмоциогенное	47,7	52,3
Экстернальное	44,5	55,5

Данные отражают традиционную закономерность более плотного распределения нарушений пищевого поведения в подгруппе девушек, а также явный акцент на ограничительном типе пищевого поведения у девушек. Полученные данные хорошо согласуются с результатами исследований многих авторов [Дурнева 2014; Sulkowski et al. 2011].

Однако данные отражают и рост процента юношей с повышенными значениями по эмоциогенному и экстернальному типам

пищевого поведения. Это отражает как общую тенденцию андрогинности развития, так и растущий фокус внимания юношей на внешности и на рефлексии эмоциональных явлений.

Важно отметить повышение, в целом, фиксацию подростков на пищевом поведении, когда еда становится компонентом эмоционального отреагирования или компенсации. Все чаще еда выполняет функцию «стихийной психотерапии». Подростки нередко принимают пищу не потому, что голодны, а «за компанию», чтобы справиться с негативными эмоциональными состояниями, от скуки или потому, что еда выглядит и пахнет привлекательно. Косвенно фиксация на пищевом поведении свидетельствует и о тенденции снижения контакта с телом, снижения чувствительности к состояниям организма.

Исследование временной перспективы личности подростков нашей выборки показало следующие средние значения по временным шкалам, представленные в табл. 3.

Таблица 3

Средние значения показателей временной перспективы
у старших подростков

Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
3,22	3,19	3,26	3,31	2,90

Наиболее высокие значения подростки показали по шкалам «Позитивное прошлое» ($\mu = 3,31$) и «Будущее» ($\mu = 3,26$) с близкими показателями, что характеризует выборку в целом как благополучную. Однако показатель «Негативного прошлого» также достаточно выражен и превышает критические значения ($\mu = 3,22$). Ниже всего средние значения по шкале «Фаталистическое настоящее» ($\mu = 2,9$), что является положительным моментом, поскольку указанная шкала в большей степени соответствует негативному восприятию времени, отказу от построения собственной временной перспективы. В целом подростки показали достаточно высокие значения по всем шкалам, кроме фаталистического настоящего. Высокие показатели косвенно говорят о насыщенной и активной жизненной позиции подростков.

Результаты распределения показателей низких и высоких значений в процентном соотношении показаны в табл. 4.

Таблица 4

Распределение показателей низких, средних и высоких значений по шкалам временной перспективы личности, %

Категории времени	Средние значения	Завышенные значения	Заниженные значения
Негативное прошлое	43,6	53,2	3,2
Гедонистическое настоящее	71	6,4	22,6
Будущее	69,4	11,3	19,3
Позитивное прошлое	69,4	4,8	25,8
Фаталистическое настоящее	64,5	25,8	9,7

По шкале «Негативное прошлое» у большинства респондентов (53,2%) были выявлены завышенные значения. В то же время по данной шкале наименьшее количество респондентов с заниженными значениями (3,2%) по сравнению с остальными шкалами, что говорит об общей склонности подростков нашей выборки оценивать свое прошлое как неприятное, наполненное негативными событиями.

Наиболее ровные, близкие к медиане показатели мы обнаруживаем по шкалам «Гедонистическое настоящее» (71%), «Будущее» (69,4%) и «Позитивное прошлое» (69,4%), где большинство подростков показали средние значения. Помимо ориентации на текущее удовольствие, подростки показали и готовность строить планы, выдвигать жизненные цели. Шкала «Позитивное прошлое» говорит о преимущественно теплом, сентиментальном отношении к прошлым событиям, что в свою очередь становится хорошим основанием для построения перспективы будущего.

Вместе с тем четверть подростков выделила «Фаталистическое настоящее» как ориентир (завышенные значения у 25,8%). Такая позиция характеризуется пассивностью, отказом от жизненных планов и сниженным эмоциональным фоном.

Определение акцентуированных черт характера у подростков в нашем исследовании было направлено на построение комплексной картины во взаимосвязи личностных особенностей и временной перспективы. В первую очередь анализировались профили, где подростки набрали количество баллов, достигающее критических значений: МДЧ (минимального диагностического числа). Данные по шкалам среди всех респондентов представлены в табл. 5.

Таблица 5

Критические показатели
по шкалам акцентуации личности, %

Типы акцентуаций	Количество респондентов, показавших МДЧ
Гипертимный	17,7
Циклоидный	35,5
Лабильный	48,4
Астено-невротический	33,9
Сенситивный	30,6
Тревожно-педантический	30,6
Интровертированный	21
Возбудимый	24,2
Демонстративный	24,2
Неустойчивый	8

Наибольшее количество респондентов достигли МДЧ по лабильному типу, что характеризует этих подростков, согласно исследованиям А. Личко и других авторов, как склонных к частым переменам настроения; глубоко проживающих эмоции, которые они испытывают; потребность в похвале и непринятие критики; зависимость от родителей. Достаточно распространенными в нашей выборке оказались также циклоидный и астено-невротический типы акцентуаций характера. Наименьшее количество респондентов достигли МДЧ по гипертимному типу, характеризующемуся фоново приподнятым настроением и дистанцированием от взрослых [Личко 2020].

Статистический анализ данных

Дальнейший анализ данных осуществлялся с помощью статистического пакета SPSS 22.0. Использовался коэффициент корреляции Пирсона. Результаты сводного анализа взаимосвязей между изучаемыми показателями представлены в табл. 6, 7.

Таблица 6

Взаимосвязь типов пищевого поведения и показателей временной перспективы личности

	Корреляция Пирсона	Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Ограничительное	Корреляция Пирсона	,321*	-,218	,332**	,139	,066
	Знач. (2-сторон)	,011	,088	,008	,282	,608
	N	62	62	62	62	62
Эмоциональное	Корреляция Пирсона	,274*	-,011	,123	,258*	,280*
	Знач. (2-сторон)	,031	,934	,341	,043	,028
	N	62	62	62	62	62
Экстернальное	Корреляция Пирсона	,248	,206	-,094	,055	,249
	Знач. (2-сторон)	,051	,108	,468	,674	,051
	N	62	62	62	62	62

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Анализ взаимосвязей типов пищевого поведения и временной перспективы личности у старших подростков показал значимые двусторонние положительные корреляции между ограничительным пищевым поведением и негативным прошлым на уровне 0,321 при $p \leq 0,05$. Чем выше показатель негативного прошлого, тем выше показатели ограничительного пищевого поведения. И наоборот, чем ниже показатели негативного прошлого, тем ниже степень выраженности ограничительного пищевого поведения. Субъективное восприятие прошлого как негативного повышают у подростков риск развития ограничительного пищевого поведения, которое потенциально может дойти до анорексии.

Дополняет эту закономерность двусторонняя положительная корреляция между эмоциональным пищевым поведением и негативным прошлым на уровне 0,274 при $p \leq 0,05$. Субъективное восприятие прошлого как негативного может определять появление РПП по типу эмоционального пищевого поведения. Используя копинг-стратегию заедания стресса, подросток справляется как с негативными воспоминаниями из прошлого, так и с текущими трудностями в жизни. В целом мы видим достаточно логичную и целостную закономерность взаимосвязей высоких показателей по шкале негативного прошлого и появлением нарушения пищевого поведения по эмоциональному или ограничительному типам.

Вместе с тем в нашем исследовании получен и формально проблемный результат, который может входить в противоречие с традиционным пониманием временной перспективы личности. В исследовании получена значимая двусторонняя положительная корреляция между представлениями о будущем и ограничительным пищевым поведением на уровне 0,332 при $p \leq 0,01$. У подростков с высокими баллами по шкале ориентации на будущее возрастает частота возникновения ограничительного пищевого поведения. Традиционно высокие показатели по шкале будущего считаются для подростков благоприятным вариантом развития, так как ориентируют их на взросление, ответственность, прогнозирование и построение целей. Возможно, эта взаимосвязь отражает требовательность подростков к себе в отношении будущего, в том числе и с точки зрения внешней привлекательности, а учитывая, что ограничительное пищевое поведение было выявлено преимущественно у девушек, это предположение приобретает дополнительную достоверность. Традиционно идентичность у девушек в значительной степени опирается на внешнюю привлекательность [Авдулова 2011]. Дополнительная проверка данного предположения показала значимую двустороннюю положительную корреляцию между полом и ограничительным пищевым поведением на уровне 0,632 при $p \leq 0,01$.

Таблица 7

Взаимосвязь типов пищевого поведения и акцентуаций характера

Тип пищевого поведения	Г	Ц	Л	А	С	Т	И	В	Д	Н
Ограничительное	Корреляция									
	Персона	-,166	,334**	,241	,308*	,424**	,242	,075	,26**	-,162
Эмоциональное	Знач. (2-сторон)	,197	,008	,060	,015	,001	,058	,563	,037	,209
	N	62	62	62	62	62	62	62	62	62
Экстернальное	Корреляция									
	Персона	,284*	081	,186	,304*	,307*	,225	-,148	-,013	-,283*
Экстернальное	Знач. (2-сторон)	,025	,530	,148	,016	,015	,079	,251	,918	,026
	N	62	62	62	62	62	62	62	62	62
Экстернальное	Корреляция									
	Персона	-,031	-,110	,086	,148	,110	,054	-,087	,038	,086
Экстернальное	Знач. (2-сторон)	,810	,394	,505	,252	,393	,677	,503	,767	,505
	N	62	62	62	62	62	62	62	62	62

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Обозначения: гипертимный (Г), циклоидный (Ц), лабильный (Л), астено-невротический (А), сенситивный (С), тревожно-педантический (Т), интровертированный (И), возбужденный (В), демонстративный (Д) и неустойчивый (Н) типы акцентуаций.

Анализ взаимосвязи типов пищевого поведения и акцентуаций характера у подростков представлен в табл. 7.

В табл. 7 отражены взаимосвязи между типами пищевого поведения и акцентуациями характера (по А.Е. Личко). Акцентуации характера, являясь крайними вариантами нормы, между тем могут повышать риск возникновения психологических проблем, в том числе и нарушений пищевого поведения.

В исследовании получена значимая двусторонняя положительная корреляция между ограничительным пищевым поведением и циклоидным типом (Ц) на уровне 0,334 при $p \leq 0,01$; сенситивным типом (С) на уровне 0,424 при $p \leq 0,01$ и возбудимым типом (В) на уровне ,265 при $p \leq 0,05$. У подростков с циклоидным, сенситивным и возбудимым типами акцентуаций характера возрастает вероятность развития ограничительного пищевого поведения. Для подростков с циклоидным типом акцентуации характерно пессимистичное отношение к жизни, они часто испытывают апатию, сонливость, мелкие неприятности они переживают тяжело, испытывают гнев и уныние в ответ на критику. Расстройство пищевого поведения по типу ограничительного может быть следствием общего состояния субдепрессии, одним из симптомов которого является снижение аппетита.

Что касается подростков с сенситивным типом, то для них характерна пугливость и боязливость, предпочтение спокойных увлечений, привязанность к родным. Переживание чувства собственной неполноценности как характерологической особенности у сенситивных подростков ведет к появлению выраженной реакции гиперкомпенсации [Личко 2020]. Это чувство может стимулировать у подростков критичное отношение к собственной внешности, причем главным становится не цель или результат, а сам процесс. Ограничения в питании и занятия спортом становятся своего рода телесно-мануальным увлечением, которое может привести к расстройству пищевого поведения – анорексии. Кроме того, сенситивные подростки тяжело переносят ситуацию, когда становятся объектом издевательств и насмешек, а так как буллинг на почве лишнего веса далеко не редкость, то они попытаются всеми силами ограничить себя в питании и похудеть.

Для подростков с возбудимым типом акцентуации личности характерен общий высокий уровень эмоционального реагирования, который по всей видимости может объединяться с пищевыми реакциями или запускать их.

В исследовании были обнаружены значимые двусторонние положительные корреляции между эмоциогенным пищевым поведением и следующими акцентуациями характера: гипертимный

(Г) на уровне 0,284, при $p \leq 0,05$; астеноневротический (А) на уровне 0,304, при $p \leq 0,05$; сенситивный (С) на уровне 0,307 при $p \leq 0,05$. Так, для астеноневротических подростков характерна склонность к ипохондрии, быстрая утомляемость и сниженный эмоциональный фон. У таких подростков центральное место в мыслях занимают заботы о собственном здоровье, а любое негативное изменение самочувствия может вызывать приступы заедания стресса. Все акцентуации, показавшие значимые связи с эмоциогенным типом пищевого поведения, проявляются высоким уровнем эмоциональной чувствительности и эмоционального реагирования.

Также была обнаружена двусторонняя значимая отрицательная связь между демонстративным типом и эмоциогенным пищевым поведением на уровне -0,283, при $p \leq 0,05$. Чем более у подростка выражена демонстративность, тем менее он подвержен переживаниям после пережитого стресса или эмоционального дискомфорта. Эта интересная связь позволяет интерпретировать демонстративность как альтернативный вариант компенсации эмоций.

В результате исследования не было обнаружено значимых взаимосвязей между экстернальным типом пищевого поведения и акцентуациями характера, из чего можно сделать вывод, что все испытуемые подростки в равной степени склонны к избыточным перекусам и приему пищи «за компанию».

Обсуждение результатов

Выдвинутая гипотеза о том, что существуют взаимосвязи между показателями временной перспективы личности и нарушениями пищевого поведения в подростковом возрасте, подтвердилась. Доминанта негативного прошлого значимо связана с развитием у подростков ограничительного и эмоциогенного пищевого поведения. Данные корреляции отражают как общую закономерность взаимосвязи психофизиологических процессов и личностных особенностей, так и актуальную тенденцию переноса эмоциональных и смысловых переживаний (в нашем случае субъективной фиксации негативного образа прошлого) в сферу пищевого поведения.

Кроме того, в ходе статистического анализа обнаружена взаимосвязь между показателями будущего и ограничительным пищевым поведением, что можно интерпретировать как позитивный вектор развития и сформированность саморегуляции у подростков с выраженной ориентацией на будущее. Вместе с тем в психологии отрочества уже доказана цепочка возникновения РПП у девушек-

подростков с высоким уровнем самоконтроля, перфекционизма и алекситимии как предикторов возникновения анорексии [Дурнева 2014]. Можно предположить, что полученная нами взаимосвязь укладывается в данную закономерность.

Мы также исследовали акцентуации характера респондентов и их взаимосвязь с РПП. Получены значимые корреляции между акцентуациями характера и типами пищевого поведения подростков. Так, ограничительному типу питания более подвержены подростки с циклоидным, сенситивным и возбудимым типом, а риск эмоционального типа питания есть у подростков с гипертимным, астено-невротическим и сенситивным типами акцентуаций.

Кроме того, исследование показало, что расстройствам пищевого поведения более подвержены подростки женского пола, особенно ограничительному типу пищевого поведения. В целом по выборке доминирующим нарушением пищевого поведения является экстернальное пищевое поведение.

Изученные показатели являются в том числе диагностическими ориентирами, которые помогают увидеть риски пищевого поведения, которые в дальнейшем могут привести к серьезным расстройствам. Как показано в исследованиях О.А. Скугаревского, расширенные болезненные симптомы в неклинической популяции проявляют себя некоторыми «прообразами», которые как количественно, так и качественно отличаются от клинической картины нарушений, но при этом отражают факторы риска возникновения синдромов (в нашем случае расстройств пищевого поведения) [Скугаревский 2005].

Литература

- Авдулова 2011 – *Авдулова Т.* Возрастные кризисные явления в формировании идентичности подростков. Место LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 132 с.
- Авдулова 2018 – *Авдулова Т.П.* Современное состояние проблемы морального развития в подростковом возрасте // *Духовно-нравственные проблемы современной личности: Колл. моногр. / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. С. 339–377.*
- Авдулова, Недашковская 2022 – *Авдулова Т., Недашковская В.* Нарушения пищевого поведения у детей в контексте эмоционального отношения матерей // *Психологические исследования. 2022. № 15 (81). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i81.1059>*
- Выготский 2021 – *Выготский Л.С.* Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2021. 224 с.

- Головаха, Кроник 1984 – *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 207 с.
- Дурнева 2014 – *Дурнева М.Ю.* Формирование отношения к телу и пищевого поведения у девушек подросткового и юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2014.
- Зимбардо, Бойд 2010 – *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь. 2010. 352 с.
- Липунова 2016 – *Липунова О.В.* Особенности временной перспективы девиантных подростков // Наука и мир. 2016. № 31. С. 120–122.
- Личко 2020 – *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2020. 301 с.
- Поливанова 1969 – *Поливанова К.Н.* Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 20–33.
- Руководство 2007 – *Руководство по аддиктологии / Под ред. В.Д. Менделевич.* СПб.: Речь, 2007. 768 с.
- Скугаревский 2005 – *Скугаревский О.А.* Влияние психосоциальных факторов в процессе возрастной динамики образа собственного тела и пищевых предпочтений у девушек-подростков и молодых женщин в белорусской популяции на примере г. Минска // Проблемы общественного здоровья и здравоохранения Республики Беларусь: Материалы Республ. науч.-практич. конф., посв. 80-летию кафедры общественного здоровья и здравоохранения. Минск: БГМУ, 2005. С. 121–124.
- Keough et al. 1999 – *Keough K.A., Zimbardo P.G., Boyd J.* Who's smoking, drinking and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use // Basic and Applied Social Psychology. 1999. Vol. 21. No 2. P. 149–164.
- Sulkowski et al. 2011 – *Sulkowski M., Dempsey J., Dempsey A.* Effects of stress and coping on binge eating in female college students // Eating Behaviors. 2011. № 12. P. 188–191.
- Striegel-Moore, Bulik 2007 – *Striegel-Moore R., Bulik C.* Risk Factors for Eating Disorders // American Psychologist. 2007. Vol. 62. № 3. P. 181–198.
- Van Strien, Oosterveld 2008 – *Van Strien T, Oosterveld P.* The Children's DEBQ for assessment of restrained, emotional, and external eating in 7- to 12-year-old children // International Journal of Eating Disorders. 2008. № 41. P. 72–81.
- Welch et al. 2009 – *Welch E., Miller J., Ghaderi A., Vaillancourt T.* Does perfectionism mediate or moderate the relation between body dissatisfaction and disordered eating attitudes and behaviors? // Eating Behaviors. 2009. № 10. P. 168–175.

References

- Avdulova, T. (2011), *Vozrastnye krizisnye yavleniya v formirovanii identichnosti podrostkov* [Age-related crises in the adolescent identity formation], LAP Lambert Academic Publishing, Germany.

- Avdulova, T.P. (2018), "The current state of the issue on moral development in adolescence", Volovikova, M.I., Zhuravlev, A.L. and Yurevich, A.V. (eds.) *Dukhovno-nravstvennyye problemy sovremennoi lichnosti*, Koll. monografiya [Spiritual and moral concerns of the modern personality. Coll. monograph], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 339–377.
- Avdulova, T. and Nedashkovskaya, V. (2022), "Eating disorders of children in the context of mothers' emotional attitudes", *Psychological Studies*, no. 15 (81), <https://doi.org/10.54359/ps.v15i81.1059>
- Durneva, M.Yu. (2014), *Formation of the body attitude and eating behavior in adolescent and young adult girls*, PhD Thesis, Moscow, Russia.
- Golovakha, E.I. and Kronik, A.A. (1984), *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological timing of personality], Naukova dumka, Kiev, USSR.
- Keough, K.A. and Zimbardo, P.G. (1999), "Who's smoking, drinking and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use", *Basic and Applied Social Psychology*, vol. 21, no. 2, pp. 149–164.
- Lipunova, O.V. (2016), "Features of time perspective for deviant adolescents", *Nauka i mir*, no. 31, pp. 120–122.
- Lichko, A.E. (2020), *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathies and character accentuations in adolescents], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Mendelevich, V.D. (2007), *Rukovodstvo po addiktologii* [Manual on addictology], Rech', Saint Petersburg, Russia.
- Polivanova, K.N. (1996), "Psychological content of adolescence", *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 20–33.
- Skugarevskii, O.A. (2005), "Influence of psychosocial factors in the process of age-related dynamics of the own body image and eating preferences of adolescent girls and young women in the Belarusian population on the example of Minsk city", *Problemy obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya Respubliki Belarus': materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu kafedry obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya* [Public Health issues and challenges of the Public Healthcare in the Republic of Belarus, Proceedings of the Republican scientific-practical Conference, on the occasion of the 80th anniversary for the Department of Public Health and Public Healthcare], BGMU, Minsk, Belarus, pp. 121–124.
- Sulkowski, M., Dempsey, J. and Dempsey, A. (2011), "Effects of stress and coping on binge eating in female college students", *Eating Behaviors*, no. 12, pp. 188–191.
- Striegel-Moore, R. and Bulik, C. (2007), "Risk Factors for Eating Disorders", *American Psychologist*, vol. 62, no. 3, pp. 181–198.
- Van Strien, T. and Oosterveld, P. (2008), "The Children's DEBQ for assessment of restrained, emotional, and external eating in 7- to 12-year-old children", *International Journal of Eating Disorders*, no. 41, pp. 72–81.
- Vygotskii, L.S. (2021), *Pedologiya podrostka. Psikhologicheskoe i sotsial'noe razvitiye rebenka* [Pedology of the adolescent. Psychological and social development of the child], Piter, Saint Petersburg, Russia.

- Welch, E., Miller, J., Ghaderi, A. and Vaillancourt, T. (2009), Does perfectionism mediate or moderate the relation between body dissatisfaction and disordered eating attitudes and behaviors?", *Eating Behaviors*, no. 10, pp. 168–175.
- Zimbardo, Ph.. and Boid, J. (2010), *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [The Paradox of Time. A new psychology of time that will improve your life], Rech', Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Татьяна П. Авдулова, кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1;

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка (ИРЗАР), Москва, Россия; 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 2, avdulova@bk.ru

Анастасия И. Антоникова, магистрант, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; anastasiaantonikova@icloud.com

Information about the authors

Tat'yana P. Avdulova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991;

Institute of Child Development, Health and Adaptation, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, avdulova@bk.ru

Anastasiya I. Antonikova, master student, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; anastasiaantonikova@icloud.com

УДК 373+001.895

DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-122-135

Особенности функционирования инновационных команд в системе дошкольного образования

Галина В. Молчанова

Московский педагогический государственный университет,

Российская медицинская академия

непрерывного профессионального образования,

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка (ИРЗАР),

Москва, Россия, psygvn@gmail.com

Аннотация. Вопросы формирования инновационных команд в основном рассматриваются в разрезе повышения эффективности бизнес-компаний, тем не менее образовательные организации функционируют также на конкурентном рынке образовательных услуг и вынуждены внедрять инновации в свою деятельность. Выявлена и описана специфика организации и функционирования инновационных команд в системе дошкольного образования, описаны причины их низкой эффективности.

Ключевые слова: инновационная команда, система дошкольного образования, инновационная деятельность

Для цитирования: Молчанова Г.В. Особенности функционирования инновационных команд в системе дошкольного образования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 122–135. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-122-135

Features of the functioning of innovative teams in the preschool education system

Galina V. Molchanova

Moscow Pedagogical State University,

Russian Medical Academy of Continuous Professional Education,

Institute of Child Development, Health and Adaptation,

Moscow, Russia, psygvn@gmail.com

Abstract. The issues of forming innovative teams are mainly considered in the context of improving the efficiency of business companies. Nevertheless, educational organizations also operate in the competitive market of educational

---

© Молчанова Г.В., 2023

services and have to integrate innovations into their activities. The specifics of the organization and functioning of innovative teams in the preschool education system are identified and described as well as the reasons of their low efficiency.

Keywords: innovative team, preschool education system, innovative activity

For citation: Molchanova, G.V. (2023), "Features of the functioning of innovative teams in the preschool education system", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 122–135, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-122-135

Современные тенденции развития российского образования обусловлены формированием рыночных отношений, кардинальными изменениями социально-культурной, общественно-политической и экономической жизни в стране. Технологические процессы развития социально-экономической сферы России XXI в. непосредственно влияют не только на профессиональные сферы, но и на общество в целом, на каждого человека. Все более актуальным в системе российского образования становится решение проблем эффективного использования «человеческого потенциала» в организации деятельности образовательных организаций, а значит, и вопросы разработки высоких технологий развития организации путем формирования инновационных команд.

Актуальность формирования инновационных команд в образовательных организациях вызвана тем, что, как показывает мировая практика, инновации являются ключом к росту их конкурентоспособности на рынке. Многие успешные организации полагаются на инновационные команды, цель которых направлена на разработку и внедрение новых идей в соответствии с требованиями времени и социума как фактора их эффективного роста.

Исследуя особенности управления инновационной деятельностью в дошкольных организациях, В.А. Филиппова выделяет одним из главных условий успешного внедрения инноваций создание творческой группы на базе детского сада. По мнению В.А. Филипповой, это должна быть нетипичная инновационная команда, способная обеспечить наличие различных организационных перспектив, неожиданных проблем [Филиппова 2014]¹. Решение проблем и реализация перспектив способствуют развитию орга-

---

¹ Управление инновациями в современном дошкольном образовательном учреждении: Метод. пособие для руководителей ДООУ / Г.В. Яковлева, Г.А. Сапожникова, О.Н. Мирошниченко, Л.И. Филиппова, И.А. Мальцева. Челябинск: Цицеро, 2013. 159 с.

низации, деятельность которой продуктивно изменяется и провоцируется внешними знаниями и отношениями. При эффективном выборе членов команды для этой работы управленцу прежде всего необходимо проанализировать такие качества, как склонность к быстрым решениям, приверженность к поиску новых идей, отсутствие страха перед новшествами.

Исходя из того, что дошкольные образовательные организации взаимодействуют с родителями, различными социальными структурами и обществом в целом, Н.Д. Дорожков рекомендует включать в деятельность инновационной команды внешние источники влияния: членов от персонала правления, от аффилированных лиц, а также от частных лиц с внешними перспективами [Дорожков 2017]. Данная группа лиц не входит в состав инновационной команды, но может влиять на ее деятельность, стратегические решения, принимаемые руководством творческой проектной группы, а также служить в качестве организационных аналитиков и решателей проблем.

Сама инновационная команда как творческая проектная группа дошкольной организации формируется из сотрудников и может включать представителей различных служб (руководство, педагогический состав, коррекционный персонал, медицинский персонал, младший обслуживающий персонал), а также активных родителей детей, посещающих дошкольную организацию. Для того чтобы стимулировать потенциал каждого внутреннего блока инновационного проекта, С.В. Мальцева рекомендует в состав команды включать по крайней мере по два члена от каждой структурной единицы организации². Это объясняется тем, что один член инновационной команды, например, воспитатель или медицинский работник, может стать альтернативным голосом на заседаниях полного состава группы, в то время как два представителя структурной единицы, ощутившие эффективность инновационной деятельности, могут усиливать друг друга.

Идеальная инновационная команда включает около десяти членов, куда входят:

- руководство инновационной команды – два представителя (творческое и исполнительное). Представитель творческого направления непосредственно связан с идеями, созданием проблемных задач и пр., с их разработкой; представитель исполнительного сектора отвечает за непосредственную реализацию проектных задач на каждом этапе;

---

² Инновационный менеджмент: Учеб. для вузов / Отв. ред. С.В. Мальцева. М.: Юрайт, 2023. 527 с.

- по крайней мере два сотрудника, непосредственно вовлеченных в область контента инновационной деятельности (образование, маркетинг, финансы, привлечение аудитории);
- не менее двух членов из руководящего состава, например, методист дошкольного отделения образовательной школы или заведующий ДОО, старший воспитатель дошкольного отделения или методист ДОО;
- как минимум два аутсайдера, которые могут принести и внешнюю перспективу (родители, представители школы, высокотехнологичные лидеры);
- эксперты по контенту, которые присоединяются к команде в критические моменты для предоставления экспертных знаний. Эксперты по контенту должны рассматриваться не только на ранних этапах разработки инновационного проекта, а на протяжении всего процесса формирования группы.

Ведущий исследователь в области командных ролей и производительности команды Р.М. Белбин обнаружил, что команды наиболее эффективны, если они насчитывают 5–7 членов и являются нефасилитированными³. Однако стоит отметить, что для инновационных команд образовательных организаций фасилитатор играет жизненно важную роль в содействии эффективной командной работе и обеспечивает гарантию того, что команда не перерастет, по словам Р.М. Белбина, в «поведение группы» [Белбин 2003]. Исследования показали, что наиболее успешными являются команды, состоящие из членов группы с различными типами поведения.

Конкурентоспособность образовательной организации на рынке образовательных услуг обеспечивается за счет ведения инновационной деятельности, которая [Sosnowska 2002]:

- содержит элемент новизны, включает в себя динамику изменений, способность к развитию;
- влияет на конкурентоспособность образовательного продукта;
- оказывает влияние на появление новых образовательных потребностей и рыночный спрос.

Исследователи рассматривают «инновационную деятельность» с разных сторон, в зависимости от предмета исследования (табл.), поэтому определить содержание понятия можно только сопоставив между собой все интерпретации.

---

³ Управление человеческими ресурсами: Учеб. для бакалавров / Под ред. И.А. Максимцева, Н.А. Горелова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 526 с.

Таблица

Основные подходы
к исследованию инновационной деятельности

Предмет	Автор	Характеристика инновационной деятельности
Изменения	В.Н. Абанников, Т.Ф. Палей, Е.А. Спиридонова ⁴	Изменения с целью внедрения новых образовательных услуг либо форм организации деятельности
Процесс	Б. Санто [Санто 2006] Р.А. Фатхутдинов ⁵	Общественный технико-экономический процесс, который приводит к созданию лучших педагогических технологий, приводящих к социальной выгоде. Полный процесс от идеи до готового реализуемого на рынке образовательного продукта
Система	Н.М. Борытко, И.А. Соловцова ⁶	Целостная и динамичная система по разработке новых способов производства продукта или услуги

⁴ *Абанников В.Н.* Инновационный менеджмент: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: РГГМУ, 2010. 254 с.; *Палей Т.Ф.* Инновационный менеджмент: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Фолиантъ, 2011. 162 с.; *Спиридонова Е.А.* Управление инновациями: Учеб. и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 298 с.

⁵ *Фатхутдинов Р.А.* Инновационный менеджмент: Учеб. для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2011. 448 с.

⁶ *Борытко Н.М., Соловцова И.А.* Управление образовательными системами: Учеб. для студ. пед. вузов. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. 48 с. (Сер. «Гуманитарная педагогика». Вып. 4)

Продолжение табл.

Предмет	Автор	Характеристика инновационной деятельности
Цикл	Г.Я. Гольдштейн ⁷	Технико-экономический цикл, когда новые разработки в определенной сфере оказывают влияние (по спирали) на саму сферу деятельности
Результат (идея, концепция, практика, продукт, интеллектуальный товар и т. д.)	С.Д. Ильенкова, С.Ю. Ягудин, Л.М. Гохберг, Д.В. Соколов, Х. Барнет ⁸	Результат инновационной деятельности, новые идеи и концепции оказывают влияние на рыночную ситуацию
Объект	С.В. Ильдеменов [Ильдеменов 2002] В.Г. Медынский ⁹	Объект открытия всегда будет отличаться от предыдущего аналога
Информация, знания	Г.Н. Тараносова ¹⁰	Совершенствование производственных сил, в основе которых лежат информационно-интеллектуальные технологии, знания
Социально-экономическая необходимость, осознанная через потребности рынка	О.И. Истрофилова ¹¹	Удовлетворение спроса потенциальных потребителей образовательных услуг через формирование и осознание новых потребностей и стремление их удовлетворить

⁷ *Гольдштейн Г.Я.* Стратегический инновационный менеджмент: Учеб. пособие. Таганрог: Изд-во ТРГУ, 2004. 267 с.

⁸ *Инновационный менеджмент: Учеб. для вузов / С.Д. Ильенкова, Л.М. Гохберг, С.Ю. Ягудин и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 335 с.*

⁹ *Медынский В.Г.* Инновационный менеджмент: Учеб. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2017. 295 с.

¹⁰ *Тараносова Г.Н.* Инновационные процессы в образовании: Практикум. Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2018. 233 с.

¹¹ *Истрофилова О.И.* Инновационные процессы в образовании: Учеб.-метод. пособие. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 133 с.

Окончание табл.

Предмет	Автор	Характеристика инновационной деятельности
Возможности организации	Л.О. Кочешкова ¹²	Способность организации создавать новую ценность на пересечении рыночной экономики и технологии
Мероприятия	О.Б. Епишева, Д.Ю. Трушников ¹³	Совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, которые приводят к возникновению новых производственных процессов или услуг

Анализ подходов к исследованию инновационной деятельности позволяет выделить ряд основных показателей эффективной инновационной группы:

- наличие изменений принципиально качественного характера, обладающих научной или технической (технологической) новизной;
- творческая деятельность;
- высокий риск;
- возможность достижения целевой эффективности;
- практическое применение идей и разработок, использование их в различных сферах деятельности;
- удовлетворение рыночного спроса, создание новых потребностей;
- интеллектуальная прибыль субъектам образовательной деятельности;
- полезный долговременный эффект, который компенсирует вложенные затраты усилий и средств на внедрение.

¹² Кочешкова Л.О. Технология управления инновационной деятельностью в образовательном учреждении: Метод. рекомендации для руководителей образов. учрежд. / Под ред. В.В. Судакова. Вологда: ВИРО, 2005. 44 с.

¹³ Епишева О.Б., Трушников Д.Ю. Инновационные процессы в образовании: Учеб. пособие для слушателей ин-тов и фак. повыш. квалиф., преподавателей, аспирант. и др. профес.-пед. работников. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 122 с.

Инновационная группа обеспечивает инновационное развитие организации. Под инновационным развитием у исследователей понимается разное содержание:

- 1) сложный процесс (прикладного характера) создания и внедрения инноваций с целью качественных изменений объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта;
- 2) формальный план или мыслительный процесс для освоения нового проекта от стадии идеи до выхода на рынок;
- 3) рост показателей социально-экономической системы благодаря реализации инновационных проектов и внедрению нововведений [Инновационное 2018];
- 4) рост инновационного потенциала при уменьшении ограниченности ресурсной базы инновационной деятельности [Кузьмина 2014];
- 5) повышение уровня конкурентоспособности [Баранчев 2005];
- 6) достижение максимальной эффективности инновационной деятельности, обусловленной количественно полной и скоростью движения по инновационному циклу [Дылевская 2013].

Таким образом, под *инновационным развитием* дошкольной образовательной организации будем подразумевать динамику перехода организации к модели инновационного типа благодаря непрерывному целенаправленному поиску и реализации инноваций, позволяющих улучшить эффективность функционирования социально-образовательной системы.

Для обеспечения инновационного развития должна быть создана на базе образовательной организации инновационная команда. Инновационная команда, как утверждает Н.Д. Дорожков, – это группа единомышленников, которая разделяет идею и цели инновационного проекта, так как «подобные проекты являются уникальными, и их начало и развитие базируется на энтузиазме членов команды» [Дорожков 2017, с. 45]. Инновационный проект в образовательной организации – это комплекс целенаправленных, взаимообусловленных мероприятий, направленных на достижение эффекта развития образовательной системы данной организации. Нет более детального подхода, так как запуск инновационного проекта – непростая задача, поскольку работа ведется над продуктами и услугами ранее не существовавшими, то есть не используемыми большинством потребителей обычных продуктов и услуг.

Инновационные проекты представляют собой сложные по характеру разработки и управления программы, которые включают актуально значимые и системно самоорганизующиеся инновации как перспективные для развития образовательной организации новшества, которые требуют особого внимания к формированию проектных групп (инновационных команд). Именно от эффективности работы инновационной команды непосредственно зависит результат всей деятельности организации, направленной на повышение качества образования, как одной из первоочередных задач, поставленной в Федеральном законе РФ «Об образовании».

Таким образом, создание инновационных команд в дошкольной организации способствует внедрению инноваций в учебно-воспитательный процесс, развитию самой образовательной системы организации и внедрению инноваций как фактора повышения конкурентоспособности на рынке образовательных услуг. Кроме того, внедрение инноваций как результата деятельности инновационных команд дает возможность наиболее эффективно решать поставленные государством задачи перед дошкольными организациями.

В 2021–2022 гг. под руководством Г.В. Молчановой проведено эмпирическое исследование с целью выявления психологической специфики создания инновационных команд в Московском регионе (Москва и Московская область). В исследовании приняло участие 30 бюджетных дошкольных образовательных организаций (или дошкольных отделений образовательных комплексов) и 30 коммерческих дошкольных образовательных организаций, а именно 180 руководителей организаций, методистов, представителей инновационных команд. Методики эмпирического исследования: глубинные интервью с руководителями и методистами дошкольных образовательных организаций, фокус-группы с представителями инновационных команд и методика «Командные роли» [Белбин 2003] для определения наиболее комфортных командных ролей в рамках команды.

Гипотеза исследования: формирование инновационной команды дошкольной образовательной организации эффективно в том случае, если оно осуществляется в соответствии с научно обоснованными теоретическими положениями и учитывает положительный практический опыт путем реализации его в обоснованной системе:

- актуализация и мотивация членов команды к инновационной деятельности;
- использование интерактивных методов управления инновационной командой;

- организация творческого взаимодействия членов команды на основе инновационной направленности развития дошкольной организации;
- возможность полностью сосредоточиться на инновационном проекте и выполнять те роли, которые соответствуют их ролевым предпочтениям и психологическим характеристикам.

Результаты исследования показали, что 43,3% дошкольных образовательных организаций реализуют инновационную деятельность в виде проектов, создают инновационные команды, в то время как 56,7% организаций (в большей мере коммерческих) не ведут инновационную деятельность, поскольку у них инновация заявлена в рамках конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг и они изначально подбирают кадры, которые будут внедрять заявленную инновацию в образовательный процесс.

В качестве основных причин отсутствия инновационной команды в дошкольных образовательных организациях выступают: слабое финансирование, текучка квалифицированных кадров, недостаточная разработка технологий работы инновационных команд в дошкольном образовании, отсутствие методического инструментария для управления инновационными командами:

...у нас была инновационная команда, но как таковых изменений ни в работе детского сада, ни в самом образовательном процессе не наблюдалось, хотя проект просуществовал три года, из-за этого встал вопрос – прекратить работу над проектом.

Если в бюджетных образовательных организациях в качестве основной проблемы выдвигалось несоответствие материально-технической базы внедрению инноваций (93,3% от всех опрошенных руководителей и методистов бюджетных дошкольных образовательных организаций), то в коммерческих – отсутствие соответствующих методических материалов (70% от всех опрошенных руководителей и методистов коммерческих дошкольных образовательных организаций).

Результаты исследования показали, что только 33,3% из дошкольных образовательных организаций, ведущих инновационную деятельность, рассматривают опыт создания инновационных команд как положительный, а 66,7% – как негативный опыт, не приведший ни к какому существенному результату.

Основные причины трудностей взаимодействия руководителей образовательных организаций и членов инновационной команды,

по мнению участников исследования: отсутствие системы поддержания мотивации на успех и создания благоприятного инновационного климата в коллективе; неправильное распределение ролей в команде.

Внедрение инновационных проектов в ДОО представляет собой сложный процесс, где ценности сотрудников организации очень часто не совпадают с ценностями руководителей ДОО, возникает сопротивление нововведениям, неэффективному функционированию инновационной команды.

Анализ ролевой специфики состава инновационных команд дошкольных образовательных организаций показал, что большая часть (63,9%) выполняют командные роли, которые им несвойственны и очень некомфортны, они стараются избегать выполнения функций приписываемых полученным командным ролям, 19,4% опрошенных частично удовлетворены своими командными ролями, и только 16,7% участников инновационных команд полностью психологически готовы выполнять свои командные роли. Например, в качестве лидера инновационной команды назначался молодой застенчивый специалист с аналитическими способностями, имеющий трудности во внешней и внутриколлективной коммуникации, не умеющий брать ответственность на себя, ставить задачи другим, делегировать фронт работ другим специалистам. Как следствие, неадекватное распределение ролей при создании инновационной команды является основой ее низкой эффективности. В некоторых случаях в рамках инновационной команды не закрывались целые функциональные блоки: содержательные, организационные или обеспечивающие комфортную обстановку. Команда в таком составе просто не могла функционировать, она распалась либо существовала формально.

Изучение психологической специфики организации инновационных команд в системе дошкольного образования показало их наибольшую эффективность в структурированной среде при наличии членов команды, которые умеют донести новую идею, описывать проблемы и их решения в такой форме, которая привлечет внимание и сможет побудить к действию других участников образовательного процесса. Недостаточная компетентность и неподготовленность руководителей инновационных команд, членов команды к внедрению инноваций, отсутствие единого взгляда руководителя ДОО и его сотрудников на проблему организации и функционирования инновационной команды приводит к нецелесообразности инновационных проектов.

Заключение

1. Проведенным исследованием подтверждено, что формирование инновационной команды в системе дошкольной организации возможно в том случае, когда организовано эффективное, грамотное управление по формированию команд на основе современного опыта в области инновационного менеджмента.

2. Большая часть (66,7%) дошкольных образовательных организаций, осуществляющих инновационную деятельность, имеют негативный опыт в создании и функционировании инновационных команд, реализации инновационных проектов.

3. Инновационные команды в системе дошкольного образования формируются без опоры на предпочитаемые командные роли, без учета прохождения командных динамических процессов, без равномерного закрытия функциональных ниш, что приводит к формальному обозначению рабочей группы, не демонстрирующей содержательной динамики в решении поставленных инновационных задач.

4. В бюджетных образовательных организациях инновационным командам не хватает материально-финансовой базы для осуществления инновационной деятельности, а в коммерческих – методического инструментария.

5. Система дошкольного образования нуждается в методологической разработке технологии создания и функционирования инновационных команд.

Литература

- Баранчев 2005 – *Баранчев В.П., Мартынов Л.М.* Механизм инновационного развития организации // *Изобретательство*. 2005. № 7. С. 11–28.
- Белбин 2003 – *Белбин М.Р.* Типы ролей в командах менеджеров: Пер. с англ. М.: Гиппо, 2003. 220 с.
- Дорожков 2017 – *Дорожков Н.Д.* Особенности построения и взаимодействия команды инновационного проекта // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2017. № 2. С. 43–47.
- Дылевская 2013 – *Дылевская А.И.* Развитие инновационных образовательных услуг как фактор повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения // *Вестник Казанского технологического ун-та*. 2013. Т. 16. № 13. С. 211–214.
- Ильдеменов 2002 – *Ильдеменов С.В.* Инновационный менеджмент / С.В. Ильдеменов, А.С. Ильдеменов, В.П. Воробьев. М.: Инфра-М, 2002. 211 с.

- Инновационное 2018 – Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: Монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. 252 с.
- Кузьмина 2014 – *Кузьмина О.Е.* Показатели, характеризующие инновационный потенциал предприятия // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». 2014. № 6. С. 28–35.
- Санто 2006 – *Санто Б.* Инновация и глобальный интеллектуализм // Инновации. 2006. № 9 (96). С. 32–44.
- Филиппова 2014 – *Филиппова В.А.* Управление инновационной деятельностью в образовательном процессе детского сада // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 93–95.
- Sosnowska 2002 – *Sosnowska A.* Pojęcie konkurencyjności przedsiębiorstw // Źródła przewagi konkurencyjnej przedsiębiorstw: Materiały i Prace IFGN, SGH. Warszawa, 2002. P. 78–123.

References

- Barancheev, V.P. and Martynov, L.M. (2005), “Mechanism of innovative development of the organization”, *Izobretatel'stvo*, no. 7, pp. 11–28.
- Belbin, M.R. (2003), *Tipy rolei v komandakh menedzherov* [Types of roles in the managers teams], transl. from English, Hippo, Moscow, Russia.
- Dorozhkov, N.D. (2017), “Specifics in structuring and interaction of the innovation project team”, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, no. 2, pp. 43–47.
- Dylevskaya, A.I. (2013), “Development of innovative educational services as a factor of increasing the competitiveness of a higher education institution”, *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo un-ta*, vol. 16, no. 13, pp. 211–214
- Ildemenov, S.V., Il'demenov, A.S. and Vorob'ev, V.P. (2002), *Innovatsionnyi menedzhment* [Innovation management], Infra-M, Moscow, Russia.
- Filippova, V.A. (2014), “Management of innovative activity in the educational process of kindergarten”, *Karelian Scientific Journal*, no. 4, pp. 93–95.
- Gulyaev, G.Yu. (ed.) (2018), *Innovatsionnoe razvitiie: potentsial nauki i sovremennogo obrazovaniya: Monografiya* [Innovative development. The potential of science and modern education. Monograph], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia.
- Kuzmina, O.E. (2014), “Indicators characterizing the innovative potential of the enterprise”, *Bulletin of UrFU. Economics and Management series*, no. 6, pp. 28–35.
- Santo, B. (2006), “Innovation and global intellectualism”, *Innovations*, no. 9, pp. 32–44.
- Sosnowska, A. (2002), “Pojęcie konkurencyjności przedsiębiorstw”, *Źródła przewagi konkurencyjnej przedsiębiorstw*, *Materiały i Prace IFGN, SGH*, Warszawa, pp. 78–123.

Информация об авторе

Галина В. Молчанова, кандидат психологических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1;

Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Минздрава России, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1;

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка, Москва, Россия; 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 2; psygvm@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3275-4224>

Information about the author

Galina V. Molchanova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991;

Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Moscow, Russia; bld. 2/1, Barrikadnaya Street, Moscow, Russia, 125993;

Institute of Child Development, Health and Adaptation, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, 119121; psygvm@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3275-4224>

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-136-149

Самоактуализация молодежи в условиях транзитивности

Ольга В. Гребенникова

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия, grebennikova577@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы самоактуализации молодежи в ситуации транзитивности. Результаты эмпирического исследования ($n = 60$) показали, что самоактуализация девушек характеризуется наличием ценностей, креативности, ориентации во времени, аутосимпатии и контактности. Для молодых людей в самоактуализации личности важны автономность, спонтанность и гибкость общения, не имеют значения ориентация во времени и потребность в познании. Они ориентированы на свободу и независимость, способны к спонтанному поведению. В ситуации транзитивности девушки имеют высокий уровень потребности в саморазвитии, а у молодых людей отсутствует сложившаяся система саморазвития. Статистически значимые различия были выявлены между девушками и молодыми людьми только по шкалам самоактуализации: ориентация во времени и потребность в познании, а также по потребности в саморазвитии. Девушки, в отличие от молодых людей, имеют ярко выраженную ориентацию во времени, т. е. желание жить настоящим, открытость новым знаниям и впечатлениям, высокий уровень потребности в саморазвитии.

Ключевые слова: самоактуализация, самореализация, саморазвитие, молодежь, транзитивность

Для цитирования: Гребенникова О.В. Самоактуализация молодежи в условиях транзитивности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 136–149. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-136-149

Self-actualization of youth in conditions of transitivity

Ol'ga V. Grebennikova

*Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russia, grebennikova577@mail.ru*

Abstract. The article is about studying the self-actualization of youth in a situation of transitivity. The results of an empirical study ($n = 60$) showed that the self-actualization of girls is characterized by the presence of values, creativity, orientation in time, autosympathy and sociability. For young people, autonomy, spontaneity and flexibility of communication are important in the self-actualization of personality, orientation in time and the need for cognition do not matter. They are oriented towards freedom and independence, capable of spontaneous behavior. In a situation of transitivity, girls have a high level of need for self-development, and young people do not have an established system of self-development. Statistically significant differences were found between girls and young people only on the self-actualization scales: orientation in time, the need for cognition, and also according to the need for self-development. Girls, unlike young people, have a pronounced orientation in time, i. e. the desire to live in the present, openness to new knowledge and impressions, a high level of need for self-development.

Keywords: self-actualization, self-realization, self-development, youth, transitivity

For citation: Grebennikova, O.V. (2023), "Self-actualization of youth in conditions of transitivity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 136–149, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-136-149

Введение: постановка проблемы

В условиях транзитивности современного общества молодежь усваивает новые культурные образцы и стереотипы поведения, а также новые ценности, относящиеся к сфере образования, труда, политики, морали, человеческих взаимоотношений. В связи с этим проявляемая разнонаправленность моделей поведения в молодежной среде требует осуществления глубокого аналитического исследования лежащих в ее основе базовых ценностей, ориентаций, стратегий самореализации и самоактуализации.

От характера самоактуализации молодежи зависит успешность их самореализации в учебе, общественной и профессиональной деятельности, стратегия достижения целей, которые он ставит перед собой, степень устойчивости в ситуациях фрустрации и т. д.

Самоактуализация личности является сложным и комплексным понятием, рассматриваемым как высшая потребность, основная движущая сила, направляющая личность в направлении роста и развития [Маслоу 1999]. Процесс самоактуализации проходит в непосредственном взаимодействии с окружающей средой, в значимой сфере жизни, посредством ведущей деятельности.

В современных условиях проблема самоактуализации молодежи остается актуальной в связи с ситуацией транзитивности, активным включением молодых людей в онлайн-коммуникацию, усложнением и множественностью гаджетов, высокими требованиями со стороны работодателей к молодому специалисту, такими как: потребность в саморазвитии, желание постоянного движения вперед, постановка целей и успешное их достижение, мобильность и высокая стрессоустойчивость, знание основ тайм-менеджмента.

Цель исследования – изучить особенности самоактуализации молодежи.

Гипотеза исследования: самоактуализация девушек и молодых людей обусловлена ориентацией во времени, ценностями, взглядом на природу, потребностью в развитии, креативностью, автономностью, спонтанностью, самопониманием, аутосимпатией, контактностью, гибкостью в общении и потребностью в саморазвитии.

Методы исследования:

1. Методика «Диагностика самоактуализации личности» (А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина).

2. Анкета диагностики реализации потребностей в саморазвитии (Н.П. Фетискин) [Фетискин и др. 2002].

3. Метод математической статистики с использованием непараметрического критерия U-Манна–Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборка исследования: 60 человек в возрасте от 20 до 30 лет, обучающихся в вузах г. Москвы. Диагностика осуществлялась с помощью Google-форм в удобное для респондентов время.

Теоретическая часть эмпирического исследования

Понятие «самоактуализация» часто используется в психолого-педагогических исследованиях и отличается многогранностью содержания. Многокомпонентная структура процесса самоактуализации зависит от направления и теоретической позиции автора.

Так, среди зарубежных авторов наибольший вклад в исследование феномена самоактуализации внесли К. Гольдштейн,

А. Маслоу, К.К. Роджерс. Гольдштейн понимание самоактуализации связывает с человеком, осознающим свою «сущность», свою идентичность, который ощущает себя и готов рисковать своей жизнью ради удовлетворения собственных потребностей.

В концепции К. Гольдштейна самоактуализация представляет собой глобальную мотивацию. Концепцию самоактуализации, данную К. Гольдштейном, значительно расширил А. Маслоу. Им была описана концепция самоактуализации с позиции теории мотивации. Анализируя пирамиду потребностей А. Маслоу, следует отметить, что поведение человека мотивируется потребностями низшего уровня (базовые потребности) и потребностями высших уровней. Вершиной пирамиды потребностей А. Маслоу является потребность в самоактуализации, он отмечает, что потребность в самоактуализации у человека возникает только при условии удовлетворения других потребностей, в том числе базовых (физиологические потребности, потребности в безопасности, потребности в общении и др.). А. Маслоу под самоактуализацией понимает внутренний рост того, что уже есть в организме, или, точнее, того, что есть сам организм [Соловых 2011].

Изучая биографии выдающихся личностей, А. Маслоу выделил основные признаки самореализации личности:

- 1) эффективное восприятие действительности, умение правильно и честно судить о ситуации, чувствительность ко лжи;
- 2) принятие себя и других, природы. Принятие своей человеческой природы со всеми ее недостатками. Чужие недостатки и противоречия человеческого существования принимаются с юмором и терпимостью;
- 3) спонтанность и естественность. Лояльность к себе и нежелание быть тем, кем хотят другие. Несмотря на свою спонтанность, эти люди склонны действовать и мыслить в рамках принятых социальных норм и в соответствии с ожиданиями окружающих;
- 4) сосредоточенность на решении проблем. У человека должна быть миссия, которую необходимо выполнить в жизни, или какая-то задача или проблема, которая касается не его лично, а человечества;
- 5) автономность. Независимость от внешних властей или других лиц;
- 6) свежесть восприятия жизни. Для самоактуализировавшихся личностей характерно восприятие жизни художника или ребенка;
- 7) способность устанавливать глубокие межличностные отношения;

- 8) чувствовать себя комфортно в одиночестве. Несмотря на удовлетворительные отношения с другими людьми, самореализующиеся люди ценят одиночество и чувствуют себя комфортно в одиночестве;
- 9) пиковые переживания, в том числе переживания гармонии и глубокого смысла, чувства единства со Вселенной, наполненные светом, красотой, добром;
- 10) чувство юмора, умение посмеяться над собой;
- 11) четкие моральные и нравственные принципы;
- 12) сострадание и милосердие ко всем людям, независимо от национальности, религиозной принадлежности, социально-экономического положения, возраста и т. д.;
- 13) способность к творчеству, креативность;
- 14) наличие социального интереса, чувства общности или чувства единства со всем человечеством [Маслоу 1999].

К. Роджерс использовал термин «самоактуализация» для актуализации у индивида чувства «Я». Понимание самоактуализации он основывал на предположении, что когда человек свободен в выборе своих целей, он выбирает позитивные и конструктивные пути, при этом отмечал, что жизнь – это активный процесс, а не пассивный. Независимо от того, возникает ли стимул изнутри или извне, благоприятна или неблагоприятна окружающая среда, можно рассчитывать на то, что человеческое поведение будет изменяться в направлении поддержания и улучшения. Следовательно, актуализация – это то, чем человек является [Роджерс 2014].

В отечественных исследованиях, посвященных проблеме самоактуализации, приводится новая концепция человека, а именно человека целостного, развивающегося и деятельного, который реализует свой потенциал и достигает наивысшего уровня самореализации (В.В. Козлов, Л.А. Коростылева, Ю.Е. Зайцева) [Фетискин и др. 2002].

Само понятие «самоактуализация» интерпретируется как стремление человека к наиболее полному раскрытию и реализации своего личностного потенциала (В.В. Козлов, Н.Н. Обозов). В этом контексте стали широко использоваться такие близкие по смыслу понятия, как «саморазвитие» и «самоутверждение», рассматриваемые как стремление к достижению максимальной полноты жизни.

Исследование проблемы самореализации предполагает выделение различных уровней. Так, Л.А. Коростылева выделила следующие четыре уровня самореализации личности: примитивно-исполнительский уровень, индивидуально-исполнительский уровень, уровень реализации ролей и норм в социуме (с элементами духовного и личностного роста) и наивысший уровень самореализации – уровень смысложизненной и ценностной реализации. Сюда

же можно отнести последние исследования продолжателей учения Я.Л. Пономарева о психологии творчества, касающиеся классификации и творческой направленности (Е.П. Варламова, С.Ю. Степанов, Ю.Н. Михайлова). Наиболее полная самореализация состоит в реализации смысложизненных и ценностных ориентации, то есть имеет место сущностная, аутентичная самореализация – осуществление потребности в самоактуализации как стремление реализовать свои способности и таланты. Такую самореализацию называют самоотдачей, самоосуществлением. Нередки случаи, когда самореализующаяся личность может быть названа самоактуализированной. Такое синонимичное употребление в большей мере может касаться наивысшего уровня [Фетискин и др. 2002].

А.Г. Асмолов раскрывает самоактуализацию как нормотворческий процесс: человек творчески преобразует нормы определенной культуры; результатом самореализации являются «интерсубъективные социальные миры» [Асмолов 2019].

Е.В. Самаль рассматривает самоактуализацию студента в учебной деятельности как непрерывный процесс актуализации и развития потенциальных возможностей личности, которые находят выражение в личностно-профессиональном самоопределении и сопровождаются формированием профессиональной идентичности, готовности к личностным и профессиональным изменениям, построению успешной карьеры. Автор считает, что самоактуализация личности студента является своеобразным стержнем, направленным на стремление познавать, открывать и реализовывать себя. Структура самореализации студента в учебной деятельности представляет собой многокомпонентное образование [Самаль 2008].

По результатам исследования Е.Ф. Яценко, самоактуализация включает: функционально-генетический компонент (возрастно-половые особенности, задатки к конкретным видам деятельности, уровень сформированности самосознания и особенности взаимодействия с людьми); личностно-деятельностный (личностные качества, обеспечивающие успешность будущей профессиональной деятельности, уровень сформированности профессиональных компетенций) и ценностно-смысловой (ценностные ориентации, осмысленность жизни и т. д.) [Яценко 2005].

Анализ и обобщение результатов эмпирического исследования

По результатам проведенной методики «Диагностика самоактуализации личности» (А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина) у респондентов-девушек наибольший результат имеет шкала ориен-

тации во времени, где $M = 7,53$, что указывает на высокий показатель (где максимальное значение 10 баллов). Таким образом, можно сделать вывод о том, что девушки живут настоящим, не откладывая свою жизнь «на потом» и не пытаются найти убежище в прошлом. Высокий результат характерен для лиц, хорошо понимающих экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь», способных наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлыми радостями и не обесценивая предвкушением грядущих успехов. Высокий показатель по шкале потребности в познании $M = 6,93$ указывает на то, что девушкам важно учиться и узнавать что-то новое, развиваться и становиться лучше в той или иной сфере. Также высокий показатель зафиксирован по шкале контактности, где $M = 7,40$ (где максимальный балл 10). Можно сделать вывод о том, что такие девушки имеют особую предрасположенность к взаимно полезным и приятным контактам с другими людьми, необходимая основа синергической установки личности. По шкале гибкости в общении показатель $M = 6,27$, что указывает на показатель выше среднего (где максимум 10 баллов). Шкала гибкости в общении соотносится с наличием или отсутствием социальных стереотипов, способностью к адекватному самовыражению в общении. Данные показатели свидетельствуют о том, что девушки способны самораскрываться, общаясь с разными людьми. Низкие показатели зафиксированы по шкалам: взгляд на природу человека, где $M = 3,27$ и самопонимание, где $M = 3,13$. Эти данные указывают на то, что девушкам крайне сложно доверять другим людям, особенно если они незнакомцы. При этом они достаточно сложно понимают себя, свои потребности и желания.

Рассмотрим показатели по остальным шкалам, где максимальное значение баллов = 15 (данные шкалы содержали 15 пунктов). Самые высокие показатели зафиксированы по шкале ценности, где $M = 9,27$. Это указывает на то, что человек разделяет ценности самоактуализирующейся личности, такие как: доброта, красота, целостность и пр. Высокие показатели по шкале креативности $M = 8,00$ указывают на то, что девушки развиваются с творческой стороны, им нравится смотреть на вещи под необычным и непривычным углом. Показатель по шкале автономности $M = 7,27$ является средним показателем. Девушкам важно иногда становиться самостоятельными и делать свой выбор, однако это не является для них приоритетным. Аналогично по шкале аутосимпатии, где $M = 7,53$. Это средний показатель, который указывает на то, что девушки не испытывают к себе безграничную любовь, но при этом они здоровы психологически и не испытывают особенно трудных проблем.

У респондентов-молодых людей наибольший результат имеет шкала гибкости в общении, показатель которой $M = 6,67$. Люди с высокой оценкой по этой шкале ориентированы на личностное общение, не склонны прибегать к фальши или манипуляциям, не смешивают самораскрытие личности с самопредъявлением – стратегией и тактикой управления производимым впечатлением. По шкале самопонимания показатель $M = 6,00$, что также указывает на результат выше среднего. Высокий показатель по этой шкале свидетельствует о чувствительности, сензитивности человека к своим желаниям и потребностям. Также это указывает на то, что молодые люди реже пользуются психологическими защитами при общении. По всем остальным шкалам из данной категории показатели ниже среднего (ориентация на время $M = 3,60$, взгляд на природу человека $M = 4,37$, потребность в познании $M = 2,73$, контактность $M = 4,40$). Таковую выборку можно описать как людей, которые живут, не концентрируясь на времени. Они не хотят учиться, и разбираться в особенностях человеческой природы им также не важно.

Рассмотрим показатели по остальным шкалам, где максимальное значение баллов = 15 (данные шкалы содержали 15 пунктов). Самые высокие показатели зафиксированы по шкале автономности, где $M = 10,13$. Это указывает на то, что респонденты из второй выборки предпочитают жить свободно, отдельно от всех. Самоактуализирующаяся личность автономна, независима и свободна, однако это не означает отчуждения и одиночества. По шкале спонтанности $M = 9,27$. Это может указывать на то, что молодые люди уверены в себе. Высокий показатель по шкале спонтанности свидетельствует о том, что самоактуализация стала образом жизни, а не является мечтой или стремлением.

По результатам средних показателей анкеты диагностики реализации потребностей в саморазвитии удалось выяснить, что девушки имеют высокий уровень потребности ($M = 55,60$). Данный показатель указывает на то, что девушки активно реализуют свои потребности в саморазвитии, обучаются, узнают что-то новое и становятся лучше. По результатам подсчета показатель в группе молодых людей $M = 37,40$, что указывает на отсутствие сложившейся системы саморазвития, неспособность самостоятельно распорядиться своим временем.

С целью наличия или отсутствия значимых различий самоактуализации личности девушек и молодых людей мы провели математическую обработку данных с помощью непараметрического критерия U-Манна–Уитни.

Таблица 1

Значения критерия U-Манна–Уитни по методике
«Диагностика самоактуализации личности»
(А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина)
между группами 1 (девушки) и 2 (молодые люди)

Шкала	Группы	Среднее значение	Станд. отклонения	U-критерий Манна–Уитни	
				U	Асимп. знач.
Ориентация во времени	1	7,53	9,27	31,500	p = 0,000*
	2	3,60	2,85		
Ценности	1	9,27	5,40	65,000	p = 0,048
	2	5,53	4,19		
Взгляд на природу человека	1	3,27	2,43	99,500	p = 0,585
	2	4,27	3,67		
Потребность в познании	1	6,93	4,32	51,000	p = 0,005*
	2	2,73	2,81		
Креативность	1	8,00	3,34	76,000	p = 0,128
	2	5,80	3,38		
Автономность	1	7,27	3,95	72,000	p = 0,091
	2	10,13	4,29		
Спонтанность	1	6,53	5,60	86,500	p = 0,279
	2	9,27	5,42		
Самопонимание	1	3,13	2,77	54,000	p = 0,015
	2	6,00	2,88		
Аутосимпатия	1	7,53	5,50	95,000	p = 0,465
	2	6,47	4,90		
Контактность	1	7,40	2,75	56,000	p = 0,018
	2	4,40	3,62		
Гибкость в общении	1	6,27	3,08	111,000	p = 0,950
	2	6,67	3,09		

По результатам проведенного сравнительного анализа в группе 1 и в группе 2 непараметрического критерия U-Манна–Уитни можно сделать вывод о том, что значимые различий были выявлены только

по шкалам: ориентация во времени ($\rho = 0,000^*$), потребность в познании ($\rho = 0,005^*$), где уровень значимости составляет $< \rho = 0,005$. По остальным шкалам значимых различий выявлено не было.

Данный факт свидетельствует о том, что по самоактуализации личности у молодежи значимые различия обнаружены только в ориентации во времени и потребности в познании. Девушки имеют ярко выраженную ориентацию во времени (жить в настоящем) и потребность в познании, в то время как молодые люди склонны погружаться в прошлое, проявлять неуверенность в настоящем и не имеют потребности в познании.

Таблица 2

Значения критерия U-Манна-Уитни по анкете диагностики реализации потребности в саморазвитии (Н.П. Фетискин) между группами 1 (девушки) и 2 (молодые люди)

Шкала	Группы	Среднее	Станд. отклонения	критерий U Манна-Уитни	
				U	Асимп. знач.
Потребность в саморазвитии	1	55,60	14,27	45,500	$p = 0,004^*$
	2	37,40	14,98		

Исходя из данных табл. 2, мы можем констатировать, что значимые различия были выявлены по шкале потребности в саморазвитии ($\rho = 0,004^*$). Так, у девушек выше потребность в саморазвитии, чем у молодых людей.

С целью выявить наличие или отсутствие корреляционных связей в обеих группах мы использовали коэффициент корреляции Спирмена.

Таблица 3

Значения коэффициента корреляции Спирмена в группе девушек

	Гибкость в общении	Аутосимпатия
Взгляд на природу человека	$r = -0,517$ $\rho = 0,048$	–
Спонтанность	$r = -0,538$ $\rho = 0,039$	$r = -0,639$ $\rho = 0,010$

По результатам проведенного корреляционного анализа в группе девушек можно констатировать, что были выявлены такие корреляционные связи, как: между шкалами взгляд на природу человека и гибкость в общении (отрицательная, $r = -0,517$; $\rho = 0,048$), спонтанность и гибкость в общении (отрицательная, $r = -0,538$; $\rho = 0,039$), спонтанность и аутосимпатия (отрицательная, $r = -0,639$; $\rho = 0,010$).

Отрицательная корреляционная связь указывает на то, что при изменении одного показателя шкалы вторая, связанная с ней, также будет изменяться, но в противоположную сторону. Например, если девушки станут более гибкие в общении, то важность взгляда на природу человека станет ниже. Если девушки станут более спонтанны в своем поведении, то это поведет за собой менее гибкое общение с другими. Также если девушки станут более спонтанными, то уровень их аутосимпатии упадет.

Таблица 4

Значения коэффициента корреляции Спирмена
в группе молодых людей

	Креативность	Контактность	Потребность в саморазвитии
Ценности	$r = -0,569$ $\rho = 0,027$	–	–
Потребность в познании	–	$r = -0,705$ $\rho = 0,003$	–
Автономность	$r = 0,573$ $\rho = 0,026$	–	–
Аутосимпатия	–	$r = -0,531$ $\rho = 0,042$	$r = 0,610$ $\rho = 0,016$

По результатам проведенного корреляционного анализа в группе молодых людей можно увидеть, что были выявлены такие корреляционные связи, как: ценности и креативность (отрицательная, $r = -0,569$; $\rho = 0,027$), потребность в познании и контактность (отрицательная, $r = -0,705$; $\rho = 0,003$), креативность и автономность (положительная, $r = 0,573$; $\rho = 0,026$), аутосимпатия и потребность в саморазвитии (отрицательная, $r = -0,531$; $\rho = 0,042$), аутосимпатия и потребность в саморазвитии (положительная, $r = 0,610$; $\rho = 0,016$).

Итак, можно констатировать, что у молодых людей присутствуют как положительные, так и отрицательные корреляционные связи. Положительные связи указывают на то, что при изменении одного показателя второй также будет меняться. Например, если уровень автономности молодых людей будет расти, то уровень креативности также станет выше. Чем позитивнее «Я-концепция», тем выше потребность в саморазвитии.

Заключение

Таким образом, статистически значимые различия были выявлены между девушками и молодыми людьми только по шкалам: ориентация во времени, потребность в познании. Также значимые различия выявлены в потребности к саморазвитию. Девушки имеют ярко выраженную ориентацию во времени, т. е. желание жить настоящим, открытость новым знаниям и впечатлениям, высокий уровень потребности в саморазвитии, чем молодые люди. Следовательно, полученные данные свидетельствует о частичном доказательстве выдвинутой нами гипотезы.

Итак, обобщив полученные данные, мы можем сделать следующие выводы.

1. Самоактуализация девушек характеризуется наличием ценностей, креативности, ориентации во времени, аутосимпатии и контактности. Девушки разделяют ценности самоактуализирующейся личности, такие как истина, добро, красота, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершения, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, игра, самодостаточность. Предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми. Девушки стараются полноценно жить в настоящем, не откладывая свою жизнь «на потом» и не пытаясь найти убежище в прошлом. Они считают, что креативность помогает раскрыть свой потенциал, а наличие контактности и любовь к себе, внимание и уважение способствуют полноценному развитию их личности. Менее значимыми выступают: взгляд на природу человека и самопонимание, т. е. девушки не склонны придавать большое значение могуществу человеческих возможностей, не всегда доверяют людям и не всегда сензитивны к своим желаниям и потребностям. Между шкалами самоактуализации у девушек выявлена отрицательная корреляция.

2. Для молодых людей в самоактуализации личности важны автономность, спонтанность и гибкость общения, не имеют значения

ориентация во времени и потребность в познании. Они ориентированы на свободу и независимость, способны к спонтанному поведению. Молодые люди с высокой оценкой по этой шкале ориентированы на личностное общение, не склонны прибегать к фальши или манипуляциям, не смешивают самораскрытие личности с самопредъявлением – стратегией и тактикой управления производимым впечатлением. Такие молодые люди не живут настоящим и не склонны к новому, неуверенны в своих силах в настоящем. У молодых людей выявлены положительные корреляции между креативностью и автономностью, аутосимпатией и потребностью в саморазвитии.

3. В ситуации транзитивности девушки имеют высокий уровень потребности в саморазвитии, а у молодых людей отсутствует сложившаяся система саморазвития.

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания, FNRE-2021-0001.

Acknowledgments

The article was prepared within the State Assignment, project No FNRE-2021-0001.

Литература

- Асмолов 2019 – *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2019. 448 с.
- Маслоу 1999 – *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
- Роджерс 2014 – *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 2014. 241 с.
- Самаль 2008 – *Самаль Е.В.* Самоактуализация личности в процессе обучения в вузе. Дис. ... канд. психол. наук. Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2008. 245 с.
- Соловых 2011 – *Соловых О.В.* О теоретических аспектах самоактуализации личности // Вестник ОГУ. 2011. № 6. С. 25–30.
- Фетискин и др. 2002 – *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 339 с.
- Яценко 2005 – *Яценко Е.Ф.* Ценностно-смысловая концепция самоактуализации: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. 382 с.

References

- Asmolv, A.G. (2019), *Psikhologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of personality. Cultural and historical understanding of human development], Smysl, Moscow, Russia.
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. and Manuilov, G.M. (2002), *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics in development of personality and small groups], Izd-vo Instituta Psikhoterapii, Moscow, Russia.
- Maslow, A. (1999), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality], Evraziya, Saint Petersburg, Russia.
- Rogers, C. (2014), *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. The formation of man], Progress, Moscow, Russia.
- Samal, E.V. (2008), *Self-actualization of personality in the process of studying at a university*. Ph.D. Thesis, Yaroslavl, Russia.
- Solovykh, O.V. (2011), "On theoretical aspects of personality self-actualization", *Vestnik OGU*, no. 6. pp. 25–30.
- Yaschenko, E.F. (2005), *Tsenno-smyslovaya kontseptsiya samoaktualizatsii: monografiya* [Value-semantic concept of self-actualization, monograph], Izd-vo YuUrGU, Chelyabinsk, Russia.

Информация об авторе

Ольга В. Гребенникова, кандидат психологических наук, доцент, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; grebennikova577@mail.ru

Information about the author

Ol'ga V. Grebennikova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; grebennikova577@mail.ru

Стилевые особенности
как предмет исследования профессиональной деятельности
педагога-психолога образования

Наталья А. Герасименко

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия, na.gerasimenko@mpgu.su*

Аннотация. В статье рассматривается проблема индивидуализации профессиональной деятельности педагогов-психологов образования, которая находит свое выражение в стиливых особенностях профессиональной деятельности. Демонстрируется спектр психологических проблем, исследуемых в русле психологии индивидуальности, психологии профессиональной деятельности, в частности проблемы соотношения субъективных и объективных условий, приспособления или гармоничного уравновешивания индивидуальных свойств и требований профессиональной деятельности к личности человека.

В статье представлена разработанная автором схема наблюдения профессиональной деятельности практических психологов образования. Практическая ценность разработанной схемы способствует изучению особенностей профессиональной деятельности практических психологов образования и способствует решению проблем индивидуализации деятельности, а именно развитию индивидуального стиля профессиональной деятельности. Выборка исследования – 74 человека ($N = 74$). Результаты исследования демонстрируют достоинства и недостатки разработанной схемы наблюдения профессиональной деятельности практических психологов образования.

Ключевые слова: стиливые особенности профессиональной деятельности, индивидуальный стиль деятельности, эффективность профессиональной деятельности, профессиональное мастерство, методика исследования стиливых особенностей профессиональной деятельности

Для цитирования: Герасименко Н.А. Стилевые особенности как предмет исследования профессиональной деятельности педагога-психолога образования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 150–158. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-150-158

Stylistic features as a subject of research into the professional activity of a teacher-educational psychologist

Natal'ya A. Gerasimenko

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
na.gerasimenko@mpgu.su

Abstract. The article considers the individualization in professional activity of practical educational psychologists, which finds its expression in the stylistic features of professional activity. It demonstrates the range of psychological issues studied in the context of the psychology of individuality and the psychology of professional activity in particular the issue of the relationship between subjective and objective conditions, adaptation or harmonious balancing of individual properties and the requirements of professional activity for a person's personality.

The article presents a scheme developed by the author for monitoring the professional activities of practical educational psychologists. The practical value of the developed scheme contributes to the study of the characteristics of the professional activity of practical educational psychologists and contributes to solving challenges of the individualization activity, namely the development of an individual style of professional one. The study sample was 74 people (N=74). The results of the study demonstrate the advantages and disadvantages of the developed scheme for monitoring the professional activities of practical educational psychologists.

Keywords: stylistic features of professional activity, individual style of activity, effectiveness of professional activity, professional skill, methodology for studying the stylistic features of professional activity

For citation: Gerasimenko, N.A. (2023), "Style features as a subject of research into the professional activity of a practical educational psychologist", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 150–158, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-150-158

Введение: постановка проблемы

Анализ материалов конференции «Служба практической психологии в системе образования», в которых обсуждаются темы достижения и совершенствования профессионального мастерства педагогов-психологов, дефициты педагогов-психологов, анализ перспектив развития профессионального мастерства, позволяет нам считать проблему индивидуализации профессиональной дея-

тельности практических психологов образования актуальной до сих пор.

Проблема индивидуализации профессиональной деятельности в современной психологии рассматривается в междисциплинарном подходе, интегрируя содержание психологии профессиональной деятельности и психологии индивидуальности.

Анализ литературы по проблеме индивидуального стиля деятельности (далее ИСД) показал, что существует два подхода. В первом подходе одним из главных признаков индивидуального стиля (ИС) считалось эффективное выполнение деятельности. В исследованиях Е.А. Климова ИСД представляет собой систему индивидуально-своеобразных приемов, обеспечивающих успешное выполнение человеком определенной деятельности [Климов 1969]. Однако со временем стали появляться исследования, предметом которых стали индивидуальные различия в результативной стороне деятельности [Шукин 1995]. В связи с этим снимается вопрос о развитии ИС, и проблема развития, совершенствования остается без внимания. Возникает вопрос: как происходит уравнивание субъективных факторов (внутренних условий) и объективных факторов (требований деятельности)? Е.П. Ильин описал три варианта соотношения между стилем (индивидуальным своеобразием) и эффективностью деятельности: процесс приспособления деятельности к человеку, процесс приспособления человека к деятельности и взаимное уравнивание человеческой индивидуальности и требований деятельности. В первых двух случаях эффективность деятельности достаточно низкая. В третьем случае стиль деятельности выбирается по склонности и не вступает в противоречие с требованиями деятельности. Этот вариант является наиболее благоприятным для развития эффективности [Ильин 2004]. Мы считаем, что о стиле, главной характеристикой которого является эффективность, необходимо говорить в рамках профессиональной деятельности, так как мы заинтересованы в результате этой деятельности. Индивидуальное своеобразие при выполнении деятельности, приводящее к низкой эффективности, можно называть «псевдостиль» [Шукин 1992]. Взаимное уравнивание происходит именно в точке наличия индивидуального стиля деятельности как критерия мастерства и высокой эффективности в профессиональной деятельности. При наличии высокой мотивации и профессиональной направленности субъект деятельности может достигнуть высоких результатов в своей деятельности, и тогда проблема профпригодности отпадает.

Процесс становления ИСД проходит ряд этапов в процессе становления и освоения профессиональной деятельности и рассмат-

ривается как процесс «распредмечивания, индивидуализации нормативно-заданного (одобряемого) способа деятельности»¹.

Е.Ю. Пряжникова приводит в пример обобщенную схему освоения профессиональной деятельности: во-первых, происходит освоение нормативной, изначально заданной деятельности. На этом этапе формируется образ всей нормативно-заданной деятельности – это фактически формирование нормативной ориентировочной основы действия – ООД по Гальперину. Здесь выделяются следующие основные подэтапы: а) построение образа целостной деятельности (как обобщенная ориентировка в данной деятельности); б) освоение отдельных действий; в) освоение множества действий и деятельности в целом.

На втором этапе происходит освоение деятельности по новому образцу (т. е. формирование индивидуального стиля деятельности): сначала происходит освоение отдельных действий на основании новых, собственных представлений работника; далее осваивается новая деятельность в целом – на основе уже освоенного нормативно-одобряемого образца (как индивидуально приспособленная к себе в результате постепенного формирования индивидуального стиля деятельности).

Эмпирическое исследование стилиевых особенностей профессиональной деятельности психологов образования

Стилевые особенности выполнения профессиональной деятельности педагога-психолога образования как основа для дальнейшего выделения индивидуального стиля профессиональной деятельности. Мы предполагаем, что индивидуальность психолога образования находит свое выражение в стилиевых особенностях его профессиональной деятельности, т. е. профиль индивидуальных свойств практического психолога будет определять диспозицию его профессиональных действий.

Целью данного исследования стали стилиевые особенности профессиональной деятельности психологов образования.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 74 педагога-психолога с опытом работы в ДОО г. Москвы от двух месяцев до восьми лет.

Методика исследования. Изучение реализации профессиональных задач проводилось по авторской схеме «Стилевые особенности

---

¹ Пряжникова Е.Ю. Психология труда: теория и практика: Учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2021. С. 142.

профессиональной деятельности психолога образования» [Герасименко 2018, с. 112]. Для разработки схемы наблюдения особенности профессиональной деятельности выявлялись посредством бесед и наблюдений на диагностических и коррекционно-развивающих занятиях, в ходе психолого-медико-педагогических комиссий, консультаций и тренингов. Также нами проводился эмпирический анализ целей и задач профессиональной деятельности практического психолога образования. Основные задачи (создание доверительной атмосферы, установление контакта, развитие процессуальной части деятельности, констатация особенностей психической реальности человека, изменения признаков психической реальности), стоящие перед психологом образования, реализуются через систему профессиональных действий, представляющих собой своего рода структуру профессиональной деятельности психолога образования. Каждая из десяти характеристик оценивалась экспериментатором по 3-балльной системе: не выражено (1 балл); выражено (2 балла); очень выражено (3 балла). Если значение действия приближено к трем баллам, мы можем говорить об очень хорошей выраженности, возможно, о наличии индивидуального своеобразия в их выполнении. Если к двум, мы говорим о том, что эти профессиональные действия постоянны, устойчивы в профессиональной деятельности. Значения, приближенные к единице, говорят об отсутствии или о слабой выраженности этих профессиональных действий, которые то проявляются, то не проявляются.

В результате этой исследовательской деятельности нами было выделено пять групп действий: адаптационные, регуляционные, организационные, действия констатации и действия преобразования психической реальности. В основу их выделения мы положили базовые цели (задачи) достижения психологической деятельности. основной целью действий адаптации было создание доверительной атмосферы и установление контакта во взаимодействии с ребенком. Регуляционные действия направлены на управление процессуальной частью деятельности. Организационные действия заключали в себе действия планирования и контроля. Действия констатации несли в себе способность установления особенностей психической реальности личности. И действия преобразования – это действия, способствующие изменению психической реальности. Каждую группу действий объединяет характеристика отражающих процессуальные и содержательные особенности профессиональной деятельности психолога образования. Например, в группу адаптационных действий входят: 1) использование положительных переформулировок; 2) обращение к детям, клиенту по имени; 3) приветливый и располагающий тон; 4) предоставление ребенку

права выбрать тот вид деятельности, которым он хочет заниматься; 5) отсутствие напряжения в позе и речи; 6) использование в речи открытых вопросов, способствующих развитию беседы; 7) наличие единой пространственной позиции (отсутствие доминанты взрослого, зрительный контакт); 8) использование простых по конструкции, понятных предложений (краткость и точность высказываний); 9) использование в речи юмора; 10) установление и поддержание контакта с ребенком в процессе взаимодействия (похвала, награждение и др.); 11) другое.

В группу действий преобразования психической реальности входят: 1) отсутствие в речи оценочных и осуждающих реплик; 2) использование положительных переформулировок; 3) использование проблемных вопросов и организация проблемных ситуаций; 4) использование методов канализации чувств, переживаний; 5) использование в деятельности метафор, притч и сказок, ролевых игр; 6) использование релаксационных техник на занятиях (глубокое дыхание, визуальные образы, мышечная релаксация); 7) использование методов арт-терапии (рисование, лепка); 8) разыгрывание сценок и этюдов; 9) организация беседы, опираясь на опыт детей; 10) другое. В группу регуляционных действий входят: 1) создание волнующей ситуации (сюрпризный момент) в начале занятия; 2) озвучивание правил поведения перед взаимодействием; 3) вербальная регуляция поведения детей в его процессе; 4) поощрительные действия в процессе и по окончании взаимодействия (похвала, награждение, эмоциональная поддержка); 5) пластичная смена во взаимодействии (партнер, ведущий, ведомый); 6) речь динамичная, активная, эмоционально-захватывающая; 7) подведение итогов того или иного действия детей, этапа взаимодействия; 8) владение ситуацией, гибкое использование психологических методов в зависимости от ситуации; 9) использование во взаимодействии языка мимики и жестов, интонационных изменений в речи; 10) высокий темп проведения психологического мероприятия; 11) другое. В группу действий констатации входят: 1) использование вопросов в течение деятельности о самочувствии ребенка, о его желании продолжить деятельность; 2) контроль принятия ребенком задания; 3) использование различных видов помощи (наводящие вопросы, предложение еще раз подумать); 4) чередование видов деятельности во взаимодействии в зависимости от готовности ребенка; 5) использование в речи открытых вопросов, способствующих развитию беседы; 6) выстраивание процесса обследования как совместную игру с ребенком; 7) наличие психологического протокола в процессе исследования; 8) соответствие выбранных методик задачам и этапам обследования; 9) наличие психологического протокола в процессе исследования;

10) организация беседы на основании опыта детей. Профессиональные действия считались выраженными, если их баллы определялись выше среднего уровня в рассматриваемой выборке.

Результаты исследования

Анализ полученных данных с помощью этой методики показал, что:

- выраженность организационных действий преобладает у 76% выборки;
- действия регуляции выражены у 57% выборки;
- адаптационные действия преобладают у 52%;
- действия констатации выражены у 48% выборки;
- действия преобразования выражены только у 23% выборки.

По пилотажным результатам, полученным с помощью схемы наблюдения, можно сделать следующие выводы:

- организационные действия выражены у большей части выборки (76%). В связи с этим мы можем говорить о том, что у выборки хорошо развиты действия планирования и контроля, что, на наш взгляд, является первым этапом успешного развития профессиональной деятельности. Наше предположение подтверждается положениями П.Я. Гальперина об ориентировочной основе действия, положения О.А. Конопкина, В.И. Моросановой о саморегуляции деятельности и поведения;
- действия адаптации (52%) и регуляции (57%) выражены уже в меньшей степени. Действия адаптации являются важным звеном всего процесса, поскольку от их выраженности зависит возможность дальнейшей работы и достоверность будущих результатов. Однако этот вид действий у молодых специалистов складывается практически стихийно и основывается на первых порах больше на индивидуальных свойствах личности, и только со временем обрастает технологическими приемами. Это предположение, на наш взгляд, касается и регуляционных действий. Такая ситуация складывается потому, что формированию этих видов действий фактически не уделяется внимание при обучении;
- действия констатации выражены практически у половины выборки (48%), что заставляет предположить, что часть специалистов «зависает» на этапе констатирования признаков психической реальности и другие виды профессиональных действий у них не развиты. Этот результат можно объяснить как современной ситуацией в системе образования, так и индивидуальными особенностями психологов;

- действия преобразования выражены еще в меньшей степени (23%), можно предположить, что выборка слабо ориентирована на коррекционную работу.

Заключение

В заключение на основе полученных данных мы можем сделать вывод, что схема «Стилевые особенности профессиональной деятельности психологов образования» отражает индивидуальное своеобразие (стилевые особенности) и степень эффективности профессиональной деятельности (полная или парциальная реализация профессиональных задач). Выраженность всех структурных компонентов способствует полной реализации профессиональной деятельности и как следствие повышение ее результативности (эффективности) [Герасименко 2018, с. 114]. Практическая ценность разработанной схемы способствует изучению особенностей профессиональной деятельности педагогов-психологов и способствует решению проблем индивидуализации деятельности, а именно развитию индивидуального стиля профессиональной деятельности, решению вопроса ее эффективности.

При проведении пилотажного исследования нами были обнаружены как достоинства схемы наблюдения, так и ее недостатки:

- 1) схема наблюдения дает возможность наблюдать не только количественные характеристики (уровень выраженности в выполнении профессиональных действий), но и его индивидуальное своеобразие и неповторимость;
- 2) результаты наблюдения могут являться предметом рефлексии специалистом собственной профессиональной деятельности: осознать свои достоинства и зоны ближайшего развития.

Недостатки заключались в трудностях организации проведения этого метода.

1. Метод наблюдения, и тем более съемка, способствовал повышению тревожности у педагогов-психологов.

2. Наличие множества критериев оценки создает необходимость проводить наблюдение неоднократно, что предполагает заинтересованность педагога-психолога в сотрудничестве и контакте.

Помимо обнаруженных достоинств и недостатков, пилотажное исследование показало необходимость разработки интервью, которое бы включало в себя вопросы на рефлекссию собственного индивидуального стиля в профессиональной деятельности, его наличия или отсутствия, формулирование содержания определения ИСД. Необходимость в интервью возникла, так как не все действия можно увидеть с помощью метода наблюдения, например, органи-

зационные действия, которые подразумевают включение в себя действий планирования и контроля можно увидеть только при рассматривании документации педагога-психолога.

Литература

- Герасименко 2018 – *Герасименко Н.А.* О методике изучения стиливых особенностей профессиональной деятельности психолога системы образования // Психология обучения 2018. № 3. С. 109–115.
- Ильин 2004 – *Ильин Е.П.* Психология индивидуальных различий. СПб., 2004. 701 с.
- Климов 1969 – *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности. Казань, 1969.
- Щукин 1995 – *Щукин М.Р.* Индивидуальный стиль деятельности и интегральная индивидуальность: проблемы и подходы // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2.
- Щукин 1992 – *Щукин М.Р.* Проблемы индивидуального стиля в современной психологии // Интегральное исследование индивидуальности: Стиль деятельности и общение. Пермь, 1992.

References

- Gerasimenko, N.A. (2018), “On the methodology of studying the stylistic features of the professional activity of a psychologist of the educational system”, *Psychology of Education*, no. 3, pp. 109–115.
- Il'in, E.P. (2004), *Psikhologiya individual'nykh razlichii* [Psychology of individual differences], Saint Petersburg, Russia.
- Klimov, E.A. (1969), *Individual'nyi stil' deyatel'nosti* [Individual style of activity], Kazan, Russia.
- Shchukin, M.R. (1995), “Individual style and the integral individuality. Issues and approaches”, *Psychological Journal*, vol. 16, no. 2.
- Shchukin, M.R. (1992), “Issues of individual style in modern psychology”, *Integral'noe issledovanie individual'nosti: Stil' deyatel'nosti i obshchenie* [Integral study of individuality. Activity style and communication], Perm, Russia.

Информация об авторе

Наталья А. Герасименко, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1; na.gerasimenko@mpgu.su

Information about the author

Natal'ya A. Gerasimenko, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; na.gerasimenko@mpgu.su

Работы молодых ученых

УДК 796.03

DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-159-173

Спортивная идентичность как условие сохранения устойчивой мотивации занятий спортом у детей и подростков

Анастасия А. Молчанова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, aamolch@mail.ru*

Аннотация. Систематические занятия спортом создают особый вариант социальной ситуации развития детей и подростков, включают их с ранних лет в сообщество «спортсменов». В ходе активных занятий спортом происходит изменение образа жизни ребенка и, нередко, смена ведущей деятельности. Спортивные занятия предполагают функционирование ребенка с дошкольного возраста в соревновательной среде, а также доминирование мотивации достижения. Юные спортсмены отдают большое количество сил и времени тренировкам. Одну из важных ролей здесь играет процесс становления такой личностной характеристики ребенка, как «спортивная идентичность», формируемая уже в младшем школьном возрасте. В ходе эмпирического исследования было показано, что уровень спортивной идентичности прямо пропорционален продолжительности занятий спортивной деятельностью. Дети-спортсмены удовлетворены своей жизнью, окружением и происходящими событиями аналогично их сверстникам, не вовлеченным в активные занятия спортом. Наряду с этим высокий уровень спортивной идентичности способствует поддержанию стабильной мотивации продолжения заниматься спортивной деятельностью. Формирование спортивной идентичности у юных спортсменов является необходимым условием создания мотивации быть включенным в сообщество «спортсмены» в длительной перспективе, что, безусловно, также становится отдельной задачей для родителей, тренеров, спортивных и возрастных психологов.

Ключевые слова: спортивная идентичность, спорт, мотивация аффилиации, мотивация занятий спортом

Для цитирования: Молчанова А.А. Спортивная идентичность как условие сохранения устойчивой мотивации занятий спортом у детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 159–173. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-159-173

© Молчанова А.А., 2023

Sports identity as condition for conservation of sustainable motivation for sports in children and adolescents

Anastasiya A. Molchanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, aamolch@mail.ru

Abstract. Systematic sports activities create a special variant of the social situation of the development, include children from an early age in the community of “athletes”. During active sports, there is a change in the child’s lifestyle and quite often, a change of leading activity. Sports activities assume the early inclusion of the child in the competitive environment, as well as the dominance of achievement motivation. Young athletes devote a lot of time and energy to training. In that respect, an important role is played by the process of formation of such a personal characteristic of a child as “sports identity”, which is formed already at the primary school age. In the course of an empirical study, it was shown that the level of sports identity is directly proportional to the duration of sports activities. Children involved in active sports are satisfied with their lives, environment and current events in the same way as their age peers who are not engaged in sports activities. Along with it, a high level of sports identity contributes to maintaining a stable motivation to continue to go in for sports. Therefore, the formation of sports identity in athlete’s childhood is a necessary condition for creating motivation to be included in the community “athletes” in the long term, which, of course, also becomes a separate task for parents, coaches, sports and age psychologists.

Keywords: sports identity, sport, motivation of affiliation, motivation for sports

Для цитирования: Molchanova A.A. (2023), “Sports identity as condition for conservation of sustainable motivation for sports in children and adolescents”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 159–173, DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-159-173

Введение. Постановка проблемы

Спорт – это социально-культурное явление, отражающее специфическую форму организации жизни, в которой развивается и проявляется личность человека. В современном обществе спорт играет важную роль в формировании образа жизни ребенка, а также задает некую траекторию развития личности, способы самосовершенствования и самореализации.

С раннего возраста (чаще всего родители приводят ребенка в спорт в 4–5 лет) личность спортсмена формируется в специфиче-

ских условиях, т. е. социальная ситуация развития спортсменов отличается от социальной ситуации развития детей, не включенных в спортивную деятельность.

Большинство спортсменов, показывающих достаточно высокие результаты, автоматически включены в сообщество, ведущее здоровый образ жизни. Они следят за своим питанием, фигурой, здоровьем, сном, интенсивностью физических нагрузок и пр. Наряду с этим для них немаловажно иметь оптимистическое представление о собственной личностной и деятельностной успешности [Булышко, Коломейцев 2009]. Речь идет о самоэффективности, которая, согласно многим исследованиям, напрямую связана с высокими показателями академической успешности и спортивной деятельности [Корниенко и др. 2016]. Она является одним из важнейших аспектов, способствующих сохранению высокого уровня мотивации и стабильности в оценке собственных способностей (адекватной самооценке, которая по мере взросления ребенка спортсмена начинает играть все большую и большую роль, ярко сказываясь на его результативности).

Специфика мотивационной сферы спортсмена

Роль ожидания тех или иных результатов в регулировании мотивации достаточно сложна и не столь предсказуема. По большей части она зависит от поставленных субъектом целей и доступных на данный момент средств.

Само по себе ожидание (в когнитивном смысле) мотивационного влияния не оказывает. Однако оно способно регулировать уровень мотивации, передающийся от целевого объекта к инструментальному действию. В случае, если ребенок убеждается в бесплезности предпринятых попыток, в недостижимости поставленной цели (цель может ставиться как им самим, так и его родителями, тренером или другим значимым взрослым), его поведение по направлению к этой цели может претерпеть значительные изменения вплоть до полного прекращения деятельности.

Данный фрустрационный отзвук может продолжать воздействовать на интенсивность мотивации несмотря на то, что вероятность достижения цели равна нулю. Таким образом, это может способствовать возникновению квазипотребности¹ [Нюттен 2004].

---

¹ Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева; [Пер. с англ. Е.Ю. Патяевой и др.]. М.: Смысл, 2004. 607 с.

Н.В. Минникаева в своем исследовании показала, что более мотивированные дошкольники в дальнейшем будут более успешными на тренировках и соревнованиях [Минникаева 2015]. При этом важно учитывать, что в возрасте 3–5 лет мотивация является неустойчивой. Дети переключаются с одной деятельности на другую, не заостряя большое количество внимания на какой-то конкретной деятельности (будь то тренировка, рисование или игра со сверстниками). Даже при высоких показателях мотивации в дошкольном возрасте, к 8–12 годам имеется тенденция к их резким падениям [Корниенко и др. 2016; Крушельницкая, Терентьева 2020].

А.В. Шаболтас была установлена следующая этапность развития мотивов у спортсменов: 1) мечта о высоких достижениях; 2) эмоциональное отношение к спортивной деятельности и получение удовольствия от нее; 3) прагматичность и рациональность отношения к выполняемой деятельности (возможность предвидения результатов своих действий) [Шаболтас 1998].

Для большинства спортсменов наиболее значимым, побуждающим мотивом является мотив достижения успеха. Он стимулирует субъекта к регулярным тренировкам, активному самосовершенствованию и занятиям спортом в целом. При этом для спортсменов эстетических видов спорта (таких как художественная, эстетическая гимнастика, танцевальный спорт, фитнес аэробика, синхронное плавание, бодибилдинг, фигурное катание и многих других) к мотиву достижения успеха добавляется еще три других:

- мотив эмоционального удовольствия: высокий спрос на амплитудные, выразительные движения всеми частями тела в сочетании с высокой координацией, отражение потребности преодоления напряжения;
- социально-эмоциональный мотив: самовыражение, потребность в свободе движений;
- мотив социального самоутверждения: популярность, где частный случай – признание авторитетными лицами (главным тренером, судьей другой сильной команды) [Германов и др. 2021].

Особую значимость для спортсменов любого уровня (даже для начинающих спортсменов) играет мотивация аффилиации и спортивная идентичность, т. е. стремление быть в обществе, а именно в группе спортсменов (создание дружеских связей, доверительных и эмоционально-значимых отношений). Мотивация достижения успеха способствует подавлению у ребенка аффилиативных тенденций, и именно возрастные особенности будут определять соотношение мотивов достижения и аффилиации.

Относительно недавно в спортивной психологии появился термин «аутентичность», означающий преданность своему делу, себе, профессиональной траектории и собственному месту в обществе [Бочавер и др. 2021]. Аутентичность спортсмена – феномен, соединяющий в структуре его личности выученные навыки и умения, а также убеждения, мотивы и цели. Другими словами, это внутренняя опора человека, вовлеченного в активные занятия спортом. Она позволяет поддерживать внутренние мотивы, не зависящие от внешней среды, и способствует ориентации спортсмена на более длительную спортивную карьеру [Бочавер и др. 2022].

Мотив, выступающий побудителем, стимулом к действию, во многом обуславливает конечный результат деятельности. Безусловно, в зависимости от предпочтения субъектом тех или иных последствий будет изменяться и его мотивация. Получение любого успеха в спортивной деятельности (сиюминутного или длительного, значительного или не очень) способствует повышению уровня внутренней мотивации – наиболее стойкого вида мотивации. То есть активизируется механизм, запускающий мотивацию достижения, позволяющий совершенствовать свое мастерство, ставить новые цели, достигать их [Белкин 1991]. Чем выше и стабильнее мотивационный компонент, связанный с продолжением занятий спортивной деятельностью, тем больше вероятность присутствия спорта в дальнейшей жизни ребенка.

Спортивная идентичность

Особую значимость даже для начинающих спортсменов имеет мотивация аффилиации и спортивная идентичность – стремление быть в обществе (взрослых, сверстников); создание дружеских, доверительных и эмоционально-значимых отношений. Включение в спортивную деятельность актуализирует мотивацию достижения (способствующую подавлению у ребенка аффилиативных тенденций).

Наряду с этим возможно различное соотношение мотивов достижения и аффилиации. Так, например, повышенная значимость общения и взаимодействия со сверстниками, чувство важности принадлежности к той или иной группе влияет на отношение спортсмена к соперничеству: желание сохранить дружбу превосходит стремление к победе (подавляется мотивация выигрывать соревнования, требуемая спортивным сообществом). При этом может наблюдаться и противоположный эффект: когда реализация

мотива достижения фрустрирует мотив аффилиации, вызывая у спортсменов психологические травмы (в таком случае спортсмены готовы «идти по головам» ради золотой медали).

Спортивная сфера – это возможность самореализации и самосовершенствования [Дубова 2020]. Долгое время фокус исследователей при работе со спортсменами был сосредоточен на личностном и психофизиологическом компонентах. Однако в последнее десятилетие он сместился на изучение социально-психологического аспекта, в рамках которого популярность приобрел феномен «спортивная идентичность», впервые введенный в терминологию психологии спорта Б.В. Брюэром [Brewer et al. 1993]. Как и в любой другой идентичности (в том числе и в спортивной), выделяют три компонента:

- социальный (отнесение себя к группе «спортсмены»);
- когнитивный (решение задачи принятия решений, рассуждая с позиции «спортсмен»);
- аффективный (человек положительно относится к данному виду идентичности и к себе как к спортсмену).

Спортивная идентичность является предиктором самоэффективности не только для самих спортсменов, но и для людей, косвенно вовлеченных в спортивную деятельность (в случае детей-спортсменов – это родители и прародители). Она способствует стабильному вовлечению в физическую активность, сохранению мотивации продолжения занятий спортом (данный аспект наиболее актуален для детей на начальном этапе подготовки и для тех, кто переходит уже на профессиональный уровень), высокой академической и спортивной результативности, а также снижению уровня тревожности (в особенности перед соревнованиями).

Система спорта нацелена на быстрое формирование у детей спортивной идентичности: участие на начальном этапе в «беспроектных» соревнованиях, покупка инвентаря, активно рекламируемого различными производителями товаров и известными спортсменами. Все это необходимо для удержания ребенка и его родителей в спортивной сфере, для формирования целой плеяды интересов и прогнозирования будущего, связанного со спортом. Однако стоит отметить, что чрезмерные стремления к большим достижениям приводят к снижению контроля над собственными действиями, увеличивая тем самым вероятность получения травмы и выгорания (вплоть до полного отказа от спортивной деятельности) [Кушнирук 2021].

У спортсменов в ходе занятий вырабатывается своя система смыслов и побуждений. Она неразрывно связана с представлениями о себе в настоящем и будущем (человек анализирует свой опыт,

свои достижения и конструирует образ «Я»). Именно смысловая образующая (рассматриваемая в контексте динамической составляющей спортивной идентичности) позволяет достраивать смысл и формировать новообразование в виде свойств личности и обобщений – переосмысление себя, своих ролей и установок, своего образа «Я в будущем». Так, например, спортсмен, перешедший на более высокий уровень (получивший звание мастера спорта, вошедший в состав сборной области / РФ, ставший чемпионом страны и пр.), начинает осознавать себя в качестве образца для подражания [Дубова 2020].

Стоит также упомянуть об одной интересной закономерности, выведенной Р.С. Волковым при изучении особенностей вклада идентичности в успешность спортивных достижений: у девушек показатели личностной идентичности способствуют повышению результативности в спорте, в то время как групповая идентичность носит разрушающий характер и отрицательно влияет на успешность спортивной деятельности (у мужчин – обратная закономерность). В связи с этим процесс формирования идентичности (личностной и спортивной) в индивидуальных видах спорта можно рассматривать в качестве конструкта эффективности спортивной деятельности, сохранения мотивации занятий спортом в длительной перспективе [Волков 2022].

Таким образом:

- 1) на ранних этапах спортивной карьеры у ребенка возникает идентификация с новой ролью – спортсмена (в которую косвенно включается и вся семейная система), которая усиливается после первого опыта участия в соревнованиях;
- 2) вовлеченность родителя в спортивную деятельность ребенка должна быть сбалансирована: предоставление ребенку независимости в сочетании с принятием им за это ответственности [Зародина 2021];
- 3) начало спортивной деятельности способствует зарождению нового вектора в развитии личности, в развитии образа «Я», образа «Я в будущем». Когда личностный смысл спорта для ребенка высок (спорт воспринимается как цель, как смысл жизни), возникает не просто положительный эмоциональный отклик на физическую активность, а уже скорее привязанность – в таком случае большая вероятность того, что спорт в будущем станет профессией (создается мотивация заниматься спортом продолжительное время) [Дубова 2020].

Эмпирическое исследование

Цель: определить связь спортивной идентичности, удовлетворенности жизнью с мотивацией заниматься спортом в длительной перспективе.

Гипотезы исследования:

- спортивная идентичность формируется у детей-спортсменов уже в младшем школьном возрасте;
- удовлетворенность жизнью выше у детей и подростков, занимающихся спортом;
- высокий уровень спортивной идентичности у ребенка-спортсмена способствует более длительному пребыванию в сфере спорта, созданию внутренней мотивации продолжать заниматься спортом.

Методики исследования:

- для исследования меры отнесения себя к группе спортсменов (и эмоциональной включенности в нее) использовался модифицированный вариант опросника А.В. Кушнирук «Шкала измерения спортивной идентичности». Данный опросник включал в себя три шкалы: 1) социальная идентичность – признание спорта как части общественной жизни и социальной активности; 2) исключительность – приоритетность спорта по сравнению с другими занятиями; 3) негативная аффективность – эмоциональное отношение к возможным сложностям/трудностям, сопряженным со спортом;
- методика «Незаконченные предложения» (авторский вариант) для оценки специфики мотивационной сферы ребенка-спортсмена;
- опросник «Удовлетворенность жизнью» (авторский вариант).

Выборка: в исследовании приняли участие 48 девочек и девушек в возрасте от 7,5 до 20,1 лет, активно занимающихся спортом и не включенных в занятия спортивной деятельностью.

Результаты эмпирического исследования

Выраженность спортивной идентичности у спортсменов разных возрастных групп представлена в таблице.

Таблица

Выраженность спортивной идентичности у спортсменок разных возрастных групп

	Младший школьный возраст	Подростковый возраст	Юношеский возраст
Средний балл спортивной идентичности	42,3	36,1	32,0

Было обнаружено, что *спортивная идентичность наиболее выражена у младших школьников*, поскольку представления родителей, тренера и ребенка о перспективах в спорте соотносятся между собой. В 9–10 лет ребенок может впервые участвовать на серьезных соревнованиях, получать первые значимые результаты. Также чаще всего под конец младшего школьного возраста дети находятся в оптимальной физической форме, мотивация занятий спортом достаточно высока. Поэтому во многих видах спорта в этот период производится отбор в юношеские сборные (России, округа, области и т. д.).

В подростковом возрасте помимо активного формирования (появления вторичных половых признаков у девочек) возникают первые спортивные травмы. Спортсменки вынуждены на некоторое время прекращать тренировки и изолироваться от спортивного сообщества для полноценной реабилитации (наблюдается снижение мотивации посвящать большое количество времени спорту). В связи с этим расширяется круг интересов, выходящих за рамки спортивной деятельности. Ребенок *корректирует цели, реалистично оценивает свои возможности достижения определенных высот в спорте* (например, получение звания мастера спорта) и в результате делает выбор: оставаться в спорте или же заканчивать карьеру, – поскольку он реалистично подходит к оцениванию рисков занятий спортом и возможных сложностей.

Ближе к юношескому возрасту уровень спортивной идентичности может снижаться. На основе полуструктурированной беседы было выявлено следующее: если девушка-спортсменка не находится в составе сборной России (округа/области) и не имеет конкретных целей в спорте (или уже достигла их), то она начинает активно пересматривать роль спорта в своей жизни. Мотивация заниматься тем или иным видом спорта минимальна, поскольку нет больших профессиональных спортивных целей (получить

спортивное звание мастера спорта и пр., попасть на Олимпийские игры / Чемпионат мира и т. п.).

Также мы исследовали гипотетическую связь между продолжительностью занятий спортом и уровнем спортивной идентичности по всей выборке. Обнаружена средняя связь: r (Спирмена) = 0,558 при $p < 0,001$. То есть *чем дольше по времени ребенок занимается спортом, тем сильнее выражена его спортивная идентичность*.

Помимо этого было обнаружено, что представления «о себе в спорте» связаны с уровнем спортивной идентичности: r (Спирмена) = 0,639 при $p = 0,001$. Следовательно, чем более выражена у ребенка приверженность спорту, тем четче его представления о возможности связать свое будущее со спортивной сферой.

Кроме того, обнаружена связь на уровне тенденции между оценкой (1) *внешней привлекательности* и (2) *собственного трудолюбия* с предпочтением спортивной деятельности в качестве возможного проекта профессиональной самореализации (r (1) (Спирмена) = 0,594 при $p = 0,07$, r (2) (Спирмена) = 0,567 при $p = 0,09$).

Тем не менее в обществе существует установка, что ребенок, активно занимающийся спортом, лишен благ детства: родители заставляют его заниматься спортом в угоду своим желанием, а не его собственным. В данном исследовании для оценки удовлетворенности жизнью детям, вовлеченным в активные занятия спортом, и детям-неспортсменам задавались прямые и обратные вопросы, затрагивающие тему наиболее частого настроения ребенка (позитивного/негативного), комфортности пребывания в обществе (т. е. насколько ребенок доволен происходящим).

Мы сравнили уровень удовлетворенности жизнью в группе спортсменов и неспортсменов. Значимых различий между ними не обнаружено: девочкам обеих групп нравится их окружение, происходящие события и т. п.

Обе группы девочек схожим образом оценивают уровень интересности своей жизни и удовлетворенности ею (различия незначительны). Аналогично они отмечают, что зачастую пребывают в хорошем настроении и оптимистично смотрят на мир.

В ходе полуструктурированной беседы респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Если бы можно было выбрать время, в котором жить, ты бы выбрал(-а): а) прошлое, б) настоящее, в) будущее?» Результаты показали, что *большинство спортсменов предпочитают для жизни настоящее время. Неспортсмены в основном делают ставку на будущее* и иногда предпочитают *прошлое* настоящему.

То есть дети-спортсмены вовлечены в настоящее, они включены в жизнь и полноценно ее проживают («здесь и сейчас»), находясь в «потоке, в моменте». У них нет времени сожалеть о прошлом

или предаваться полностью фантазиям относительно будущего. Безусловно, они могут обратиться к прошедшим событиям и проанализировать их, могут мечтать о выборе в будущем, однако все равно остаются в настоящем и хотят насладиться теми достижениями и успехами, которые имеют на данный момент. Даже девушки (юношеского возраста), занимающиеся спортом, тоже предпочитают жизнь в настоящем времени, поскольку осознают, что «моложе и активнее, чем сейчас» они уже не станут.

В то же время дети, не занимающиеся спортом, имеют более размытое представление о предпочтительном времени жизни. Тем самым они демонстрируют недостаточную удовлетворенность жизнью в настоящем. Девочки-неспортсменки убеждены, что в будущем будет больше возможностей во всех сферах, особенно «для зарабатывания денег». В связи с этим именно будущее для них – наиболее привлекательное время для жизни. Вместе с тем многие придерживаются мнения, что прошлое – это хорошее воспоминание, которое хочется вновь обратить в реальность. Поэтому в данных случаях предпочтение отдается именно этим двум временам.

Выводы

1. У девочек, активно занимающихся спортом, дальние и ближайшие цели связаны с мотивацией продолжения спортивной деятельности: 1) напрямую – тренерство, спортивные достижения (получение спортивных званий, разрядов); 2) косвенно – наставничество/репетиторство, – при этом в обоих вариантах спортивная деятельность обязательно присутствует. У девочек, не вовлеченных в спортивные занятия, целевые показатели существенно отличаются от девочек-спортсменок: они включают в себя желание финансово не зависеть от взрослых, а также возможность самосовершенствоваться, при этом будущая профессия четко не определена.

2. В качестве важного и специфического компонента самосознания девочек-спортсменок выступила их сумма представлений о себе как спортсменках – «спортивная идентичность». Наиболее высокие показатели спортивной идентичности характерны для спортсменок младшего школьного возраста. Затем наблюдается тенденция на снижение с дальнейшим сохранением на уровне выше среднего. Также продолжительность занятий спортом варьируется в зависимости от спортивной идентичности: дети с более выраженной спортивной идентичностью склонны к более устойчивой мотивации продолжать занятия спортом. Таким образом, в спорте остаются те, кто больше привержен спорту.

3. В случае выраженной спортивной идентичности в ближайших и дальних целях фигурирует спортивная деятельность (как прямо, так и косвенно): т. е. спорт выбирается в качестве профессии или же в качестве неотъемлемой части жизни (хобби).

4. Спортивная деятельность создает особые условия для развития личности ребенка: тяжелые физические нагрузки, постоянная оценочная и конкурентная среда являются своего рода трудностями, оказывающими влияние на представление о себе и своем будущем. Тем не менее большинство девочек-спортсменок рассматривают спорт в позитивном ключе, утверждая, что в дальнейшем они практически на 100% уверены, что отдадут своих детей именно в спортивную секцию (так как это интересный опыт и «важная школа жизни»).

5. Данные спортсменок и неспортсменок свидетельствуют об их позитивной удовлетворенности жизнью. При этом многие спортсменки предпочитают жить в настоящем времени, получать результат и успех здесь и сейчас; в то время как девочки, не занимающиеся спортом, нацелены на процесс в будущем, они совершенствуются, чтобы потом была возможность «пожинать плоды», хорошо зарабатывать и гордиться собой.

Заключение

В заключение отметим, что спортсмены любого уровня (профессионального, любительского, начального) включаются в новое сообщество «спортсмены» и функционируют в нем, соблюдая необходимые правила. Адекватный уровень подобной включенности будет способствовать поддержанию мотивации занятий спортом, а также увеличивать самоэффективность как самого спортсмена, так и других людей, напрямую или косвенно связанных с его спортивной деятельностью [Кушнирук 2021]. В связи с этим тренеры, работающие с детьми, должны уделять внимание не только самим детям-спортсменам, но и способствовать активному включению их родителей, создавая для них дополнительные сообщества (в организационном плане, для общения, для экстренной связи и т. п.). Тождественность «Я» некоторому общепринятому эталону, норме, правилу, модели, образу или же самому себе и есть идентичность, синтезирующая в единое целое психологические типы, ожидания и установки, различные поведенческие схемы, модусы и смыслы жизни [Тхагапсоев 2011]. То есть идентичность рассматривается как знания, представления и переживания, задающие основу самоидентичности. На их основе человек может сказать: «Это Я сейчас», «Это Я в будущем» и пр.

Спортивная сфера рождает новый, особый вариант социальной ситуации развития, который нравится детям, который позволяет им находиться в настоящем моменте и получать максимум от происходящих событий (учитывая при этом прошлый опыт и собственные желания, мечты относительно будущего). Они удовлетворены своим образом жизни и на основе него конструируют представления о себе сейчас и в будущем. Полученные данные могут быть полезны в консультативной работе спортивным и возрастным психологам, а также родителям юных спортсменов для понимания особенностей формирования личности ребенка при его раннем включении в спортивную деятельность.

Литература

- Белкин 1991 – *Белкин А.С.* Ситуация успеха. Как ее создать. М.: Просвещение, 1991. 168 с.
- Бочавер и др. 2021 – *Бочавер К.А., Довжик Л.М., Квасов М.Е., Бондарев Д.В.* Система ценностей спортсмена в контексте рисков и ресурсов его ментального здоровья // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 12 (202). С. 453–459.
- Бочавер и др. 2022 – *Бочавер К.А., Барышникова В.Г., Бондарев Д.В.* Ценности и мотивы спортсмена в контексте личностной аутентичности // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2022. № 3-4 (63). С. 15–20.
- Булышко, Коломейцев 2009 – *Булышко Н.А., Коломейцев Ю.А.* К проблеме самоэффективности личности в психологии // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. 2009. № 3 (24). С. 37–46.
- Зародина 2021 – *Зародина В.* Дети в большом спорте: Родительские ожидания и реальность. URL: <https://zarodina.com/articles/deti-v-bolshom-sporte-roditelskie-ozhidaniya-i-realnost/> (дата обращения 15 августа 2023).
- Волков 2022 – *Волков Р.С.* Особенности вклада идентичности в уровень спортивных достижений у девушек и юношей, занимающихся боксом // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2022. № 3-4 (63). С. 26–30.
- Германов и др. 2021 – *Германов Г.Н., Сабирова И.А., Федоров В.В.* Структура мотивации к занятиям спортом у высококвалифицированных спортсменов различных видов спорта // Спортивный психолог. 2021. № 3 (60). С. 13–17.
- Дубова 2020 – *Дубова Т.Г.* Спортивная идентичность как смысловая реальность // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXV Междунар. симпозиума. М., 2020. С. 91–93.
- Корниенко и др. 2016 – *Корниенко Д.С., Фоминых А.А., Соркина Е.А.* Взаимосвязь самоэффективности и спортивной мотивации в разных видах спорта: пилотажное исследование // Вестник ПГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2016. № 1. С. 69–84.

- Крушельницкая, Терентьева 2020 – *Крушельницкая О.Б., Терентьева В.Э.* Психологические особенности мотивации детей к занятию спортивной гимнастикой профессионалов // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 4. С. 21–33. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-motivatsii-detey-k-zanyatiyu-sportivnoy-gimnastikoy/viewer> (дата обращения 15 августа 2023).
- Кушнирук 2021 – *Кушнирук А.В.* Спортивная идентичность как предиктор самоэффективности у людей с разным уровнем вовлеченности в физическую активность // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 43–49.
- Минникаева 2015 – *Минникаева Н.В.* Актуальные вопросы отбора для занятий спортивной гимнастикой детей 4–6 лет на этапе начальной подготовки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (1). С. 122–127.
- Тхагапсоев 2011 – *Тхагапсоев Х.Г.* Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. Спецвыпуск. 2011. № 1. С. 10–25.
- Шаболтас 1998 – *Шаболтас А.В.* Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 21 с.
- Brewer et al. 1993 – *Brewer B.W., Van Raalte J.L., Linder D.E.* Athletic identity: Hercules' muscles or achilles heel? // International Journal of Sport Psychology. 1993. № 24. P. 237–254.

References

- Belkin, A.S. (1991), *Situatsiya uspekha. Kak ee sozdat'* [The situation of success. How to create it], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Bochaver, K.A., Baryshnikova, V.G. and Bondarev, D.V. (2022), "Athletic values and motives in the context of personal authenticity", *Psychology and Pedagogy of Sports Activities*, no. 3-4 (63), pp. 15–20.
- Bochaver, K.A., Dovzhik, L.M, Kvasov, M.E. and Bondarev, D.B. (2021), "The Athlete's value system in the context of the risks and resources of his mental health", *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, no. 12, pp. 453–459.
- Brewer, B.W., Van Raalte, J.L. and Linder, D.E. (1993), "Athletic identity: Hercules' muscles or achilles heel?", *International Journal of Sport Psychology*, no. 24, pp. 237–254.
- Bulyanko, N.A. and Kolomeitsev, U.A. (2009), "On the issue of self-efficacy of personality in psychology", *Vestnik of Muzur State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin*, no. 3 (24), pp. 37–46.
- Dubova, T.G. (2020), "Sports identity as sense reality", *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i acme, Elektronnyi sbornik materialov XXV Mezhdunar. simpoziuma* [Psychological Issues of the Meaning of Life and Acme. Electronic Collection of Proceedings of the XXV International Symposium], Moscow, Russia, pp. 91–93.
- Germanov, G.N., Sabirova, I.A. and Fedorov, V.V. (2021), "The structure of motivation for sports among highly qualified athletes of various sports", *Sports Psychologist*, no. 3 (60), pp. 13–17.

- Kornienko, D.S., Fominykh, A.Ya. and Sorokina, E.A. (2016), "Self-efficacy and sport motivation among the individual and team sportsmen. A pilot study", *Vestnik PGGPU. Seriya. № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, no. 1, pp. 69–84.
- Krushelnitskaya, O.B. and Terent'eva, V.E. (2020), "Psychological features of children's motivation to engage in professional gymnastics", *Russian Psychological Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 21–33, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psikhologicheskie-osobennosti-motivatsii-detey-k-zanyatiyu-sportivnoy-gimnastikoy/viewer> (Accessed 15 August 2023).
- Kushniruk, A.V. (2021), "Athletic identity as a predictor of self-efficacy among people with different level of involvement into physical activity", *National Psychological Journal*, no. 3 (43), pp. 43–49.
- Minnikaeva, N.V. (2015), "Topical issues of selecting the 4–6 years old children for gymnastics classes at the stage of initial training", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (1), pp. 122–127.
- Tkhagapsoev, Kh.G. (2011), "Identity as a philosophical category and a measure of social existence", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 1 (Suppl.), pp. 10–25.
- Shaboltas, A.V. (1998), *Motives for playing sports of higher achievements in adolescence*, Abstract of PhD dissertation, Saint Petersburg, Russia.
- Volkov, R.S. (2022), "Features of the contribution of identity to the level of sports achievements among girls and boys engaged in boxing", *Psychology and Pedagogy of Sports Activities*, no. 3-4 (63), pp. 26–30.
- Zarodina, V. (2021), *Deti v bol'shom sporte: Roditel'skie ozhidaniya i real'nost'* [Children in big sports. Parental expectations and reality], available at: <https://zarodina.com/articles/deti-v-bolshom-sporte-roditelskie-ozhidaniya-i-realnost/> (Accessed 15 August 2023).

Информация об авторе

Анастасия А. Молчанова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; aamolch@mail.ru

Information about the author

Anastasiya A. Molchanova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 9, bld. 11, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; aamolch@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
№ 4
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 25.12.2023
Выход в свет 29.12.2023
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 10,9
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1885

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru